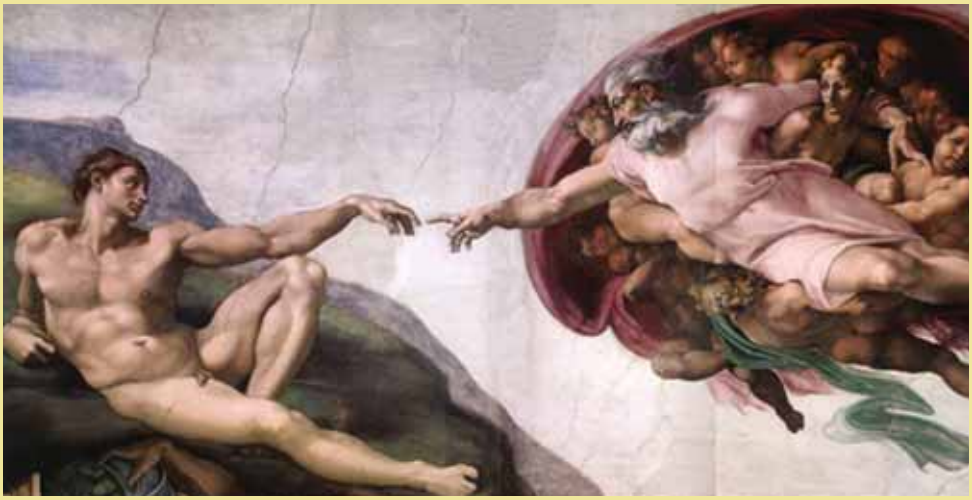
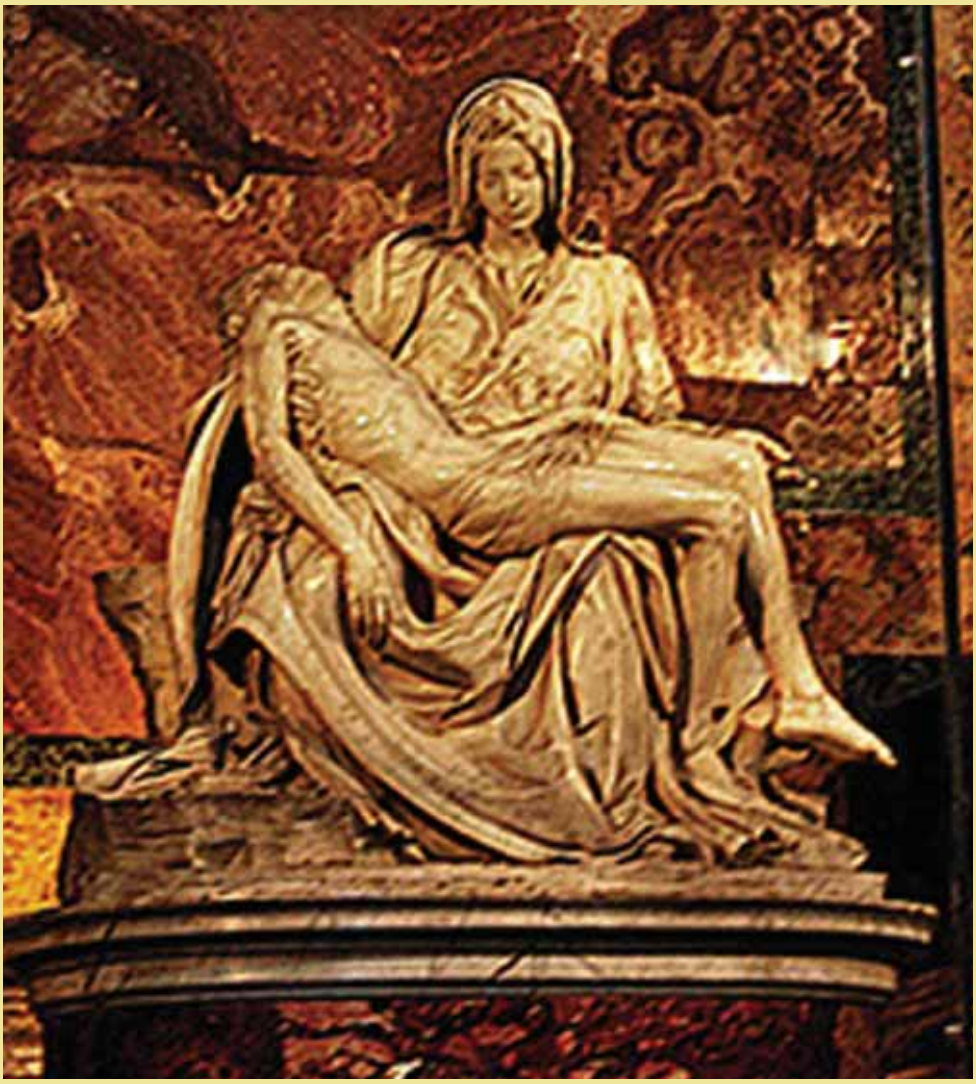
Орден Знак Почета

смена

№7 ИЮЛЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014

смена №7 июль 2014





О жизни и творчестве величайшего художника и скульптора Микеланджело Буонарроти читайте на стр. 76

смена июль 2014 16+

Российские династии

Светлана Бестужева-Лада **Строгановы**.....4

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Беспокойная жизнь месье де Бомарше**.....24

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Та, которая вылепила свою жизнь**.....34

Факты и гипотезы

Александр Аннин **Незримая коллекция**.....42

Житейские истории

Евгения Козловская **Опаздываем**.....60

Рандеву

Елена Воробьева **Марьяна Спивак**.....65

Шедевры

Ирина Опимах **«Страшный суд» Микеланджело Буонарроти** 76

Рассказ

Билл Пронцини **Momento mori** 87

Поэзия

Евгений Карасев **Стихи**.....92

Триллер

Дарья Булатникова **Капля огня**..... 94

Детектив

Наталия Солдатова **Танго в купе**..... 132

Кроссворд. Эрудит 188

смена

июль 2014

Основан в январе 1924 года

№ 1797

Главный редактор, генеральный директор	Кизилов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Актриса театра «Сатирикон» Марьяна Спивак (фото из личного архива)
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор» ОАО «Первая Образцовая типография»**
Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8200 экз.
Зак. №3120
Цена свободная
Номер подписан в печать: 23.06.2014

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Здравствуйте, уважаемая редакция нового для меня, замечательного издания — журнала «Смена»! Спасибо всем вам, друзья-единомышленники, за прекрасный дар для души, сердца и ума!
Да, такие издания для нас, читателей, очень-очень нужны и ценны. Так как сам я увлекаюсь поэзией и начал писать стихи еще в школе, не могу не сказать, как затронул меня опубликованный в №2 материал о поэте Николае Шатрове. Да, как рано уходят гении! Но им на смену приходят новые таланты. Читаешь небольшое стихотворение Ильи Боровского, напечатанное в «Конкурсе одного стихотворения», и понимаешь, насколько оно созвучно с творчеством того же Шатрова. Мне кажется, это уже талант, читаешь — Илья Боровский, а в мыслях вертится Иосиф Бродский… Еще до глубины души тронула нас в №5 статья Николая Черкашина «Если зовет своих павших Россия…» Наш дядя Муслимов Абдолхан Камалович был сельским учителем, в первые же дни войны ушел на фронт и пропал без вести. Спасибо за статью и за память о погибших. Сильно пробрали и стихи Арсения Анненкова. Спасибо.

С уважением, ваш уже преданный читатель
Идеал Бикбулатов.

Извините за несколько сумбурное письмо.

Саратовская область,
Дергачевский р-н,
поселок Восточный

Светлана Бестужева-Лада

Герб рода Баронов Строгоновых (Строгановых)

Герб рода Графа Строгонова (Строганова)

Герб графа Строганова (Строгонова)

СТРОГАНОВЫ

солевары, меценаты, аристократы...

И все это о роде Строгановых — единственной в своем роде династии российских предпринимателей. Еше в допетровскую эпоху, благодаря своему неслыханному богатству, будучи «подлого происхождения», Строгановы занимали почетное место среди самых влиятельных семей, приближенных к трону. Обладая огромными приграничными земельными наделами, фактически — форпостами на самой окраине Российского государства, Строгановы пользовались невероятным влиянием,сопоставимым с влиянием крупных феодалов в Европе. Позже, получив дворянские титулы, династия Строгановых значительно выделялась своими заслугами, которые многократно отмечались в жалованных грамотах и «милостивых рескриптах». Это была единственная династия, «выбившаяся в люди» до Петра Великого.

А началось все с того, что разбогатевший поморский крестьянин Спиридон, современник Дмитрия Донского, получил право ведать сбором оброка в Сольвычегодском и Устюжском районах.

Его правнук Федор Лукич обосновался в Сольвычегодске, а его сын, Аникей, в 1515 году занялся там солеваренным промыслом, приносившим неслыханные по тем временам прибыли. Это позволило ему периодически «кланяться» дорогими подарками и деньгами российским государям.

Получив разрешение от московского митрополита на строительство церквей в новых вотчинах и на право найма церковнослужителей, Аника Строганов до конца жизни занимался строительством и украшением церквей, приобретал церковную утварь, иконы в золотых и серебряных окладах, приглашал иконописцев.

Аникиев сын, Григорий, в 1558 году обратился к московскому царю с прошением:

«Ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь на сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили, и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правежных не написаны ни у кого».

Такое прошение являлось бы неслыханной дерзостью для рядовых купцов, но не для богатых Строгановых. Кроме того, они обещали дешево поставлять в Московию крупные партии соли из новых, богатых рассолами пермских скважин. А соль в то время была чрезвычайно редким товаром на Руси, ее ввозили из европейских стран как драгоценность.

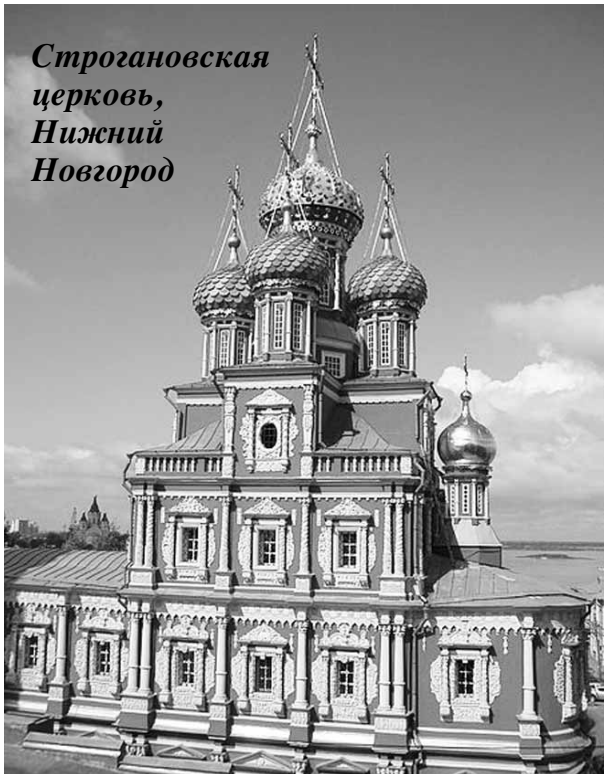
Грамотой Ивана Грозного от 4 апреля того же года Григорию Строганову было пожаловано «для всего рода» право владения 3,5 млн десятин пустынных земель на Северо-Западном Урале по обе стороны Камы, от устья Лысьвы до реки Чусовой. Строгановы получили право заселять эти земли и в течение двадцати лет не платить государственных налогов и повинностей, строить города, иметь ратных людей, лить пушки. Никто другой тогда на севере такими правами не пользовался. Не разрешила Москва Строгановым только разработку медных, оловянных и серебряных руд. Но позднее, после 1572 года, они получили и это право.

Строгановы развивали в своих владениях земледелие, солеваренные, рыбные, охотничьи и рудные промыслы, строили города и крепости, с помощью своих военных дружин подавляли восстания местных народностей и присоединяли к России новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири. Именно Строгановы в 1581 году организо-

вали знаменитый поход Ермака для покорения Сибири.

В начале XVII века Строгановы оказали большую денежную, продовольственную и военную помощь правительству царя Василия Шуйского (только деньгами — около 842 тысяч рублей), за что в 1610 году получили звание «именитых людей» (то есть право писаться не только по имени и фамилии, но и по отчеству). Тем самым они окончательно порвали с «подлым сословием», поскольку «именитых» в России того времени можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Кстати, некоторые из Строгановых отрицали свое аристократическое происхождение, которое им пытались приписать, выводя родословную от некоего татарского хана. Большой знаток истории и археологии граф Сергей Григорьевич Строганов писал историку Колмакову:



Строгановская церковь, Нижний Новгород

«*С чего это ваш Устрялов вздумал придавать фамилии Строгановых значение феодальных баронов?*

Хоромы Строгановых в Сольвычегодске

Строгановская дача

Ничего подобного не было. Напротив, Строгановы были люди русского происхождения, посвятившие себя промыслам, сначала соляному, а потом железному и вообще рудному… И теперь в Вологодской губернии, откуда собственно и вышли Строгановы, есть люди, носящие также фамилию Строгановых и не менее древнего происхождения, как и я сам, с ними я лично знаком и считаю свое происхождение, а равно и их, от одних и тех же родоначальников».

Всеобщая смута, охватившая Русское государство в начале XVII века, и польско-шведская интервенция не поколебали положения Строгановых и не затронули сколько-нибудь серьезно строгановские вотчины в Пермском крае. Наоборот, в обстановке кризиса власти пермские вотчины продолжали хозяйственно крепнуть и территориально расти.

18 июня 1605 года в Сольвычегодск была доставлена грамота Лжедмитрия I с объявлением о его вступлении во власть. Все население было приведено к присяге. Безропотно присягнули и Строгановы.

Они выжидали и старались не дать втянуть себя в разлившуюся по стране смуту, в надежде как-нибудь отсидеться в своих поместьях за крепкими стенами. Лишь приближение вражеских отрядов к границам сольвычегодской вотчины заставило их, наконец, подняться на борьбу. Правда, выражалась она, в основном, в финансовой поддержке правительства Шуйского. Начиная с 1608 года и до избрания на престол новой династии — Романовых — Строгановы «одолжили» каз-

не астрономические по тем временам суммы денег, не считая мехов и драгоценной утвари.

И при новой династии Строгановы продолжали широко финансировать правительство, которое при исчислении сумм экстренных налогов на богачей определило финансовую мощь дома Строгановых примерно в одну пятую денежных средств от всех крупных владельцев. К тому же они приобрели громадное влияние и исключительное положение не только в торговом мире, но и в высших кругах государства. Царица Евдокия Лукьяновна Стрешнева, жена Михаила Федоровича Романова, оказалась дальней родственницей Строгановых. Посему Строгановы пользовались большим почетом при дворе. Они стали вхожи в хоромы главы правительства патриарха Филарета, который имел прочные связи с торговой средой, «бывали в тесном кругу приближенных и на торжественных обедах у Филарета». При царе Алексее Михайловиче они также пользовались уважением при патриаршем дворе. Запись в Хрониках 1667 года гласит:

«Обед у Патриарха был в Крестовой палате, в кривом столе с боярами сидели именитые люди Строгановы — Дмитрий и Данило».

О богатстве Строгановых слагались легенды и поговорки: «Богаче Строгановых не будешь», «Не тряси берегом — Строганов соль весит». По донесению Петру I начальника уральских горных заводов Геннина, в начале XVIII века «прежде сего жили они, как Танталус, все в золоте и огорожены золотом». Породниться с богатейшими уральскими «володетелями» считали за честь многие знатные семейства.

Во времена Петра I ими было пожертвовано государю несколько сотен тысяч рублей, сумма по тем временам запредельная. В ходе Северной войны 1700–1721 годов

Строгановский дворец в Санкт-Петербурге

Григорий Дмитриевич Строганов, «именитый человек»

Мария Яковлевна Новосильцева (Строганова)

Строгановы основали ряд железоделательных и других заводов на Урале. У рода появилось множество привилегий: в частности, в 1722 году они были возведены в дворянское баронское достоинство Российской империи «в награду за помощь и труды, и за заслуги предков». До этого баронский титул в России получили лишь А. Остерман и П. Шафиров, немец и еврей.

Их именем названы направление в русской иконописи конца XVI — начала XVII веков (Строгановская школа иконописи), лучшая школа церковного лицевого шитья (Строгановское лицевое шитье), а также одно из направлений московского барокко.

С началом каждого последующего царствования не только подтверждались все прежде дарованные Строгановым грамоты на владение землями и на разные привилегии, но и прибавлялись новые. По некоторым сведениям, царь Петр даже одно время подумывал ограничить не только привилегии, но и само состояние Григория Строганова, тогдашнего главы рода, однако вторая женитьба того в 1697 году на Марии Яковлевне Новосильцевой, пользовавшейся расположением государя, предотвратила эти намерения. Как оказалось, к великой пользе для самого Петра Алексеевича.

Григорий Дмитриевич энергично поддерживал реформы, проводимые Петром I, активно участвовал в петровских преобразованиях. В 1700 году, находясь в Воронеже, он построил на воронежских верфях и подарил Петру I два хорошо оснащенных военных фрегата, сразу отправленных в турецкий поход. Позднее, при посещении вместе с Петром I архангельской корабельной верфи Адмиралтейства, построил за свой счет еще два военных судна и передал их флоту.

Сохранился рассказ о том, как однажды Григорий Строганов пригласил Петра к себе на обед, поданный на бочке. При этом хозяин заявил, что «не потчует своего господина и благодетеля вполовину, а просит смотреть на бочку как часть угощения». Бочка оказалась наполненной золотом. Очень по-строгановски.

В свою очередь, Петр оказывал Григорию особое внимание, даже крестил его второго сына. Строганов имел украшенный бриллиантами портрет государя, который всегда носил в петлице кафтана. Нагрудного портрета Петра удостоилась позднее и супруга последнего «именитого мужа», Мария Яковлевна Новосильцева.

В 1703 году Григорий Строганов переселился в Москву. После второй женитьбы он решил устроить семейное гнездо поближе ко двору. Его молодая супруга пользовалась милостью царской четы, и Строганов подумывал о государственной службе для своих трех сыновей.

Само их имя становится в России, с одной стороны, синонимом богатого российского вельможи — мецената, чудака, подчас самодура, прожигателя жизни, а с другой — символом европейской цивилизованности, просвещения и культуры. Под воздействием европейского образования и роскоши постепенно смягчались нравы, приобретался аристократический лоск в манерах и поведении, облагораживались вкусы потомков пермских солепромышленников. Все большую роль в их жизни начинают играть наука и искусство, коллекционирование и меценатство.

Первоначально московское дворянство открыто игнорировало купеческого выскочку. Один из современников писал об ассамблее у Строгановых:

«*Генерал Ягужинский, которому поручен от императора надзор за ассамблеями, сердился, что общества там мало… сказав молодому Строганову, чтоб тот на другой день доставил ему список всех, кто у него был, и кто не был*».

После смерти мужа Мария Яковлевна практически одна до совершеннолетия старшего сына (1720) управляла имением. Петр I всегда был расположен к ней, отличал за здравый ум и хозяйственность. Он любил приезжать к ней в гости, где его угощали домашней наливкой, приготовленной самой хозяйкой дома. Когда в 1724 году Петр короновал свою жену Екатерину, Мария Яковлевна подала ему прошение:

«*Пожалованы мы… в комнату государыни царевны. А я, раба ваша, не сведома, каким порядком себя между другими вести; также и сыновья мои чину себе никакого не имеют, а указом Вашего Величества всему гражданству определены различные чины и места по своим рангам, чтоб всяк, между собою, свое достоинство ведал. Просим, дабы я пожалована была местом, а дети мои чинами*».

В результате император учредил придворное звание статс-дамы, и первой его получила Мария Яковлевна. По этому случаю Петр пожаловал ей свой нагрудный портрет, украшенный бриллиантами, который новоиспеченная статс-дама носила на голубой ленте. Но надеть «немецкий наряд» она наотрез отказалась. И ей — единственной! — царь разрешил носить при дворе старинный русский костюм.

В 1723 году Александр Строганов женился на дочери князя Василия Петровича Шереметева Татьяне Васильевне. Петр Великий был посаженым отцом и «*довольно на том браке изволил веселиться купно с государынею императрицею, их высочествами принцессами и прочими знатными особами, а особливо с его светлостью голштинским герцогом Фридериком*».

После смерти императора Мария Строганова, проявив немалую сообразительность и дальновидность, стала посылать богатые дары забытой всеми монастырской затворнице, бывшей царице и первой супруге Петра I — Евдокии Лопухиной. Поэтому, когда на трон взошел Петр II, сын казненного царевича Алексея, подвергший опале всех, кто был близок Петру I, Строгановы ее избежали.

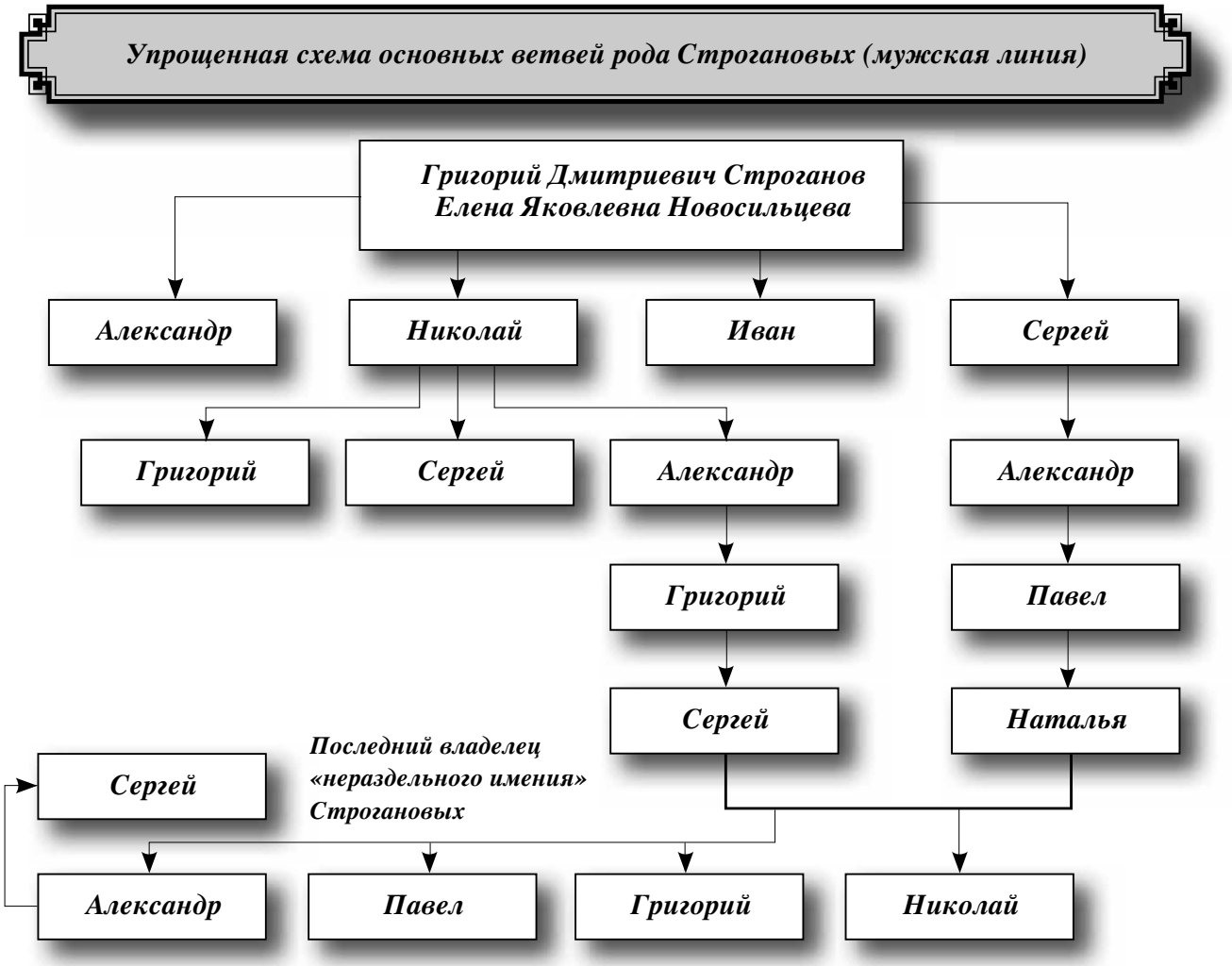
В 1728 году Евдокия Лопухина в письме своему внуку, ставшему императором, просила за них:

«*Поехал к Вам на встречу Александр Строганов, и ты, пожалуй, мой вселюбезнейший внук, будь к нему милостив — того ради, что мать ево ко мне и они очень искательны*».

Трое сыновей Григория Дмитриевича — Александр, Николай и Сергей — первыми из строгановского рода поступили на государственную службу и начали вести образ жизни, присущий новой российской аристократии. Средний сын Николай при императрице Елизавете Петровне был пожалован сначала в «штатские» (статские), а затем в тайные советники, а также награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Анны.

Скончался Николай Строганов в июне 1758 года, оставив трех сыновей: Григория, Сергея и Александра, и трех дочерей.

Младший сын Сергей (генерал-поручик и кавалер ордена Св. Александра Невского) был известен своей добросовестной службой при дворе императрицы Елизаветы Петровны и пользовался ее благосклонностью. Действительный камергер и кавалер ордена Св. Анны I степени, в день рождения великого князя Павла Петровича 20 сентября 1754 года он был пожалован званием генерал-



лейтенанта. После кончины в 1737 году жены Софьи Кирилловны (в девичестве Нарышкиной) он целиком посвятил себя единственному сыну Александру.

Сергей Григорьевич, как и его братья, был хорошо образован, имел богатую библиотеку, увлекался коллекционированием произведений искусства и сам был не лишен творческих способностей. Рассказывают, что даже свое завещание он умудрился написать русскими и латинскими стихами. Он положил начало созданию знаменитого дворца Строгановых на Невском проспекте, у Полицейского моста через реку Мойку. Младший из братьев много сил и средств отдавал благотворительности. В некрологе в «Академических ведомостях» по поводу его смерти говорилось, что «*он око был слепых, нога хромых и всем был друг*».

Его сын, Александр Сергеевич, был, пожалуй, первым из русских вельмож-меценатов, собиравшим, с большим художественным чутьем и вкусом, произведения искусства и сделавшим очень много для русского искусства и как любитель, и как президент Академии художеств. Он составил галерею картин, написанных известнейшими художниками, собрал коллекции эстампов, ме-

далей и камней. Особое внимание Александр обращал на составление библиотеки, которую, по огромному числу находившихся в ней редких изданий, считали одной из первых в Европе.

В доме отца будущий меценат под руководством лучших учителей получил блестящее образование. По обычаю аристократических семейств тех лет Александр Сергеевич с рождения был записан в лейб-гвардии Семеновский полк, куда впоследствии поступил сержантом. Но случай помог ему избавиться от чуждой его характеру военной карьеры. Ведя однажды караул по Невскому проспекту, он споткнулся и упал. Случилось это в присутствии императрицы Елизаветы Петровны. На другой день она сказала его отцу:

— Твой сын не годится для военной службы. Я его возьму к себе.

Так началась его придворная жизнь.

Для завершения своего образования юный Строганов в мае 1752 года в сопровождении гувернера, двух служителей и целой свиты дворовых людей отправился за границу, где объехал почти всю Европу и вернулся в Россию только 23 июля 1757 года после известия о кончине отца и приказа императрицы немедленно прибыть в Петербург.

К слову сказать, в своем долгом путешествии барон не столько предавался светским удовольствиям, сколько изучал физику, химию, металлургию, посещал фабрики и заводы. Для молодого человека, располагавшего громадными денежными средствами и прекрасными для блестящей карьеры связями, изучение разных научных отраслей не было ширмой для прикрытия светской жизни, а действительным трудом и даже любимым занятием.

В новом, недавно отстроенном дворце Александр Строганов нашел не только бумаги, связанные с получением наследства, но и обращенное к нему рукописное завещание в стихах:

«*Смотри, чтоб жребий мой душе твоей достался.*

Старайся обращать, как сыны, все благие

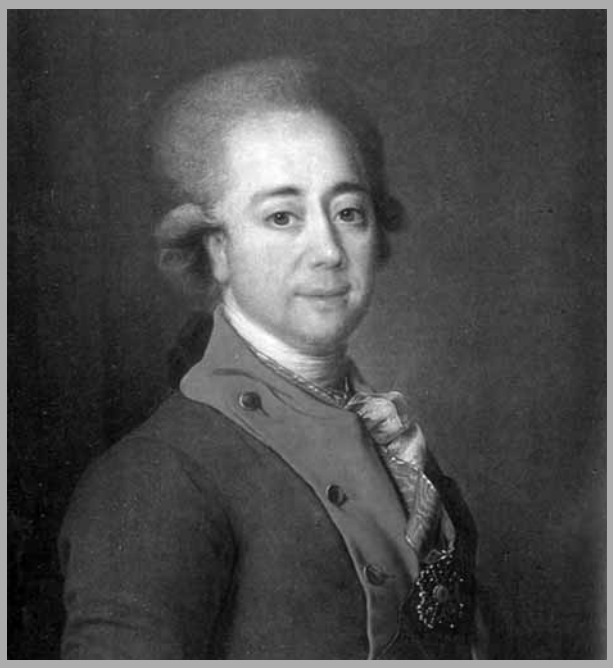
Учения плоды на пользу всей России,

Священным музам, друг, во всем ты верен будь».

Это была, по существу, программа всей его будущей деятельности, которой он старался следовать всю свою жизнь.

Исполняя волю отца и желание государыни Елизаветы Петровны, Александр вскоре женился на дочери вице-канцлера графа М.И. Воронцова, Анне Михайловне — 14-летней девочке, необыкновенной красавице, крестнице императрицы и великого князя Петра Федоровича. Но после десяти лет брака Анна скончалась при достаточно загадочных обстоятельствах. Поговаривали, что ее отравила одна из крепостных девок, безответно влюбленная в своего господина.

Ветвь рода Строгановых от второго сына Григория Дмитриевича — Николая Григорьевича Строганова



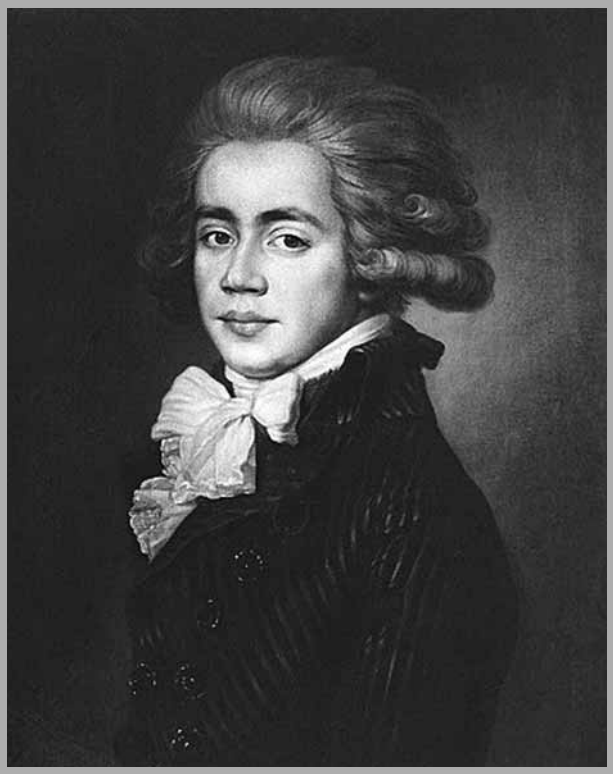
Александр Николаевич Строганов, барон, сын Николая Григорьевича

Елизавета Александровна Загряжская (Строганова), супруга Александра Николаевича (тетя Натальи Ивановны Гончаровой — матери Н.Н. Пушкиной)

Строганов был в числе ближайших друзей великой княгини Екатерины Алексеевны. Немудрено, что в первый же год своего царствования Екатерина II пожаловала Строганова камергером, в 1770 году тайным, а через 5 лет — действительным тайным советником и сенатором.

В первое путешествие Екатерины II в Москву в 1762 году он находился безотлучно при ней. И почти всегда был одним из постоянных собеседников императрицы, сопровождал ее в путешествиях по Финляндии, Белоруссии, в Ригу и Крым, плавал с ней по Волге. Особенно ценила государыня Александра Сергеевича за его остроумие, умение вести беседы, непринужденное поведение, равнодушие к служебной карьере, невмешательство в политику и придворные интриги.

К концу жизни он стал президентом Академии художеств, главным директором Публичной библиотеки и членом Государственного совета. Будучи членом комиссии, Строга-



Григорий Александрович Строганов, барон, сын Александра Николаевича

Сергей Григорьевич Строганов, граф, супруг Натальи Павловны Строгановой

нов особенно настаивал на устройстве школ для крестьян. Когда императрица задумала постройку «Воспитательного дома» для сирот, одним из ее главных помощников в этом деле был именно он.

В начале 1771 года Строганов вторично женился на известной красавице, юной княжне Екатерине Петровне Трубецкой — дочери сенатора и бывшего генерал-прокурора. Сразу после свадьбы молодые уехали в Париж. Они пробыли во Франции свыше семи лет. О Екатерине Петровне мемуаристы писали в восторженных тонах:

«*Характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое. Она была одарена многими прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество*».

В Париже 7 июня 1772 года родился их единственный сын Павел Александрович. По возвращении в 1779 году в Петербург Строганов во второй раз пережил семейную драму: его жена увлеклась фавори-

Ветвь рода Строгановых от четвертого, младшего сына Григория Дмитриевича — Сергея Григорьевича Строганова

Сергей Григорьевич Строганов, барон, сын Григория Дмитриевича

Александр Сергеевич Строганов, барон, с 1798 года граф, сын Сергея Григорьевича

том Екатерины II Римским-Корсаковым, ответившим ей взаимностью. Разгневанная императрица повелела Корсакову немедленно удалиться в Москву, куда, к всеобщему удивлению, последовала и Екатерина Петровна.

Так граф в 46 лет снова остался в одиночестве с малолетним сыном на руках. Он предоставил в распоряжение супруги дом в Москве, значительную сумму ежегодно и одно из своих подмосковных имений, сам же посвятил себя воспитанию сына, покровительству талантам и дальнейшему собиранию произведений искусства.

О грандиозных праздниках и приемах Строганова ходили легенды. Все европейские путешественники обязательно появлялись в его доме, который был открыт для всех посетителей независимо от знатности, должности и чина. Его артистическая натура проявлялась даже в кулинарных способностях: он придумал рецепт знаменитого мясного блюда бефстроганов.

Анна Михайловна Воронцова (Строганова) — первая жена Александра Сергеевича

Екатерина Петровна Трубецкая (Строганова) — вторая жена Александра Сергеевича

Павел Александрович — сын Александра Сергеевича и Екатерины Петровны

Наталья Павловна Строганова, старшая дочь Павла Александровича, выданная замуж за четвероюродного брата — Сергея Григорьевича Строганова, представителя ветви Строгановых, идущей от Николая Григорьевича Строганова (второго сына Григория Дмитриевича)

Он вообще слыл большим гурманом. На обеды и ужины с друзьями не жалел денег. Еда у Строганова была чрезвычайно изысканная. На закуску, для возбуждения аппетита, подавали особое блюдо, готовящееся из селедочных щек. На одну тарелку такого угощения шло более тысячи селедок. Предлагали гостям и такие пикантные блюда, как лосиные губы, разварные лапы медведя, кукушки, зажаренные в масле и меду, жареную рысь.

С императрицей Екатериной II у Строганова была настоящая дружба вплоть до ее кончины. Даже сумасбродный император Павел I, перессорившийся, кажется, со всей петербургской знатью, не доверявший ей, ездил к Строганову запросто и часто звал к себе обедать.

Тотчас по восшествии на престол император произвел А.С. Строганова в обер-камергеры и пожаловал орденом Иоанна Иерусалимского. 21 апреля 1798 года Павел возвел его в звание графа Российской империи в дополнение к имевшемуся титулу графа Римской империи. А через два года назначил его директором Публичной библиотеки, при которой А.С. Строганов организовал общество для печатания книг и переводов.

Павел I поручил ему также сооружение памятника Суворову, который был выполнен под наблюдением мецената скульптором М.И. Козловским, и строительство Казанского собора в Петербурге.

Впоследствии не проходило дня, чтобы кто-нибудь из августейшей фамилии не наносил визит графу. Император Александр I и его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, великий князь Константин Павлович, великая княжна Мария Павловна очень часто посещали его дом. Вдовствующая императрица Мария Федоровна испытывала к Строганову самые искренние дружеские чувства, называла его в своих письмах «mon bon ami» («мой дорогой друг»), часто прибегала к его советам и принимала от него пожертвования для разных благотворительных учреждений.

Красной нитью через всю жизнь Александра Сергеевича проходит его страсть к собиранию произведений живописи и скульптуры. Огромная, богатая редкими рукописями библиотека, которой пользовалась сама императрица, располагалась во дворце Строганова. Он разбил все книги на пять разделов, раскрывающих энциклопедический характер интересов владельца собрания.

Владея такими редкостями и в такое время, когда в России еще почти не было ни музеев, ни значительных общественных книгохранилищ, Строганов любезно предоставлял возможность пользоваться своими сокровищами любому серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства или литературы. Его дом «был в то время средоточием истинного вкуса» и посещался почти всеми известными художниками и писателями.

Последние 10 лет своей жизни Строганов почти всецело посвятил постройке собора Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге. В возрасте 67 лет он возглавил созданную по указанию императора Павла комиссию по строительству собора. Взявшись за это труднейшее дело, граф продолжал вековые традиции Строгановых, выполнял завет предков строить храмы на Руси.

15 сентября 1811 года собор был торжественно освящен. После окончания службы граф подошел под благословение к митрополиту и, как бы предчувствуя близкую смерть, сказал: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, с миром». 27 сентября А.С. Строганов скончался, оставив единственного сына и наследника — Павла.

Родившийся в Париже Павел почти ни слова не знал по-русски, и его воспитатель решил немедленно вместе с ним заняться изучением русского языка. А потом предпринял вместе с воспитанником длительное путешествие по Европе, которое закончилось опять-таки в Париже, но уже в Париже революционном.

События 14 июля 1789 года, связанные со взятием королевской тюрьмы Бастилии, получили огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами. 20 июля Павел известил отца о случившемся:

«*Вы, может быть, уже знаете о бывшем в Париже смятении, и вы, может быть, неспокойны о нас, но ничего не опасайтесь, ибо теперь все весьма мирно*».

Поощряемый своим воспитателем, Павел перевел на русский язык «Декларацию прав человека и гражданина». Восхищение юного Строганова вызывали речи популярных ораторов революции, и особенно выступления адвоката Мирабо. В то время он записал:

«*Лучшим днем моей жизни будет день, когда я увижу Россию, обновленную такой же революцией. Может быть, я буду играть в ней такую же роль, какую здесь играет гениальный Мирабо*».

Не писал он только о том, что со всей пылкостью и безоглядностью юности влюбился в прекрасную и жестокую «красную амазонку» — Теруань де Мерикур, которая, по свидетельствам современников, едва ли не собственноручно рубила головы монархистам.

Поведение молодого русского аристократа привлекло внимание королевской полиции и российского посланника в Париже. Строжайший приказ императрицы вырвал в 1790 году юного графа и из революционного Парижа, и из объятий любовницы. По возвращении Павла Строганова в Россию императрица приказала выслать его подальше от столицы, в подмосковное имение его матери.

В 1794 году Павел Александрович женился на Софье Голицыной, дочери известной в свое время «пиковой дамы». В 1795 году у них родился сын Александр. С воцарением

Соединение двух ветвей рода Строгановых — ветви Николая Григорьевича и Сергея Григорьевича Строгановых

Сергей Григорьевич Строганов, супруг Натальи Павловны Строгановой

Наталья Павловна Строганова, старшая дочь Павла Александровича, Строганова

Павла I, который был крестным отцом Павла Строганова, молодые супруги переехали в Петербург, где сблизились с семьей наследника, великого князя Александра. Софья Владимировна стала статс-дамой, близкой подругой супруги наследника, Елизаветы Алексеевны, Павел Александрович — камергером и личным другом Александра.

В первые годы своего царствования Александр опирался на небольшой круг друзей, который сложился около него еще до восшествия на престол. П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей, А. Чарторыйский по-прежнему запросто приходили к Александру в гости, а заодно обсуждали государственные дела.

Именно Павел Строганов, желая скорее «выйти из сферы неопределенных разговоров» и стремясь «создать почву для обсуждения государственного преобразования», в записке, поданной императору Александру 9 мая 1801 года, предложил учре-

Сергей Александрович Строганов, внук Сергея Григорьевича и Натальи Павловны Строгановых. Последний владелец «нераздельного имения»

дить «Негласный комитет», работы которого «должны оставаться в тайне, чтобы не возбуждать преждевременных толков в обществе». Заседания комитета проходили регулярно в течение двух лет, до конца 1803 года. Кстати, мысль об учреждении министерств вместо коллегий целиком вышла из недр «Негласного комитета».

«Негласный комитет» был расформирован в конце 1803 года, министром внутренних дел был назначен В.П. Кочубей, а П.А. Строганов получил пост его заместителя (товарища).

В начале военной кампании 1807 года против Наполеона Павел Александрович Строганов принял неожиданное для многих решение поступить в действующую армию добровольцем. Наградой за его успехи на новом поприще был орден Св. Георгия III степени и перевод в генерал-майоры.

В битвах России с наполеоновской Францией он командовал дивизией и корпусом, был несколько раз ранен, стал Георгиевским кавалером двух степеней. За Бородино П.А. Строганова произвели в генерал-лейтенанты.

23 февраля 1814 года в битве во Франции он командовал резервным отрядом. В разгар сражения Строганову донесли о гибели единственного сына. Известие настолько потрясло отца, что он, будучи не в состоянии лично завершить блестяще разработанную им операцию, передал командование М. С. Воронцову. В рапорте генерала Сакена Барклаю-де-Толли 27 февраля 1814 года сказано:

«Юноша храбрый и милый граф Строганов тут же жизнь свою положил, и многие другие офицеры».

Старые друзья Строганова глубоко сочувствовали его семье. Князь А. Чарторыйский писал Н.Н. Новосильцеву:

«Слыхали ли вы уже, милый друг, о случившемся несчастье? Бедный Александр Строганов убит почти на глазах своего отца, который в полном отчаянии. Что будет с бедной графиней Софьей Владимировной? Выдер-

жит ли она этот ужасный удар? Редко что-либо меня так огорчало… Несчастие этого семейства ужасно; несчастье, которое постигло таких друзей, как эти, надрывает сердце».

Павлу Строганову так и не довелось вновь увидеть Париж — город своей юности. С разрешения императора он покинул армию, получив свою последнюю боевую награду — Георгия II степени, и через всю Германию отправился с прахом сына в Петербург. Вскоре Павел Александрович заболел. Симптомы болезни ясно указывали на чахотку, поэтому решено было увезти его в теплые края, в Лиссабон.

Но заграничная поездка запоздала. 10 июня 1817 года П.А. Строганов скончался на борту фрегата «Святой Патрикий» вблизи Копенгагена. По странному совпадению, за два дня до этого в датской столице умерла Теруань де Мерикур — его парижская любовь.

Тело Строганова было доставлено в Петербург и погребено рядом с сыном на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в фамильной усыпальнице в присутствии императорской семьи. Со смертью графа Павла Александровича пресеклась младшая линия Строгановых.

За несколько месяцев до смерти Павел Александрович подготовил завещание и майоратный акт, по которому все его имущество (имения и заводы) вошло, во избежание дробления, «в общий состав под именем нераздельного имения». По этому акту его супруга, Софья Владимировна, вступала в пожизненное владение майоратным имением, а затем наследницей майората становилась старшая дочь, Наталья Павловна.

Согласно завещанию Павла Александровича, распорядителем майоратного имения после смерти матери и наследником графского титула становился муж его старшей дочери. На семейном совете было решено выдать Наталью Павловну замуж за барона Сергея Григорьевича Строганова, сына Григория Александровича — троюродного брата ее отца. Свадьба состоялась в январе 1818 года.

Для вступления родственников в брак было получено особое разрешение императора Александра I. Женившись на графине Наталье, Сергей Григорьевич приобрел и графский титул. Тем самым соединились две линии династии Строгановых, ведущие свое происхождение от младших братьев, баронов Николая и Сергея Григорьевичей — сыновей последнего «именитого человека» Григория Дмитриевича Строганова.

Строгановым обязана своим появлением и знаменитая «Строгановка», существующая и поныне. В 1825 году в Москве на Мясницкой была основана «бесплатная рисовальная школа, приспособленная к искусствам и ремеслам», которую они содержали на своем иждивении почти 20 лет. В ней могли учить-

ся и крепостные. В 1860 году школу преобразовали вначале в Строгановское училище технического рисования, а затем — в Императорское Строгановское художественно-промышленное училище. Семья Строгановых продолжала финансировать его до 1917 года.

Последним владельцем пермского нераздельного имения Строгановых и наследником С.Г. Строганова стал его внук граф Сергей Александрович Строганов. Он родился в Главном придворном госпитале, при его крещении восприемниками были император Николай I и великая княгиня Екатерина Михайловна. Рано потеряв отца, Сергей Александрович находился под влиянием деда, с которым до последних дней его жизни состоял в переписке.

Его особенно интересовало морское дело, и по окончании Петербургского университета он стал одним из наиболее деятельных членов Императорского яхт-клуба в Петербурге. В 1876 году Строганов совершил кругосветное путешествие (по другим сведениям, трансатлантический переход) на своей яхте «Заря», участвовал в боевых действиях Черноморского флота во время русско-турецкой войны, с июня 1878 года служил на коммерческих судах, являлся членом Комитета по созданию Добровольного флота.

Однако главной заботой последнего владельца майората оставались уральские промышленные предприятия. При своем вступлении во владение ими он заявил:

«*Глубоко чтя покойного деда, я могу только уважать сделанное им в имении и для имения, и оставляю в имении Пенсионный устав в полной оного силе и неприкосновенности. Равным образом система управления и состав всех служащих остаются… без всякой перемены*».

Тысячи рабочих-сталелитейщиков на уральских заводах Строгановых с 1900 года были заняты на основе участия в прибылях. В 1896 году пермское нераздельное имение экспонировало продукцию железоделательных заводов и лесного хозяйства на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и получило право изображать герб России на железных изделиях и золотую медаль за образцовое ведение лесного хозяйства.

По оценке одной английской газеты, все имущество С.А. Строганова перед Октябрьской революцией оценивалось более чем в 100 млн рублей. После Октябрьской революции Сергей Александрович Строганов сдал ключи от дворца и картинной галереи в Петербурге наркому просвещения А.В. Луначарскому и навсегда уехал за границу. Скончался он в Ницце в 1923 году.

Так завершилась многовековая история основной ветви знаменитой российской династии промышленников и предпринимателей Строгановых. ❑

Алла Зубкова

Его называли божественным наглецом, благородным выскочкой, отчаянным вольнодумцем.

БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ месье де Бомарше

Многообразием своих талантов он превосходил своего героя Фигаро, который утверждал: «Я все видел, всем занимался, все испытал». Судите сами. Пьер-Огюстен Карон де Бомарше прославился как один из величайших драматургов всех времен и народов. Но еще в юности он, часовых дел мастер, совершил открытие, которым до сих пор, спустя два с половиной столетия, пользуются его коллеги. Два французских короля были многим обязаны ловкости и изворотливости Бомарше, выполнявшего самые деликатные дипломатические миссии. Да что там короли! Соединенные Штаты Америки завоевали свою независимость с помощью французского оружия, которое на девять десятых оплатил лично Бомарше.

Несколько раз этот человек попадал в тюрьму, а судебный процесс, в который он был вовлечен, грозил ему пожизненной ссылкой на галеры. В годы революционного террора ему чудом удалось избежать гильотины. Кто его спас? Разумеется, прекрасная дама. Бомарше любил женщин, и они обожали его. Впрочем, что же тут удивительного, коль речь идет об «отце» Фигаро?

Пьер-Огюстен Карон появился на свет 24 января 1793 года в Париже, в семье преуспевающего часовщика. Родители и пять сестер души в нем не чаяли. Кароны вообще были на редкость дружной семьей. Вечерами в их уютной гостиной слышались звуки скрипки, клавесина и флейты. Молодежь декламировала чеканные строфы Корнеля и Расина.

С шести до тринадцати лет Пьер обучался французскому языку, латыни и истории в колледже Альфора, а потом отец сделал его своим подмастерьем. Впрочем, чрезмерным усердием подросток тогда не отличался. Влюбчивый, как Керубино, юный шалопай ухлестывал за местными девчонками, завел сомнительные знакомства в квартале. Однако папаша Карон не дремал и сумел, в конце концов, обуздать не в меру жизнелюбивого отпрыска. Ему удалось привить Пьеру вкус к тонкой работе часовых дел мастера, и вскоре ученик превзошел учителя. Дело в том, что к середине XVIII века часы, как стенные, так и карманные, точного времени не показывали. Часовщики Европы безуспешно искали способ добиться равномерного хода колесиков и шестеренок. В Париже и Вене, Лондоне и Берлине вельможи и простолюдины измеряли время с точностью, примерно, до получаса. Пьер Карон поклялся свести эту погрешность к нулю и сумел изобрести новый анкерный спуск. Впрочем, этим дело не закончилось. Пьеру еще пришлось доказывать свой приоритет в борьбе с главным королевским часовщиком, который решил присвоить себе изобретение молодого мастера. Красноречие, которое двадцатидвухлетний Карон проявил в дискуссии с противником, произвело впечатление даже на Людовика XV. Пьера пригласили в Версаль, где он получил заказ от короля и с честью выполнил его. Маленькие плоские часы привели короля в восторг. Еще большее восхищение вызвал подарок Пьера всесильной фаворитке Людовика, маркизе де Помпадур. Миниатюрные часики были вмонтированы в оправу перстня вместо камня. Для завода на тридцать часов достаточно было всего один раз повернуть золотое кольцо вокруг циферблата.

Пьер получил доступ в Версаль. Он очаровал дочерей короля и стал их учителем музыки. Кстати, именно ему принадлежит заслуга изобретения педали для арфы, которая используется и сегодня.

Примерно в это же время Пьеру удалось покорить сердце некоей мадам Мадлены Франке. Муж Мадлены занимал должность контролера королевской трапезы. Очевидно, под нажимом супруги он уступил эту должность Пьеру. Мосье Франке, человек, обремененный годами и многочисленными недугами, вскоре скончался, а через год после его смерти Мадлена вышла замуж за Пьера. Мосье Франке оставил жене недурное состояние, правда, пользоваться она могла лишь процентами с капитала. Зато земельный надел в Бомарше пришелся Пьеру как нельзя более

кстати. О нет, он совсем не был корыстолюбив, и рента его не интересовала. Просто владение поместьем давало ему право на вожделенную дворянскую приставку «де». Так потомственный часовщик Пьер-Огюстен Карон стал благородным сьером де Бомарше. Семейное счастье Пьера длилось недолго, так как Мадлену унесла неожиданная болезнь. Положение Пьера в ту пору было более чем незавидное. Наследство Франке получили родственники Мадлены, двадцатипятилетнему же вдовцу пришлось улаживать дела с кредиторами. Но Пьер не унывал. Ему удалось сблизиться и оказать важную услугу одному из крупнейших финансистов Франции, Пари-Дюверни, после чего благодарный Дюверни взял Пьера под свое покровительство. С его помощью тот начал приобщаться к крупным финансовым и коммерческим операциям, и перед ним открывалась перспектива быстрого обогащения.

Однако ни хитроумные финансовые комбинации, ни многочисленные романы с дамами света и полусвета не могли заставить этого человека забыть о сыновнем долге, нежной любви к сестрам и ответственности за них. Пьер узнал о том, что его сестра Лизетта, живущая в Испании, оказалась обманута человеком, обещавшим жениться на ней, и помчался в Испанию, чтобы заставить неверного дона Хосе Клавихо выполнить свои обязательства. Впрочем, есть предположение, что в Мадрид Пьера позвало не только чувство оскорбленного брата, но и какое-то тайное поручение Людовика XV. Несмотря на всю свою ловкость, Бомарше так и не удалось заставить хитрого испанца повести Лизетту к алтарю. Зато поручение своего монарха он выполнил, надо полагать, намного успешнее. Пьер провел в Испании почти год. Он получил аудиенцию у короля Карла III, стал завсегдатаем салонов у английского посла Рошфора и русского посланника Бутурлина и заимел новую любовницу, блестящую маркизу де ла Крус. Вернувшись в Париж, Пьер в качестве презента привез домашним банки с входящим в моду чудесным какао. Добавление его к кофе, по рецепту, найденному итальянцами, придавало напитку поистине божественный вкус и аромат. Имено-

Пьер получил доступ в Версаль. Он очаровал дочерей короля и стал их учителем музыки. Кстати, именно ему принадлежит заслуга изобретения педали для арфы, которая используется и сегодня

валось оно «капучино». Но самое главное, Пьер увез с собой впечатления о стране и пока еще смутные образы персонажей своей будущей великой комедии — Фигаро, Розины, Альмавивы и других.

Надо сказать, что страсть к сочинительству уже давно владела Пьером. Из-под его остро отточенного пера выходили не только блестящие статьи и памфлеты по самым разным темам. Бомарше сочинял так называемые парады, модные в то время пьески, персонажи которых изъяснялись на забавном косноязычном языке. Парады эти ставились в салонах аристократических друзей Пьера. Порой он сам играл в них. Однако Пьер уже давно мечтал написать настоящую пьесу и втайне работал над ней. Его пьеса «Евгения» была поставлена на сцене «Комеди Франсез» в конце января 1767 года и … с треском провалилась. Но уже через два дня зрители встретили ее бурными аплодисментами. Пьеру потребовалось всего сорок восемь часов для того, чтобы коренным образом переработать два последних действия и добиться триумфа.

В апреле 1768 года Бомарше повел под венец мадам Женевьеву Уотблед, вдову не очень крупного королевского чиновника. Это была настоящая любовь. За все время совместной жизни с Женевьевой гуляка и бонвиван Пьер ни единой ночи не провел вне дома. Нежность Пьера к супруге еще больше возросла после того, как она подарила ему сына, названного Августином. К сожалению, Женевьева отличалась слабым здоровьем и в конце 1770 года скончалась. Малыш, которого Пьер обожал, ненадолго пережил мать. Но беда не приходит одна. Незадолго до этого печального события ушел из жизни друг и благодетель Пьера — Дюверни. Как водится между друзьями, свои сделки они редко фиксировали на бумаге, полностью доверяя друг другу. Дюверни остался должен Пьеру 15 тысяч ливров. Сумма, в общем-то, незначительная для Бомарше, но после смерти жены он остро нуждался в наличности, поэтому обратился к наследнику Дюверни, его племяннику, графу Лаблашу, с просьбой вернуть ему долг. К счастью, на эту сумму расписка у него имелась. Граф получил от дяди полтора миллионов ливров, но он уже многие годы ненавидел Пьера и счел этот момент подходящим для того, чтобы поквитаться с «выскочкой». Наследник заявил, что не признает подписи Дюверни на векселе, косвенно обвинив Пьера в подделке документа, и выставил встречный иск на 139 тысяч. Первый раунд в суде Пьер выиграл, но Лаблаш не думал сдаваться. У него были солидные связи в правительстве и умелые адвокаты-крючкотворы. Кроме того, граф развернул против Бомарше клеветническую кампанию в прессе. Наемные писаки вылили на Пьера целые ушаты грязи. Именно люди Лаблаша, например, распустили слухи о том, что Пьер отравил своих жен, чтобы завладеть их наследством. И это при том, что

почти все деньги обеих женщин достались их родственникам. Но ведь главное — посеять сомнения в умах людей. Помните, в «Маленьких трагедиях» Пушкина Моцарт вопрошает: «А правда ли, что Бомарше кого-то отравил?» Это отзвук клеветы Лаблаша.

Процесс растянулся на годы. Но это еще не все, параллельно против Пьера начался другой процесс. Его несправедливо обвинили в том, что он для решения дела с Лаблашем в свою пользу пытался подкупить советника парламента, некоего Гезмана. Последствия этого судебного дела могли оказаться для Бомарше более чем серьезными. Ему грозил позорный столб, клеймение железом и пожизненная ссылка на галеры. У него было мало шансов на успех. Однако, сражаясь со своими врагами, он принял гениальное, единственно верное решение — апеллировать не к судьям, а ко всему миру. Дело тогда совершенно неслыханное. Четыре блестящих, с потрясающим остроумием написанных Мемуара, излагавших суть дела, были отпечатаны в десятках тысяч экземпляров и разошлись по Парижу, по всей Франции и Европе.

В конце концов судьи не решились вынести Бомарше обвинительный приговор. (Кстати, он твердо намеревался в случае ареста покончить жизнь самоубийством.) Правда, и оправдан он не был, его приговорили к публичному шельмованию. То есть ему надлежало, опустившись на колени, выслушать поругание. Он также лишался всех гражданских прав. И все-таки это была победа. Ведь Бомарше остался на свободе. Кстати, Пьер так и не был подвергнут позорному наказанию, вовремя уехав за границу. Приговор был оглашен в конце февраля 1774 года. Этот же год принес Пьеру встречу с женщиной, которая стала его третьей по счету и последней женой. Звали ее Мария-Тереза Виллермавлаз. Она родила ему долгожданного ребенка — дочь Евгению.

Целых два года ушло у Бомарше на то, чтобы добиться своего восстановления во всех гражданских правах. Это произошло в 1776 году. А еще через два года он, наконец, восторжествовал над Лаблашем, выиграв и этот процесс. Впрочем, Пьеру вряд ли удалось бы так быстро добиться справедливости, если бы не благожелательное отношение к нему короля Людовика XV. Но ведь монархи, как правило, не склонны раздавать свои милости безвозмездно. Какие же услуги оказал Бомарше королевскому дому Бурбонов? В общем-то — немалые, а, главное, весьма деликатные. Сначала Бомарше совершил ряд поездок в Лондон для того, чтобы выкупить тираж скандального памфлета, касавшегося любовницы Людовика XV, мадам Дюбарри, под красноречивым названием «Мемуары публичной женщины». Ему это удалось. Затем, опять-таки в Лондоне, он провел успешные переговоры с бывшим тайным агентом Людовика XV, шевалье Д'Эоном, о выкупе писем короля. Однако самые уди-

вительные приключения ожидали Бомарше в Германии, куда он отправился по поручению Людовика XVI, чтобы уничтожить памфлет, компрометирующий его супругу, Марию-Антуанетту. До сих пор так точно и не установлено, имели ли место на самом деле те невероятные события, которые описывал Бомарше в своем отчете, представленном королю. Здесь и захватывающие дух погони, и стычка с разбойниками,

и еще много чего. Что ж, Пьер вообще имел склонность несколько приукрашивать события, участником которых становился. В данном же случае им, скорее всего, двигало желание показать Людовику XVI, какие трудности и опасности ему пришлось преодолеть, выполняя волю монарха. Как бы то ни было, но поручение короля он выполнил.

Бомарше обладал поистине безграничной энергией и потрясающим жизнелюбием. Параллельно с «Мемуарами», на которые он как на карту поставил свою жизнь, он работал над пьесой, смутный замысел которой родился у него еще в Испании. Первоначально замысел этот вылился в форму парада, затем комической оперы и, наконец, приобрел вид комедии. Пьеса «Севильский цирюльник» была сыграна 23 февраля 1775 года и … провалилась. Ну а затем повторилась история с «Евгенией». За два дня Бомарше проделал титаническую работу, коренным образом переработав текст. Ему пришлось также самому заставить актеров разучить новые роли, а рабочих сцены — осуществить изменения в декорациях. Но его усилия окупились сторицей. Пьесу ожидал фантастический успех.

Идея свободы и справедливости никогда не были для Бомарше пустым звуком. Именно поэтому североамериканские колонии Англии, начавшие весной 1775 года борьбу за свою независимость, обрели в нем восторженного союзника. Франция была заинтересована в ослаблении «туманного Альбиона», своего извечного соперника, но открыто помочь американцам и ссориться с англичанами не решалась. По договоренности с правительством, Бомарше в кратчайший срок создал торговую фирму и приобрел морские суда, чтобы начать снабжение повстанцев оружием и боеприпасами. Правительство в качестве субсидии выделило ему два миллиона ливров и открыло доступ в свои арсеналы. В обмен на военное снаряжение американцы обязывались поставлять Бомарше табак, индиго, хлопок. Что ж, свои обязательства Пьер выполнил с лихвой. Он поставил американцам оружия более чем на 10 миллионов, вложив туда собственные средства и деньги своих друзей. Именно это оружие и решило исход войны. К сожалению, американскому представителю в Париже, Артуру Ли, питавшему личную неприязнь к Пьеру, удалось убедить заокеанских политиков в том, что присланное Бомарше оружие — безвозмездный дар Франции, а сам он — всего лишь посредник. В итоге американцы, как теперь выражаются, «кинули» Бомарше, не заплатив ему почти ничего. Он чудом избежал банкротства. Лишь через 36 лет после смерти Пьера его дочери и внуку удалось получить с американцев 800 тысяч франков — малую толику долга.

Снабжение Америки оружием требовало от Бомарше огромного напряжения сил, однако он никогда не мог заниматься лишь одним делом, каким бы грандиозным оно ни

было. Как раз в это время он завершал работу над «Женитьбой Фигаро».

Как оказалось, написать «Женитьбу» было еще полдела. Сколько сил потребовалось, чтобы поставить ее … Борьба длилась долгих три года. Людовик XVI был решительно настроен против этой постановки. «Если быть последовательным, то, допустив постановку этой пьесы, нужно разрушить Бастилию», — говорил он. Однако ему противостояли мощные силы, прежде всего, в самом Версале. Лагерь сторонников «Фигаро», включавший множество титулованных особ, возглавляла сама королева Мария-Антуанетта и брат короля — граф Артуа. Слабохарактерный, но упрямый Луи защищался отчаянно. Шесть назначенных им цензоров безуспешно пытались обкарнать и ощипать «Фигаро». В конце концов, в июне 1783 года король разрешил актерам «Комеди Франсез» сыграть «Женитьбу» в придворном театре «Меню Плезир» при закрытых дверях для версальской знати. И все же перед самым началом спектакль был отменен. «Деспотия! Произвол!» — во весь голос негодовали разряженные аристократы, рассаживаясь по роскошным каретам. Мария-Антуанетта сумела добиться, чтобы венценосный супруг разрешил сыграть «Женитьбу» для ее друзей в замке графа де Водрейля. Ну а подлинная премьера пьесы состоялась в Париже в «Комеди Франсез» только 27 апреля 1784 года. Ажиотаж был огромный. Еще с утра многотысячная толпа запрудила все близлежащие улицы. В полдень чугунные ворота, не выдержав напора, распахнулись, и люди ринулись внутрь. Лишь часть из них смогла купить билеты, остальные просто прорвались в зал, на ходу бросая деньги служителям. Три человека были задавлены в чудовищном столпотворении. Зато более сотни знатных привилегированных зрителей сумели заранее про-

Из Испании Бомарше снова вернулся в Париж. В качестве презента он привез домашним банки с входящим в моду чудесным какао. Добавление этого порошка к кофе, по рецепту, найденному итальянцами, придавало напитку поистине божественный вкус и аромат. Именовался этот напиток «капучино». Но самое главное, Пьер увез с собой пока еще смутные образы своей будущей великой комедии — Фигаро, Розины, Альмавивы и других

никнуть за кулисы и расположились в артистических уборных, выпивая и закусывая. Правда, для некоторых из них в зале не оказалось кресел, но они вышли из положения, устроившись прямо на полу в проходах или на ступеньках балконов. Пьеса имела потрясающий успех. Аплодисменты длились так долго, что спектакль продолжался более пяти часов.

Однако за триумф порой приходится дорого расплачиваться. Придравшись к какому-то неудачному высказыванию Пьера в газете, раздраженный король отдал приказ заключить его в тюрьму Сен-Лазар. Вспышка гнева случилась у монарха во время игры в карты, и он начертал свой приказ прямо на «семерке пик». Заключение в Сен-Лазар было тем унизительнее для Бомарше, что туда обычно сажали мелких воришек и проституток. Впрочем, Пьер не долго находился в узилище. Его друзья- аристократы оказали давление на короля. Монарх, как с ним часто случалось, пошел на попятный, и Пьер был освобожден. Более того, Луи разрешил сыграть «Севильского цирюльника» в театре Трианона в Версале. Видеть таких титулованных актеров на сцене Пьеру еще не доводилось. Фигаро играл брат короля — граф Артуа, а Розину — сама Мария-Антуанетта.

Девяностые годы стали временем тяжелых испытаний для Бомарше. Поначалу революционное правительство решило воспользоваться его дипломатическими талантами для приобретения оружия за границей. Однако после того как он не по своей вине потерпел неудачу, в его адрес посыпались обвинения в измене. В конце августа 1792 года Пьер был арестован и посажен в страшную парижскую тюрьму Аббатства. Всем, кто туда попадал, как бы уже заранее выносился смертный приговор. Шесть дней провел Бомарше в камере, набитой арестованными, словно бочка сельдями. Он уже не надеялся вновь увидеть свою семью, и тут произошло чудо — его освободили. Проведи он в тюрьме еще два-три дня, и его голова, несомненно, скатилась бы в корзину гильотины, так как начались массовые казни.

Свои обязательства Бомарше выполнил с лихвой. Он поставил американцам оружия более чем на 10 миллионов, вложив туда собственные средства и деньги своих друзей. Именно это оружие и решило исход войны в Штатах

Но кто же все-таки спас Бомарше? Чтобы ответить на этой вопрос, нам придется вернуться почти на четырнадцать лет назад. В конце 1778 года Пьер получил письмо от семнадцатилетней девушки, которая просила его совета в любовных делах. Подписалась она просто — «Нинон». Пьер не оставил без ответа этот призыв о помощи. Их переписка продолжалась некоторое время, но затем прекратилась. Однако в один прекрасный день (шел уже 1789 год) Пьеру нанесла визит молодая красивая дама. На визитной карточке значилось: «Амелия Уре, графиня де ла Марине», но ниже карандашом было приписано другое имя — Нинон. Очень скоро они стали любовниками. Так вот именно Нинон после ареста Пьера не побоялась отправиться к генеральному прокурору Парижа Мануэлю и добилась от него приказа об освобождении Бомарше. Их любовная связь возобновилась.

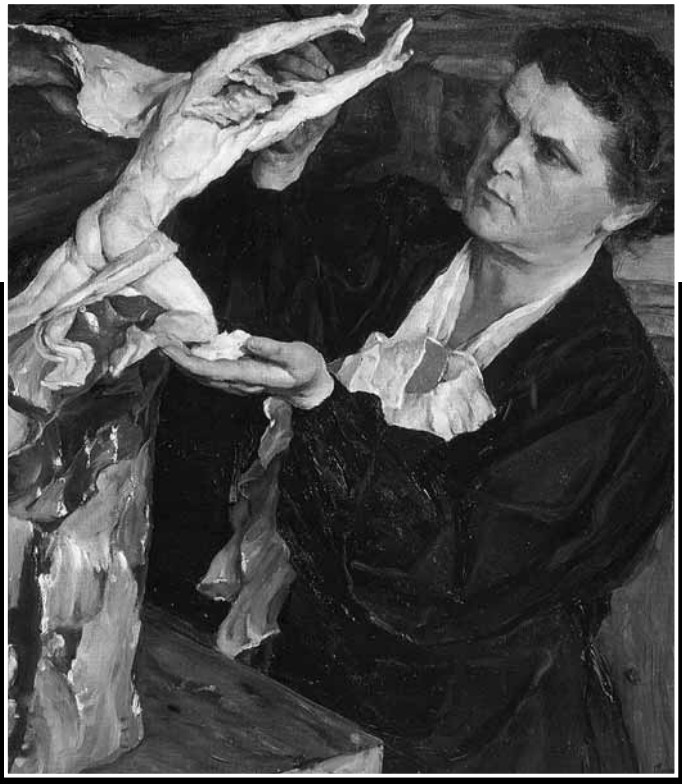
Пьеру удалось оправдаться перед властями, и его вновь послали с дипломатической миссией за рубеж. Однако его злоключения на этом не закончились. Ему пришлось задержаться за границей дольше, чем он предполагал, и власти объявили его эмигрантом и изменником. Семью арестовали, и жена Пьера, опасаясь за жизнь дочери, вынуждена была официально развестись с Бомарше. Два года он провел в вынужденной эмиграции в Германии, в Гамбурге, перебиваясь с хлеба на воду, а летом 1796 года, наконец, получил известие о том, что вычеркнут из списков эмигрантов. Справедливость, все-таки, восторжествовала.

Вернувшись во Францию, Пьер первым делом восстановил свой брак с Терезой, а чуть позже — свои прежние отношения с Нинон. В Париже он все еще владел несколькими доходными домами. Власти вернули ему его огромный особняк на бульваре Сент-Антуан.

Пьер-Огюстен Карон де Бомарше скончался 18 мая 1799 года от апоплексического удара и был похоронен в саду около своего дома. 23 года спустя его прах был перенесен на кладбище Пер-Лашез. Ну а там, где когда-то стоял его известный всему Парижу дом, сегодня бурлит и сверкает рекламой Бульвар Бомарше. ❑

Евгения Гордиенко

Та, которая вылепила свою жизнь



Все начиналось хорошо. В богатой купеческой семье Игнатия Мухина подрастали две дочери — старшая Мария и младшая Вера. Дом — родовое имение под Ригой, поместье в Курске, знатное дело: торговля пшеницей, пенькой и льном. Даже ранняя смерть матери девочек от чахотки не смогла изменить того, что росли сестры в атмосфере всеобщей любви. Отец был меценатом, покровительствовал искусствам, поэтому Вера и Мария всегда находились в окружении прекрасного… Но счастливая жизнь, вместе со всей страной, стала потихоньку давать крен, когда умер отец. Вере тогда было четырнадцать. Заботу о сестрах взяли на себя курские родственники, и в Курске девушки блистали. Сестры Мухины считались украшением любого курского бала, любого общества. А то, что отец оставил им приличный капитал, делало их еще и очень желанными невестами.

Однако вскоре сестры решили перебраться в Москву. И тут уже каждая выбирала свою дорогу. Вере по душе была живопись, которой она и занялась в мастерской К.Ф. Юона, но в скором времени поняла, что больше, чем рисунок, ей интересна скульптура, объем. Она нашла маленькую студию на Арбате, которой владела скульптор-самоучка Н.А. Синицына. Здесь не было учителей, как таковых, — ставилась модель, и каждый лепил, как умел. Все спорилось в руках молодой девушки, все получалось, ее даже заметил преподаватель Строгановки Андреев, автор

памятника Гоголю. Он часто приходил в мастерскую Синицыной — выискивать не открытые еще таланты.

Но неожиданно жизнь богатой, талантливой, молодой и красивой девушки сделала крутой поворот.

На Рождество она отправилась к родственникам в Кочаны. Среди зимних развлечений были и катания на санях. Но сани, в которых сидела Вера, вдруг занесло, и они на полном ходу врезались в дерево.

Чудо, что девушка осталась жива, но ее прекрасное лицо было безвозвратно, как тогда казалось, испорчено: губу зажало между зубами, а на месте носа остался провал...

Скульптура «Крестьянка»

За 18 дней в уездной больнице Вера перенесла 9 операций. К ее возвращению родные убрали из дома все зеркала: они боялись, что девушка, увидев свое лицо, покончит с собой.

Но не такова была Вера. Прежде всего, она нашла себе зеркало: смотрелась в отполированные ножницы. Во-вторых, решила, что отныне изменит свою жизнь и займется творчеством по-настоящему.

Вернувшись в Москву, Вера не пошла вновь в мастерскую — не хотела, чтобы старые знакомые видели ее со шрамами на лице. Вместо этого она «выбила» у родственников разрешение (и средства) на то, чтобы отправиться в Париж — учиться скульптуре. Прежде ее туда не пускали — что приличной девушке из приличной семьи делать в Париже?! Но теперь, когда Вера вызывала у родных жалость, они согласились. К тому же был шанс, что помимо французских скульпторов девушка будет посещать и французских врачей, которые, возможно, смогут что-то сделать с ее лицом.

Отчасти им это удалось: они вылепили будущему скульптору Вере Мухиной новое лицо. Но вместе с этим новым лицом Вера стала и новым человеком: более жестким, более целеустремленным. Она решила заниматься исключительно творчеством и мысленно поставила крест на своей личной жизни.

Как оказалось, зря. Едва поступив в мастерскую французского

скульптора Бурделя, Вера безоглядно влюбилась в Александра Вертепова, скрывавшегося в Париже от полиции — еще в 1905 году он совершил убийство генерала Карангозова.

Вера считала, что с ее внешностью шансов у красавца Вертепова у нее нет. Но думала также, что, если она станет лучшей у Бурделя, то «террорист» обратит на нее внимание, и работала, не жалея ни сил, ни времени.

Сложился ли роман с Вертеповым, доподлинно неизвестно. Вера по окончании учебы уехала в Москву, Вертепов остался в Париже. Но они долгое время переписывались — до самой смерти Вертепова, который вступил в Иностранный легион и погиб на полях Первой мировой… Вера всегда вспоминала его — свою первую любовь — с большой нежностью.

Возвращение в Москву не принесло ей желаемой творческой реализации. Но виновата в этом была война…

Вера поступила в военный госпиталь — волонтером в инфекционное отделение. Она, как всегда, не выбирала легкого пути. Бралась за самую грязную работу, подолгу сидела с ранеными. Несколько дней провела у постели больного тифом хирурга Алексея Замкова. И снова влюбилась…

Перенеся тяжелую болезнь, он стал поправляться, и первое, что сделал, — подарил Вере цветы. После выписки из больницы Замков перевез свои вещи к Вере, и, хоть и невенчаные, они стали считать друг друга мужем и женой.

Вера Мухина с супругом Алексеем Замковым

У Замкова тоже была любопытная биография: родившись в очень бедной деревенской семье, он одним лишь усилием воли и целеустремленностью сумел сдать экзамены за гимназический курс (то, что гимназисты учили 8 лет, Замков освоил за 2 года), а после поступил на медицинский факультет, откуда ушел на фронт.

Он был прирожденным врачом, изобретателем, исследователем. Достаточно сказать, что изобретенное им лекарство «гравидан» считалось в те времена (правда, недолго) едва ли не панацеей. Его принимали многие видные партийные деятели, и, казалось, Замкову уготована сказочная и богатая жизнь… Но завистливые коллеги написали статью, где доктора Замкова объявили знахарем и шарлатаном… Вскоре после выхода статьи его уволили из института.

А Вера Мухина как раз в это время уже начинала приобретать известность.

Первой известной ее скульптурной работой стала «Крестьянка», выполненная в 1926 году. За год до этого в Париже Мухина получила Гран-при за наряды из ситца, сукна и соломки, сделанные в соавторстве с бывшей «портнихой императорского двора» Надеждой Ламановой. Но до главного триумфа — в том же Париже — оставалось еще несколько лет.

В 1936 году Советский Союз готовился к Всемирной выставке «Искусство, техника и современная жизнь». Авторство павильона принадлежало Борису Иофану, и это именно он придумал увенчать многоступенчатый павильон огромной скульптурой, символизирующей единство рабочего и крестьянского движения в Советском Союзе.

Конкурс на лучший проект завершающей композиции выиграла Вера Мухина. Чтобы воссоздать 25-метровую статую, потребовался месяц

работы целого НИИ машиностроения.

Без трудностей не обошлось: сначала не получался реющий шарф колхозницы. Инженеры хотели вообще убрать его, но Мухина настаивала, что он придает композиции завершенность. Затем на Мухину в ЦК поступил донос: в очертаниях складок юбки колхозницы угадывался якобы… профиль Троцкого. Сейчас это звучит полным бредом, но тогда ночью на площадку, где собирали скульптуру, приехали Молотов и Ворошилов, которые долго ходили вокруг статуи и искали профиль… По счастью, не нашли, и скульптура в разобранном виде отправилась в Париж.

По дороге выяснилось, что часть деталей, погруженных на вагоны, не проходит в железнодорожные тоннели. Ничтоже сумняшеся, рабочие просто срезали выступающие части, и Мухиной приходилось приваривать их уже на месте.

Когда в Париже скульптура была собрана, наняли безработных парижанок, чтобы те отполировали скульптуру при помощи… тряпок и зубного порошка.

«Рабочего и колхозницу» (как и весь советский павильон) ждал триумф. Парижанам так понравилась мухинская скульптура, что они просили оставить ее в Париже. Однако знаменитой паре уже было уготовано место — возле ВДНХ.

«Хлеб». Скульптура для Москворецкого моста

По возвращении на родину на Мухину посыпались сталинские премии. Особенно вождей радовало то, что павильон нацистской Германии рядом с советским смотрелся простовато и убого…

И никто уже не помнил, что за несколько лет до этого Мухина и Замков хотели покинуть родину навсегда. В 1930 году, когда врача Замкова «травили», они решились бежать: отправились на юг, чтобы пересечь персидскую границу. Мухина потом собиралась в Литву — там у нее была богатая родня, а путь Алексея лежал в Алжир, где жил его учитель.

Но планам этим не суждено было сбыться, потому что в Харькове супругов сняли с поезда. Их оправили в Москву и посадили в тюрьму. Замкова обвиняли в том, что он собирался продать за рубеж формулу своего лекарства, но врач удивил и обескуражил органы: формула гравидана давно была опубликована в Советском Союзе, и секретом не являлась.

Мухину отпустили, не предъявив никаких обвинений, а Замкова сослали в Воронеж, где он стал служить врачом в железнодорожной поликлинике.

Вера с сыном (к тому времени у них уже родился Всеволод) поехала за мужем.

Однако Замкова даже в ссылке не оставляло желание разрабатывать и продвигать в массы свой препарат. Благодаря поддержке влиятельных знакомых и тех, кому гравидан уже помог, супругов вернули из ссылки в Москву. И жизнь снова переменилась…

Им дали огромную квартиру, Замкова назначили руководителем специально организованного для него института. Перед ним и Верой были открыты все двери: ей выделяли мастерские, материалы — все то, с чем у других скульпторов частенько возникали проблемы.

Оборудование для института, правда, в основном закупали на деньги Мухиной — ей, как ни странно, продолжал поступать доход от сданных в аренду рижских домов.

Гравиданом лечились и партийные бонзы, он поступал в продажу в аптеки, он помогал всем и от всего, начиная от психических болезней и заканчивая артрозом. Но…вызывал привыкание, а привыкание снижало эффект…

А потом институт в два дня закрыли, а дорогостоящее оборудование выбросили. Что стало тому причиной, Замков так никогда и не узнал — скорее всего, гравидан не помог кому-то, кому непременно должен был помочь…

На карьере врача был поставлен крест. У Алексея Замкова случился первый инфаркт.

А вот Вера Мухина в этот момент как раз выиграла конкурс со своей скульптурой для парижской выставки. Но даже ее успехи не смогли вывести Замкова из депрессии.

В эвакуацию Мухина и Замков увезли весь архив его института. Он пытался вновь наладить производство гравидана, но никому, кроме него самого, это уже не было нужно.

В 1942 году Замкова не стало.

После его смерти Вера Мухина прожила еще 11 лет, постоянно пытаясь добиться, чтобы вклад ее мужа в медицину был признан.

Сама же она занималась памятником Горькому, где и надорвала и без того некрепкое здоровье — приходилось много взбираться по горам, окружавшим будущий памятник. В те же годы она усиленно боролась с тем, что памятник «Рабочему и колхознице» стоит, по ее собственному выражению, «на пеньке». И вспоминала, как развевался над Сеной шарф колхозницы: в Париже скульптура стояла на достойном постаменте…

…Сегодня, как мы знаем, желание Мухиной, наконец, исполнилось — «Рабочего и колхозницу» установили на высокий постамент, и они — вот уже почти 80 лет — сурово смотрят в надвигающееся будущее… ❑

Александр
Аннин

Незримая коллекция

В ночь на третье марта 1937 года возле неприметного особняка в центре Парижа остановился почтовый рассыльный. Он поднялся на парадное крыльцо, позвонил. Дверь отворила заспанная горничная. «Здесь проживает месье Марк Шагал? Ему срочная телеграмма». Девушка была в нерешительности. Стоит ли беспокоить «непредсказуемого» хозяина среди ночи? Может, все-таки отложить вручение депеши до утра? Но когда горничная взглянула на обратный адрес, все сомнения сразу отпали. Она поспешно направилась в покои Шагала. Телеграмма была из СССР.

Иегуда Пэн. Автопортрет

Эмигрант Марк Шагал и прокурор Михаил Минкин

К перрону вокзала в Витебске подошел пассажирский поезд Минск-Ленинград. Из мягкого, еще пульмановского вагона на платформу спустился респектабельный мужчина средних лет, с дорожным саквояжем в руке. Жестом подозвал носиль-

щика, спросил, как найти местное отделение НКВД. Носильщик расторопно объяснил, чутьем распознав высокое начальство.

Последние трамваи уже ушли в депо. И приезжий шел через спящий город пешком.

В помпезном здании областного НКВД горели почти все окна. Человек с дорожным саквояжем прошел в кабинет начальника следственного отдела, старшего лейтенанта Горбалени. Представился: «Михаил Александрович Минкин. Помощник прокурора республики».

Горбаленя растерялся. Персону такого ранга в Витебском НКВД не ждали. Хотел, было, перейти на дружеский, доверительный тон, пошутить: мол, здрасьте, товарищ Минкин из города Минска! Но прикусил язык под ледяным взглядом высокого визитера.

А Минкин сообщил, что срочно прибыл по личному распоряжению прокурора Белоруссии, и теперь именно он будет возглавлять расследование убийства, весть о котором уже докатилась до столицы республики.

Жертвой чудовищного, изуверского убийства был 83-летний заслуженный художник Белоруссии Иегуда Пэн.

Минкин не мог еще знать в тот момент, что весть о случившемся докатилась не только до Минска, но и до Парижа. Пока помощник республиканского прокурора по-хозяйски располагался в кабинете старшего лейтенанта Горбалени, в своей парижской квартире эмигрант Марк Шагал, изменившись в лице, выронил из рук листок телеграммы, не веря тому, что прочитал.

Иегуда Пэн, о трагической смерти которого только что узнал Марк Шагал, был самым первым учителем великого импрессиониста…

«Красавица, комсомолка...»

— Желаете прямо сейчас на место происшествия? — спросил Минкина Горбаленя.

— Утром, — отрезал Минкин. — Сначала я хотел бы ознакомиться с материалами дела. Как его убили?

— Сперва мучили, били обухом по голове, а потом перерезали горло, — пожал плечами Горбаленя. — Только напрасно вы беспокоились, ехали в такую даль. Мы уже арестовали убийц.

— И кто же они? — спросил Минкин.

— Его невеста, — сказал начальник следственного отдела. — Вместе со всей ее семьей. Фамилия — Файнштейн. Они были родственниками Иегуды Пэна. Кстати, Михаил Александрович, Файнштейны уже во всем признались. Так что…

Невеста престарелого Иегуды Пэна, «красавица, комсомолка» Неха Файнштейн, была центральной фигурой обвинения. Ее старшего брата Абрама арестовали как сообщника и непосредственного исполнителя убийства. Их мать Лея Файнштейн, ее муж Рувим и еще трое членов семьи сидели в подвале НКВД как органи-

заторы и подстрекатели убийства. «Прямо целая семья убийц», — недоверчиво покачал головой Минкин.

Еще больше помощника республиканского прокурора поразило другое обстоятельство. Ведь убитому Иегуде Пэну было уже 83 года. А его невесте — всего семнадцать.

Зачем этой девчонке понадобилось так жестоко убивать старика? Может, ее выдавали за Пэна насильно, и она любой ценой хотела избежать ненавистного замужества? А брату было жаль сестру, и он согласился помочь ей в этом кровавом деле?

Помощник прокурора республики нюхом чуял, что все не так просто. Да и не такой он был человек, чтобы, узнав об аресте подозреваемых, спокойно отправиться спать в гостиницу. Профессиональная гордость не позволяла. Он ведь с царских времен в следователях служит…

Михаил Минкин доверял только своим собственным выводам. И он решил провести расследование с самого начала.

В первую очередь его интересовала личность потерпевшего, и он углубился в материалы по Иегуде Пэну. Их в НКВД накопилось предостаточно…

…Иегуда Пэн родился в 1854 году в литовском городке Новоалександровске, в бедной еврейской семье. С детства он испытывал непреодолимую тягу к рисованию, но закон Моисея запрещал делать изображение того, что «на небе вверху, на земле внизу и в воде ниже земли». Ремесло художника считалось предосудительным. Отец Пэна умер, когда Иегуде было всего четыре года. В одиночку мать не могла справиться с бестолковым сыном. «Поступай, как хочешь, — заявила мать, — но из нашего города уезжай. Не позорь меня». В 13 лет Пэн попал в город Двинск, где стал подмастерьем у маляра. Он рисовал вывески для торговых лавок, раскрашивал паркет в домах. Однажды маляр, который был ревностным хасидом, увидел рисунки Пэна и пригрозил выгнать его вон. Сказал: «Художники — все пьяницы, голодранцы, они либо умирают от чахотки, либо сходят с ума. Мне такой срам не нужен». И тогда Пэн

Невеста престарелого Иегуды Пэна Неха Файнштейн была центральной фигурой обвинения. Ее старшего брата Абрама арестовали как сообщника и непосредственного исполнителя убийства. А мать Лиха Файнштейн, ее муж Рувим и еще трое членов семьи сидели в подвале НКВД как подстрекатели и организаторы убийства

ушел от него сам, решив отправиться в Петербург.

Он бесстрашно явился в Петербургскую академию художеств, но провалился на экзамене, потому что практически не знал русского языка. И все же Иегуда твердо решил учиться в академии и остался в Питере еще на год, учил язык и общие науки. В следующем, 1880 году, он все-таки стал студентом Академии художеств. Это была победа. Пэн попал на курс известного русского живописца и педагога Павла Чистякова. Своим идеалом в живописи он считал Илью Репина. Как-то Репин согласился посмотреть картины Иегуды Пэна и под впечатлением от увиденного назвал его своим продолжателем и другом. В возрасте тридцати одного года Иегуда Пэн получил диплом Академии художеств. Более того, ему присудили серебряную медаль, но, подумав, так и не вручили, якобы на том основании, что, хотя Пэн и был вторым на курсе как художник, но сильно хромал по общеобразовательным дисциплинам.

Дырка от бублика

Читая материалы дела, Минкин обратил внимание, что Пэн в момент убийства находился у себя дома, но был одет в пальто. Это обстоятельство сразу же насторожило помощника республиканского прокурора. Прибыв в квартиру Пэна на улице Гоголевская, дом один, он сразу понял, почему труп был в верхней одежде. В жилище стоял жуткий холод. Центральное отопление не работало уже долгое время, а старенькая печка тепла не держала. Именно возле печки и было обнаружено тело Иегуды Пэна. Рядом лежал мясной топорик и окровавленный кухонный нож. Минкин перечитал показания арестованной невесты Иегуды Пэна, 17-летней Нехи Файнштейн. «Брат Абрам снял с себя пальто, взял нож, держа его над горлом Пэна, продолжал требовать деньги, угрожая зарезать. Пэн молчал, но руками старался сопротивляться. Я стала придерживать руки Пэна, а брат Абрам расправил шарфик на шее Пэна и, отвернув ворот рубашки, перерезал ему ножом горло. Кровь ударила фонтаном и брызнула на стенку печки, а так же в крови оказались руки брата и мои». Согласно официальной версии, 28 февраля 1937 года члены семьи Файнштейн окончательно договорились об ограблении и убийстве Пэна. С этой целью примерно в 6 часов вечера того же дня Абрам и Неха Файнштейны направились на квартиру Пэна. Пэн привык к частым посетителям — и знакомым, и незнакомым. Он всем открывал свою дверь безбоязненно. Знал: пришли посмотреть его картины, и гордился этим. Пэн был настолько известной личностью в Витебске, что у каждого приезжего спрашивали: «А вы еще не были у художника Пэна? Не видели его картин? Так пойдемте скорее». Под такую сурдинку старого художника

то и дело обворовывали. Чаще всего крали по мелочам: то небольшую картину унесут, то ложечку серебряную. Но однажды вынесли сразу все золотые изделия и 20 тысяч рублей… Минкин обнаружил несколько сберегательных книжек с закрытыми счетами. Горбаленя пояснил: «Знакомые советовали Пэну не держать деньги дома, положить их на сберкнижку. Но старик категорически не доверял государству, твердил, что деньги потом уже никогда не вернут. А однажды все-таки прилюдно отнес накопления в сберкассу. И что же? На следующий день тайком пошел и снял все обратно. После этого Пэн при каждом удобном случае рекомендовал всем и каждому держать деньги в сберкассе. Со странностями был старик, мягко говоря». Из-за чего же брат и сестра убили старика? Ведь кроме полотен, других больших ценностей у него не было — так утверждали все свидетели. «У Пэна еще оставались деньги», — возразил Горбаленя. При обыске в дровяном сарае Файнштейнов милиция нашла 1442 рубля, спрятанные в поленнице. Раз прячут, значит, деньги преступные и украдены при убийстве Пэна — такой вывод сделал Горбаленя.

Обойдя жилище художника, Минкин сразу понял, что убитый Пэн пользовался благосклонностью властей. Он жил один в четырехкомнатной квартире, что по тем временам было редким исключением даже для партийно-советской элиты. У обычных граждан изымались излишки жилья, повсюду создавались коммуналки. Однако Пэна не трогали.

Все четыре комнаты в квартире были заполнены картинами. Частью они висели на стенах, но большинство были составлены рядами вдоль мебели.

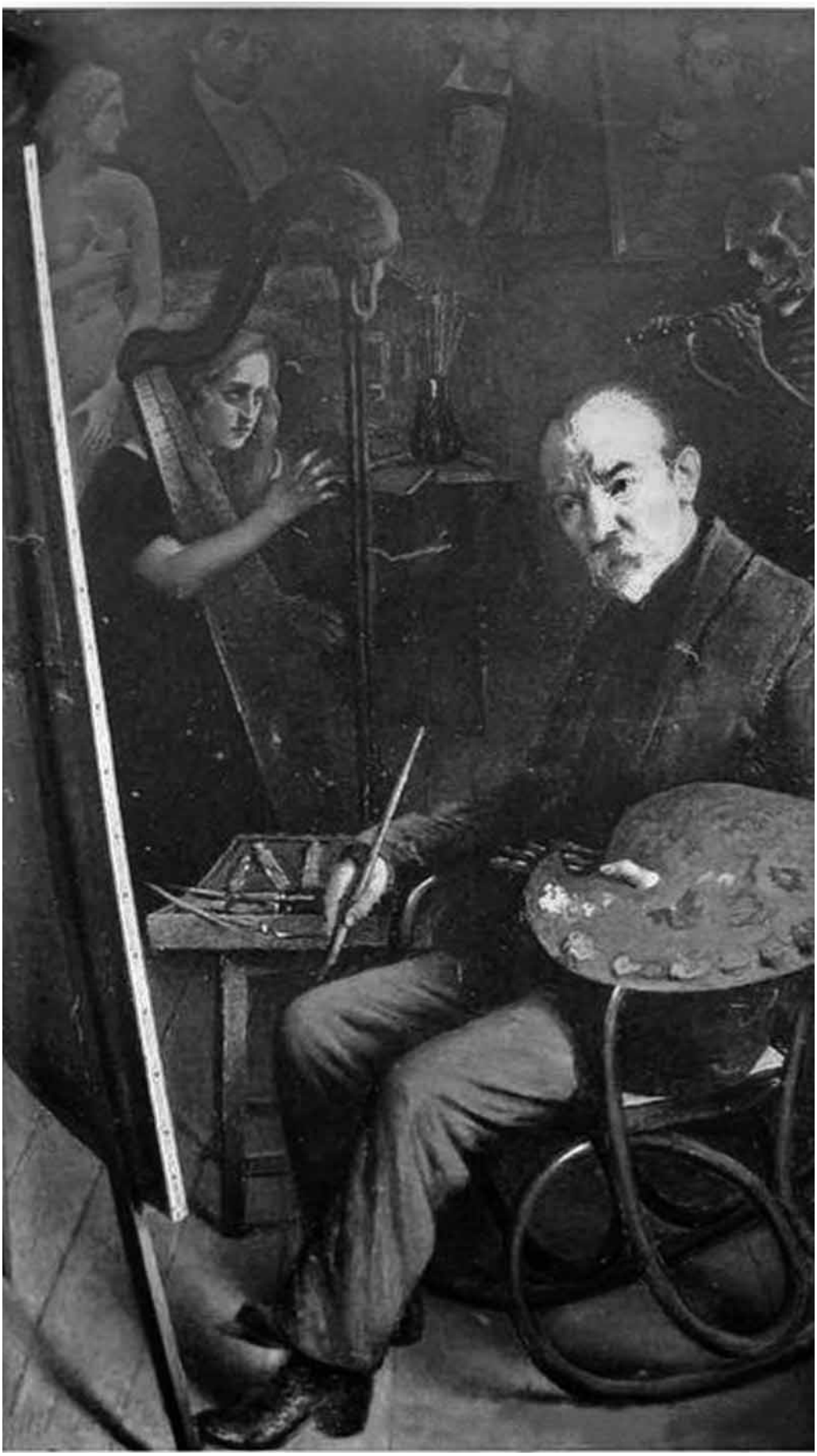
Всего у Пэна к моменту смерти скопилось более 800 картин. Дело в том, что он их просто не продавал. В НКВД было известно, что к Пэну приезжали коллекционеры из разных уголков страны, даже из-за границы, и все впустую: художник не уступил им ни одной картины.

В начале тридцатых берлинские галеристы с помощью Марка Шагала еле уговорили Пэна организовать в Берлине выставку из его 37 работ. Он согласился только на том условии, что все картины должны вернуться в Витебск. Продажу запретил.

Минкин был немало удивлен. Ведь художники пишут свои творения для продажи, это их хлеб. Никому не придет в голову работать бесплатно. Разве что… Для себя лично или близких родственников, наследников.

Да-да! Так вот зачем убитый Пэн сотворил такое огромное количество полотен и ничего не продал! Ведь с собой на тот свет деньги не возьмешь, иное дело — оставить картины наследникам, семье…

Горбаленя опроверг эту, казалось бы, очевидную версию: мол, Пэн как раз таки хотел оставить наследников ни с чем, то бишь, с дыркой от бублика.



Авто-портрет с Музой и Смертью

А причина была одна — покойный художник задумал организовать в Витебске картинную галерею имени Иегуды Моисеевича Пэна. И чтоб нигде в мире нельзя было больше увидеть творений великого Пэна. Мечтал, чтоб сюда съезжались ценители его творчества со всей страны, да что там — со всего мира!

В тридцать пятом к Пэну приезжали из Третьяковской галереи, чтобы купить его картину «Портной гладит брюки генерала». Предлагали 4000 рублей, хорошие деньги. Очень даже хорошие! Но старик не продал свое творение даже в Третьяковку. А ведь мог навсегда увековечить свое имя в главной художественной галерее страны! Но не пожелал.

Загадочная бутылка

Вот, значит, каким человеком был Иегуда Пэн, размышлял Минкин. Хотел стать единственным среди признанных художников, все картины которого собраны в одном месте. Галерея имени себя! Губа не дура. Неожиданно в углу комнаты он увидел пустую бутылку из-под шикарного французского вина. Михаил Александрович в винах разбирался, тоже еще с царских времен. Купить такое вино в Витебске — да что в Витебске, во всем Советском Союзе! — было просто невозможно. Странно. Читая допросы свидетелей, Минкин уяснил, что покойный Пэн был человеком весьма скупым. Жил скромно, его даже называли аскетом. И вдруг — такое вино! Откуда? Продолжая осмотр, он обнаружил в письменном столе убитого целую связку писем из Парижа. Все послания были подписаны одним и тем же именем — Марк Шагал. Обращаясь к Пэну, автор называл его Учителем. Помощник прокурора республики не мог знать, что в Париже Шагал уже написал стихи на смерть Иегуды Пэна: «Нет моего Учителя, его бородки нет, /мольберта нет. Его убил злодей, явясь украдкой. /И утащила черная лошадка / навеки ребе старого, куда-то на тот свет». Сопоставив наличие в квартире убитого пустой бутылки из-под французского вина и корреспонденции из Парижа, Минкин начал внимательно читать письма Марка Шагала. Нет ли связи между этим самым Шагалом и убийством Пэна, задавался вопросом помощник республиканского прокурора…

Учитель и ученик

Впервые Шагал и Пэн встретились в 1906 году (когда Пэна и представили императору), здесь же, в Витебске. Марку было тогда 19 лет, и он лишь в этом возрасте решил обучаться технике рисования в школе живописи Иегуды Пэна. До этого Шагал вообще не владел техническими приемами письма. Минкин проникался все большим уважением к убитому Пэну. Оказывается, этот художник в 1896 открыл в Ви-

тебске первую художественную школу, из которой впоследствии вышли сотни живописцев, в том числе — десятки известных. Так писал в своих письмах Шагал. Помощник прокурора читал и поражался. Боже мой, и такой человек, как этот Иегуда Пэн, был зарезан из-за каких-то полутора тысяч рублей! Такое казалось просто невероятным. Видимо, украсть деньги брат и сестра действительно могли, но убивать при этом своего престарелого родственника... Пэн впервые оказался в Витебске в 1896 году. Здесь проживало немало его знакомых по Петербургу, и люди эти занимали различные общественные должности. Они-то и уговорили губернатора Воловича пригласить Иегуду Пэна для организации первой художественной школы в Витебске. В конце 19 века это был один из крупнейших городов Северо-Запада Российской империи. Центр обширной и богатой губернии, Витебск был средоточием культурной жизни, которая по своей кипучести не уступала столичной. Здесь то и дело гастролировали известные театральные труппы, давали концерты знаменитые певцы и музыканты. Был даже свой симфонический оркестр. Так что Иегуда Пэн, приехав в Витебск, очутился не в захолустной провинции, а в полнокровном культурном городе. Его ждали и были готовы к встрече. Художнику сразу предоставили четырехкомнатную квартиру, в которой он устроил мастерскую и в ноябре 1896 года открыл свою школу рисования и живописи. Учиться в школе Пэна стоило недешево. Он брал от 5 до 8 рублей с ученика в месяц — весьма существенные по тем временам деньги. Марк Шагал прозанимался у Пэна два месяца. Но как только он научился правильно держать кисть и пользоваться красками, то вышел из-под диктата Иегуды Пэна. В работах Шагала стали появляться фиолетовые тона, которые Пэн воспринял как дерзость, но не мешал ученику. Просто объявил, что Шагал отныне может не платить за обучение. Почему вдруг такая милость? Да не милость это была вовсе. Таким образом Пэн давал понять Шагалу, что у них разные пути в искусстве. Понял это и сам Шагал. Он сказал матери: «В школе Пэна мне «ни купить, ни продать». То есть, я там не нужен, и мне никто не указ. Реализм — не моя стезя». И Шагал

В сего у Пэна к концу его жизни скопилось более 800 картин. Дело в том, что он их просто не продавал. К нему приезжали коллекционеры из разных уголков страны, даже из-за границы, и все впустую: художник не уступил им ни одной своей картины

ушел из студии Пэна, хотя наставник готов был бесплатно предоставлять ему краски и холсты, а семья Шагалов бедствовала.

Каморка в стиле «ню»

…Постепенно Михаил Минкин начинал понимать, почему советская власть так благоволила Иегуде Пэну. В отличие от своего ученика Марка Шагала, Пэн всю жизнь был приверженцем академической манеры письма. Его картины из бедного еврейского быта были понятны всем и каждому, потому власти и одобряли творчество престарелого художника. Как известно, Сталин не любил и не понимал новаторов от искусства. В первые годы своего правления он не трогал художников, не мешал развиваться супрематизму, модернизму и прочим левым направлениям в искусстве. Но в конце двадцатых в партийной прессе была развернута широкая и яростная полемика о месте художника в пролетарском государстве. Те, кто писал в манере, далекой от классической, оказались, мягко говоря, не в почете. В лучшем случае — в эмиграции. Как Марк Шагал. Минкин задумчиво рассматривал картины Иегуды Пэна. Хорошие картины, без выкрутасов и новомодных изысков. Реалистичные. Пролистал он и стопку этюдов, среди которых было немало привлекательных женских лиц. Вдруг взгляд помощника прокурора упал на дверцу в углу мастерской, которую он прежде как-то не заметил. Минкин подергал ручку — заперто. Горбаленя тревожно наблюдал за приезжим начальством. — Что там? — грубо спросил Минкин Горбаленю. — Прошу вас, не заходите туда, товарищ начальник, — взмолился Горбаленя. — Не смотрите! — Вы что себе позволяете? Не-

Слева:
Витебск

И. Пэн. «Улочки Витебска»

медленно откройте! — приказал Минкин. Горбаленя был вынужден подчиниться. Минкин вошел и остолбенел. Стены небольшой комнатушки были сплошь увешаны портретами обнаженных женщин. Стоя перед картинами, Горбаленя объяснял Минкину, кто из здешних прелестниц на них изображен. Получалось так, что жены чуть ли не всех витебских чиновников перебывали в мастерской Пэна, чтобы увековечить себя в костюме Евы. Мол, старик скоро помрет, и тогда портрет можно будет купить у наследников… — К нему даже из Минска приезжали женщины позировать, — добавил Горбаленя. — Была какая-то безумная мода на такие бесстыдные портреты, которые делал Пэн. — Как же вы допустили такое безобразие в вашем городе? — грозно спросил Минкин. — Мы вызывали Пэна на допрос в НКВД. Он сказал, что женщины позируют ему одетыми, а он при помощи своего искусства раздевает их уже на холсте. Мол, стиль есть такой в живописи. Называется «ню». Не могли же мы его за это посадить. К тому же Пэн эти картины не демонстрировал, — стал оправдываться Горбаленя.

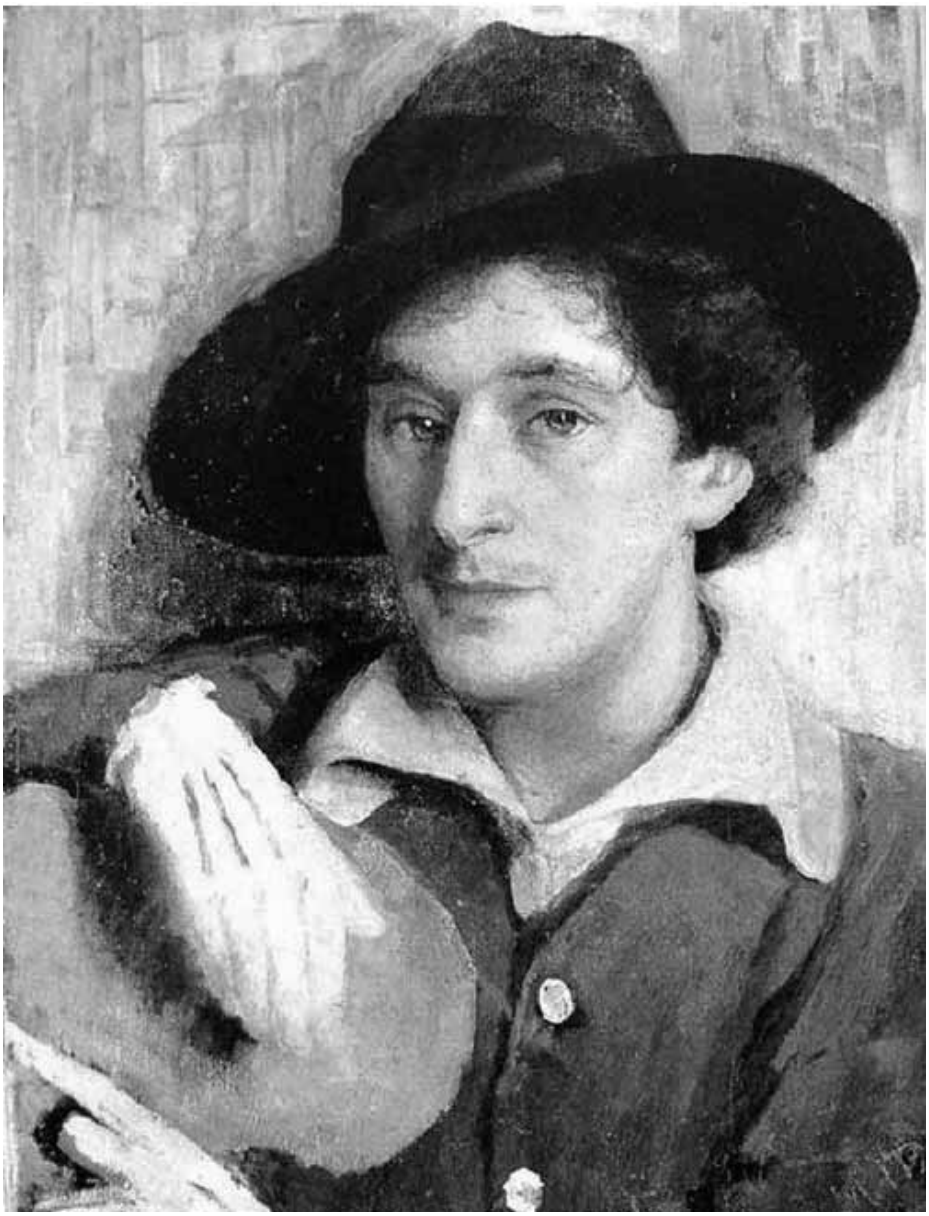
— А женщин допрашивали? — поинтересовался Минкин. — Их мужья допрашивали, — усмехнулся Горбаленя. — Слухи-то до мужей доходили… Так все эти женщины тоже в один голос заявляли, что не раздевались догола. — И вы в это верите?

— Не знаю, — честно ответил Горбаленя.

Шагалово комиссарство и авангардистское царство

Осенью 1918 года здешним уполномоченным комиссаром по делам культуры стал Марк Шагал. Мандат ему выдал сам Луначарский. И Шагал, пользуясь властью, созвал в Витебск десятки художников левого направления. Он обещал им хорошее жилье, паек, свободу творчества… Тогда все это очень много значило. Той же осенью он открыл в Витебске Высшее народное художественное училище, которое сам называл Витебской Академией Искусств. Здесь преподавали такие крупнейшие мастера авангардного искусства, как Лисицкий, Ермолаева, Пуни, Богуславская. Витебск на короткое время превратился в главный центр художественного авангарда. Шагал писал тогда: «Город Витебск зашевелился. В этой провинциальной дыре с почти стотысячным населением раскачивалось многосаженное революционное искусство». Ему поручили украсить город к первой годовщине Октября, и он развернулся во всю ширь. Стены домов и заборы расписывались причудливыми сюжетами, выполненными по эскизам Шагала. За это десяткам художников был обещан дополнительный паек. Витебский живописец Ромм так вспоминал предоктябрьские дни 1918 года: «Десятка два художников всех рангов — от Юдовина и Бразера до каких-то неведомых учителей рисования — день и ночь мажут саженные плакаты. Шагал, надменный, парадный, повелительный, расхаживает среди них с наполеоновской осанкой, с маузером в деревянной кобуре. Он глубоко презирает их — и как европейская знаменитость, и как начальство. Заставляет себя упрашивать дать эскизы, но потом дает сразу десяток. Старик Пэн со страхом посматривает на своего величественного ученика».

Расстроенный всем увиденным, Иегуда Пэн с горечью говорил: «Марк, Марк, ну, как ты не чувствуешь, что все это только яркий фейерверк. Блестящий, но холодный. А искусство художника должно быть теплое, душевное, волнующее. И главное, несущее людям мысль, большую и понятную. То же, что ты делаешь, это ребус, загадка. Ну, скажи, что ты нарисовал на своих панно? Куда летят эти седобородые старики на зеленых лошадях?» «Неужели непонятно? — вздыхал Шагал. — Очистительный вихрь революции смел все преграды. А лошади — это человеческая мечта: молодая, зеленая, как расцветающий сад, зеленая, как молодая надежда». «Вот как? — удивленно отвечал Пэн. — К сожалению, Марк, это понятно только тебе одному. А ко мне приходили сегодня соседи и со слезами жаловались, что ты издеваешься над стариками. Как вам не стыдно, говорили они, ваш ученик дал такую пощечину всему родному городу. Что я должен был им ответить? Раз ты вышел из ма-



И. Пэн. «Портрет М. Шагала»

стерской на улицу и решил говорить с народом, так изволь разговаривать так, чтобы люди тебя понимали. Плакаты, панно должны нести большую, яркую мысль. А где она у тебя?» После этого Шагал отказал Пэну в просьбе взять его преподавателем в свое народное училище. А ведь к тому времени Иегуда Пэн остался без заработка — его школа живописи перестала существовать, потому что все предпочитали бесплатно учиться у Шагала. В декабре 1918 года в газете «Искусство Коммуны» Шагал так выскажется о своем учителе Иегуде Пэне: «Витебские живописцы попадали с детства по ошибке в мастерскую бездарного ремесленника — дельца».

Кто-то осмелился спросить Шагала, почему он так жесток к своему первому учителю. Шагал ответил уклончиво: «Я вообще по натуре агрессивен. Так получилось, что когда мать меня рожала, в Витебске разразился страшный пожар. И кро-

вать с моей матерью перетаскивали с места на место, спасая от огня. Так что огонь — моя стихия, а пожар — самое любимое зрелище. Обожаю смотреть, как горит что-то знакомое, родное». Только летом 1919 года Шагал смилостивится и возьмет голодающего Пэна преподавателем в свое училище. Пэну достанется группа «отсталых» учеников, которые оказались неспособны к революционному модернизму и умели писать только в реалистической манере — подобно Репину, Крамскому, Перову…

Трагедия Нехи Файнштейн

Вернувшись в здание НКВД, Михаил Александрович Минкин вызвал на допрос арестованных Абрама и Неху Файнштейн. Увидев представителя республиканской прокуратуры, брат и сестра воспрянули духом и тут же принялись отрицать свою вину. Горбаленя кипятился, совал им в нос их прежние, признательные показания. Неха Файнштейн заявила Минкину, что Горбаленя вырвал у нее это ложное признание с помощью угроз. Горбаленя нервничал, видя сомнения помощника прокурора республики. В качестве доказательства вины Файнштейнов начальник следственного отдела предоставил Минкину картину событий, предшествующих убийству. Лея Файнштейн, мать Нехи и Абрама, доводилась Пэну двоюродной сестрой. Согласно свидетельским показаниям, долгие годы эта семья жила в ожидании наследства Пэна. Лея прекрасно понимала, что

В Мастерской И. Пэна. Э. Лисицкий, В. Ермолаева, М. Шагал, И. Пэн — третий слева 1919 г.

картины художника после его смерти можно будет продать за очень большие деньги. И тогда, чтобы упрочить права семьи Файнштейн на наследство, двоюродная сестра Пэна сосватала ему свою дочь, семнадцатилетнюю Неху. Он старый, скоро умрет, убеждала ее мать, и все имущество тебе достанется. Нельзя, чтобы такое богатство уходило из семьи на сторону. Пэн не возражал против свадьбы с Нехой. Он говорил: «Репину было восемьдесят, а он женился на молоденькой». Неха сначала категорически не хотела выходить за старика. У девушки уже был жених, минский студент Михаил Олифсон. В ноябре 1936 года, за три месяца до гибели Пэна, она выбросилась из трамвая, идущего на полном ходу. Девушка осталась жива, но получила тяжелую травму головы. Выйдя из больницы, Неха встретилась с Пэном. Чем закончился их разговор, дала ли, в конце концов, девушка согласие на брак с художником? Известно лишь, что в середине февраля 1937 года, за две недели до убийства, Иегуда Пэн изъявил желание передать все свои картины в дар городу Витебску. Показал кукиш Файнштейнам. Городские власти тут же сформировали комиссию и произвели опись полотен, хранящихся на квартире Пэна. Однако составить официальный документ о передаче картин в дар городу Витебску Пэн не успел. 28 февраля 1937 года стал последним днем в его жизни. А наследниками художника по-прежнему остались представители семьи Файнштейнов. «Вот вам и мотив для убийства», — сказал Горбаленя Минкину. Но помощник республиканского прокурора интуитивно чувствовал: точку в деле ставить рано. Был в показаниях Абрама и Нехи один эпизод, который привлек внимание Минкина. Они заявляли, что когда в день убийства Иегуда Пэн (живой и невредимый) вышел их проводить, к его квартире подходил неизвестный. Пэн поздоровался с ним как со старым знакомым. После ухода Абрама и Нехи этот «некто» остался наедине с художником. Обо всем этом брат и сестра уже говорили Горбалене, но тот не придал их словам никакого значения. Арестованные подробно описали внешность незнакомца. Минкин вызвал в НКВД пожилого витебского художника Бразера, давнего знакомого Иегуды Пэна, и тот по описанию с уверенностью опознал одного из его учеников. Только этот человек давно уехал из Витебска. Бразер недоумевал: зачем ему понадобилось тайно приезжать к Пэну? Помощник прокурора обрушился на Горбаленю: почему НКВД не приняло меры по проверке этих данных? Горбаленя досадливо отмахнулся: ну, что вы их слушаете, товарищ прокурор. Они все что угодно придумают, лишь бы себя выгородить. Минкин понимал, что время упущено, и странный визитер, если он действительно был, уже давно скрылся из Витебска в неизвестном направлении.

Казимир Малевич: удар в спину

В конце 1919 года по приглашению Марка Шагала в Витебск приехал Казимир Малевич и стал преподавать в народном художественном училище. Его радикальное реформаторство обрело в Витебске многих приверженцев. Малевич оказался еще более левым, чем сам Шагал. Он создал в училище группу «Утвердители нового искусства», сокращенно — УНОВИС. Влияние Малевича и его сторонников на культурную жизнь Витебска росло день ото дня. Уже в начале двадцатого года группа утвердителей нового искусства стала доминировать в народном училище. Эти художники-преподаватели отказывались признавать авторитет комиссара Шагала. Между Шагалом и Малевичем разразилась настоящая война (вплоть до того, что, как тогда говорили, Шагал чуть не пристрелил Малевича из своего комиссарского маузера). Итог этой войны был плачевен для Шагала. В мае 1920 года комиссар отбыл в командировку, и она оказалась для него роковой. Ученики Шагала, которые в его присутствии боялись даже пикнуть, с отъездом своего учителя тут же перешли к Казимиру Малевичу. Когда Шагал вернулся в Витебск, он обнаружил, что у него не осталось ни одного ученика, и понял, что никому больше не нужен в родном городе. От обиды или назло всем, в июне 1920 года Марк Шагал сложил с себя все должности и отправился в Париж. «Витебск, я тебя покидаю. Оставайся один со своими селедками», — бросил бывший комиссар на прощание.

Но там, в Париже, будучи все еще потрясенным из-за предательства Малевича, Шагал многое переосмыслил, взглянул другими глазами на свою жизнь в искусстве. Ему открылись старые, простые истины, что место художника — у мольберта, а не на заседаниях народных комиссаров. И первый учитель, несмотря ни на что, достоин уважения и почитания. Уже осенью 1921 года Шагал написал Иегуде Пэну из Парижа: «Я вспоминаю себя мальчиком, когда я поднимался на ступени Вашей мастерской. С каким трепетом я ждал Вас — Вы должны были решить мою судьбу в присутствии моей покойной матери. И я знаю, скольких еще в Витебске и всей губернии юношей Вы судьбы решали. Ваша мастерская первая в городе манила десятки лет. Вы первый в Витебске. Город не сумеет Вас забыть». Сидя вечером в гостинице, Минкин продолжал читать письма Шагала. Одно из них его крайне заинтересовало. Шагал настойчиво предлагал Пэну уехать из России, привезти свои картины в Париж. Обещал учителю золотые горы, европейскую славу. В следующем письме он упрекал Пэна за отказ приехать к нему во Францию. Писал, что тот горько пожалеет, если останется в СССР. Минкину невольно вспомнилась печка в квартире художника, забрызганная кровью.

Дела семейные...

Утром Минкин пришел в НКВД раньше обычного. Сквозь открытую дверь в кабинет Горбалени он увидел молодую красивую женщину. Она истерично кричала на начальника следственного отдела, а тот, в свою очередь, оскорблял посетительницу грязными словами. «Черт знает что, — подумал помощник прокурора. — Они тут все с ума посходили, что ли?» И тут до него дошло, что он случайно стал свидетелем семейного скандала. «Да не раздевалась я, понятно тебе? — кричала женщина. — Считай, что это мой каприз. Мне опротивела эта нудная жизнь!» — и с этими словами выбежала из кабинета. — У вас красивая жена, — сказал Минкин Горбалене. — Да уж, послал Бог подарочек, — скривился начальник следственного отдела. Вдруг Минкина пронзила неожиданная догадка. Жена Горбалени позировала Пэну для портрета в стиле «ню»! Да-да, кажется, он видел это лицо среди вереницы картин в потайной комнате. Только Горбаленя, естественно, не сказал тогда, кто изображен на портрете в обнаженном виде. Минкин спешно отправился на квартиру Пэна, чтоб проверить свою догадку. Дверь в потайную комнату на этот раз была не заперта. Он несколько раз просмотрел вереницу портретов обнаженных женщин. Жены Горбалени среди них не было. «Как же я мог так ошибиться? — мучительно думал помощник прокурора, выходя на улицу. — У нее такое запоминающееся лицо». Ну, конечно же! Эскизы! Чуть не бегом вернувшись в квартиру Пэна, он принялся лихорадочно листать стопку набросков. Вот оно, лицо жены начальника следственного отдела. Загадочная улыбка, томный взгляд… А где же сама картина? Или художник не успел ее написать? Но за что тогда Горбаленя оскорблял свою жену, если портрета в стиле «ню» не существовало? Минкин достал опись картин Пэна, сделанную за две недели до убийства. Нашел обширный раздел «обнаженная женская натура». Снова вошел в потайную комнату. Присмотрелся. К каждому портрету комиссией был приклеен номерок. Дойдя по описи до номера 17,

После вынесения приговора семье Файнштейнов картины Иегуды Пэна отошли государству. Однако во время войны почти все они погибли или затерялись в эвакуации. Сейчас насчитывается немногим более двухсот уцелевших полотен Пэна, около двадцати — в Витебском музее

Автопортрет

помощник прокурора убедился, что эта картина отсутствует. Но он уже знал, кто был изображен на исчезнувшем портрете. Теперь версия сложилась окончательно. Скорее всего, какая-то из подруг жены донесла Горбалене, что его благоверная позировала престарелому художнику, и тот изобразил ее в чем мать родила. И чекист в день убийства тайно пришел к Пэну, требуя показать ему свою коллекцию обнаженной натуры. Под угрозами Пэн вынужден был согласиться. Горбаленя, чтоб изобличить жену, захотел купить ее портрет в стиле «ню». Но Пэн картины не продавал. Остальное было нетрудно себе представить. Михаил Александрович решил поговорить с Горбаленей с глазу на глаз. Поначалу начальник следственного отдела все отрицал, но потом, словно обессилев, стал писать заявление. Минкин был уверен, что это чистосердечное признание в убийстве Иегуды Пэна, и покинул кабинет Горбалени, чтобы предоставить начальнику следственного отдела почетную возможность застрелиться. Какова же была досада помощника прокурора, когда он, выйдя из здания НКВД, при свете фонаря прочитал заявление Горбалени! Начальник следственного отдела просто издевался над минским прокурором. Вместо признания в убийстве Минкин читал какой-то бред о том, что, дескать, Горбаленя раскрыл некий антисоветский заговор в Витебске. Минкин до утра бродил по городу, раздумывая, что делать дальше. А когда вернулся в гостиницу, его уже ждала срочная телеграмма из Минска: расследование прекратить, срочно вернуться в столицу республики. До Минска помощник прокурора Белоруссии не доехал. Он сел на поезд в Витебске, и больше его никто не видел. Человек просто исчез.

И не осталось ни следа

Суд признал виновными в убийстве Иегуды Пэна его родственников — семейство Файнштейнов. Лея Файнштейн и ее сын Абрам получили по десять лет лагерей, семнад-

цатилетняя Неха Файнштейн — восемь лет. Примечательно, что осуждены были еще четверо членов семьи Файнштейнов. Уж не потому ли, что, останься кто-то из них на свободе, он с полным основанием стал бы наследником убитого Пэна? После вынесения приговора семье Файнштейнов картины Иегуды Пэна отошли государству. Однако во время войны почти все творения Пэна или погибли, или затерялись в эвакуации. Сейчас насчитывается не более двухсот полотен Пэна, около двадцати — в Витебском музее. И среди них нет ни одной обнаженной натуры. Портреты в стиле «ню» исчезли еще до окончания судебного процесса над семьей Файнштейнов. Сохранилась жалоба Нехи Файнштейн в прокуратуру Витебска, которую девушка написала из лагеря:

«Мы все превращены в диких убийц. Это чудовищное обвинение — ошибка, искалечившая жизнь всей нашей семьи. Но суд имел подписанные мной и братом показания, что мы совершили убийство, хотя я и брат на суде заявили, что эти показания — ложь. Следователь Горбаленя пугал меня и угрожал, что меня расстреляют, так я потеряла сознание и не читая показаний следователь заставил меня подписать то, чего не было. Так дорогие граждане, прошу обратить внимание и пересмотреть наше ложное дело».

Начальник следственного отдела Витебского НКВД Горбаленя был расстрелян через год после ареста семьи Файнштейнов, в 38-м. Его обвинили в незаконных методах ведения следствия и поведении, порочащих честь сотрудника органов внутренних дел. Однако в отношении семьи Файнштейнов Верховный суд Белоруссии оставил приговор без изменения. В дальнейшем следы Абрама, Нехи и их матери Леи Файнштейн затерялись. Только в 1997-м, в год шестидесятилетия трагической смерти Иегуды Пэна, на Старосеменовском кладбище Витебска был установлен скромный бронзовый бюст художника, основателя знаменитой Витебской школы живописи. Но и по сей день доподлинно неизвестно, кто же все-таки убил человека, который научил великого Марка Шагала работать с кистью. Видимо, это так и останется одной из нераскрытых тайн двадцатого века, ужасного 1937-го… ❑

Евгения Козловская

ОПАЗДЫВАЕМ

Галка сидела над чашкой остывающего кофе и размышляла. Все же люди правы: жизнь странная штука. Ложечка, описывая круги в теряющем свой аромат напитке, тихо позвякивала. И под этот звон….

Еще вчера все было четко и ясно. Несмотря на все оговорки и шуточки, чуткость и внимание с обеих сторон... Они оставались друг для друга прежде всего друзьями. Хотя никого еще она так не ждала, как Мишку из армии. Даже — теперь уже бывший — муж умудрился приревновать. Мишка ехидно посмеивался:

— Я бы тебя тоже ревновал. — И, не желая получить подзатыльник, тут же отскакивал в сторону.

— И ты туда же! — ворча, хмурилась Галка. Но долго сердиться на этого обормота просто не могла.

— В следующий раз прихвачу с собой складной стульчик, — вздыхала она. — А то вымахал с верстовой столб, не дотянешься.

— Пока ты его поставишь… — дурашливо хихикал в ответ Мишка.

Согласитесь — наказание, а не парень.

Знакомы они были уже давно. Лет пять, не меньше. Мишка с семьей переехал в соседний дом и порой подрабатывал тем, что чинил вычислительную и оргтехнику, «павшую в боях» с пользователями. И вот однажды ему довелось реанимировать закапризничавший Галкин принтер. Конечно же, парень не смог удержаться от замечания по поводу обратной пропорциональности внешности пользователя, особенно если тот — девушка, и долговечности техники. Галка, решившая напоить столь полезного специалиста чаем, все также мило улыбаясь, почему-то в тот момент положи-

ла ему в чашку пару ложек соли. Мишка, угостившись, покаянно поднял руки вверх и предложил перейти на «ты», раз уж свою часть пуда соли он уже съел. Девушка, смеясь, согласилась и, налив мастеру новую чашку, предложила:

— Может, кусочек тортика?

— И побольше, пожалуйста.

Шутки, прибаутки, подколки… Без этого Мишка не мог, да и хорошо. Иначе это был бы не Мишка — золотые руки, умное сердце, терпеливая и мужественная «жилетка», впитавшая столько девичьих переживаний… Галка даже с будущим мужем его познакомила. Мишке, правда, кандидат на руку, сердце и «прочий суповой набор» не очень понравился, но отговаривать влюбленную женщину… Боже упаси! Он просто старался держаться рядом, помогая при случае. Но большей частью их общение свелось к предельному минимуму. Дабы не раздражать Галкиного мужа, оказавшегося порядочным Отелло.

Галкин развод Мишка пропустил. Не стала она писать ему в часть об этом «светлом» миге своей жизни. Какой смысл сообщать о таком человеку, которого и так ежедневно «нагружают» отцы-командиры. Да и отвечать у него возможности не было — служба. Галка же надолго ушла в себя. Диван, плед, телевизор… и безудержная трудотерапия в будни. До изнеможения. Так, чтобы не думать, не помнить. Даже про то, что Мишкин дембель уже на носу.

Вот такой — с тряпкой в руках, в который раз уже яростно протирающей книжные полки, — и застал ее Мишкин звонок.

— Галину можно? — неуверенно прозвучало в трубке.

— Мишка?! Ты? Уже в городе?

— Ага. Привет.

— Привет. А ты что это так… робко?

— Ага, — хихикнули на том конце. — Может, Отелла твоя рядом.

— Отелла… Отелла здесь больше не живет, — ответила она очень ровно и очень спокойно.

— Галь?

— Все нормально, Миш…

— Знаю я твои «нормально». Сейчас буду.

Через полчаса, сидя на кухне и наслаждаясь свежезаваренным ароматным чаем, Мишка все у нее выпытал, и неожиданно для самой себя Галка шмыгнула носом. Раз, другой…

— Ну вот… — протянул он. — Ниагарский водопад проснулся.

А Галка, уже не сдерживаясь, плакала и плакала. Слезы текли по ее лицу, словно дождевые струи, омывающие по осени оконные стекла. И за этой пеленой она не видела ничего. Ничего и никого. Не видела, как боль блеснула в Мишкиных глазах. Боль и…

— Иди ко мне, маленькая.

Он осторожно подхватил девушку на руки и понес в комнату. Галка инстинктивно прижалась к нему. Мишка положил ее на кровать и, накрыв пледом, сел рядом, тихонько поглаживая по руке. Галка, как всегда, свернулась клубочком и даже, кажется, задремала.

Улыбнувшись, он выскользнул из комнаты. Стараясь не шуметь, убрал со стола остатки «чайной церемонии». Решил, было, вымыть посуду, но, услышав неясный шум из комнаты, остановился. Галке что-то снилось. Что-то тревожное. Она беспокойно вертелась на подушке, на щеках опять пролегли влажные дорожки. Надо было уходить, но… Мишка никак не мог заставить себя сделать это. Он выудил из нагрудного кармана рубашки сотовый и набрал номер брата:

— Не теряйте, буду завтра, к вечеру, — и, не дослушав ответ, отключил телефон. Погасив свет, подошел к кровати, лег рядом с Галкой и крепко прижал ее к себе.

Полночи Мишка прислушивался к ее дыханию, ощущал аромат волос, ровное биение ее сердца… пока не уснул, не выпуская свое сокровище из рук.

И все равно проснулся первым. Галка сладко посапывала рядом, смешно и по-детски чуть выпятив нижнюю губку. Осторожно, стараясь не разбудить ее, Мишка укрыл девушку пледом и отправился хозяйничать на кухню.

Однако скоро дразнящий аромат кофе вытянул туда и Галку.

— Таким встрепанным воробышком я тебя еще не видел, — не удержавшись, прыснул Мишка.

Девушка вспыхнула и быстренько проскочила в ванную. Не хватало еще, чтобы над ней с утра хихикали два метра обормотистого безобразия. И вот теперь вполне благопристойная дама сидела и размышляла за чашечкой кофе.

Ложечка делала круг за кругом, а она все думала, вспоминала… Когда же, наконец, подняла глаза, Мишка, закончивший с завтраком и посудой, вытирал руки полотенцем. Почувствовав ее взгляд, он молча повесил его, придвинул ближе второй табурет, сел к столу, всячески избегая смотреть на нее, глухо спросил:

— Сердишься? — И, не дождавшись ответа, продолжил: — Права, я не должен был… Воробышку и так досталось, а тут еще…

На мгновение Мишка поднял глаза, и Галку словно волной захлестнуло — столько всего бурлило в этом взгляде. Он не выдержал, вскочил и, опершись обеими руками на подоконник, заговорил:

— Этого не повторится. Я… обещаю… Только не запрещай думать о тебе, Галь. Все это время… Если бы ты знала… Там, в части, я радовался твоему письму, как ребенок новогоднему чуду. Глупо, понимаю, что ты… нет, не будем о нем. Честно, вчера, когда ты сказала, хотел придушить паразита. За все, что он… Все, молчу. Галь… я обещаю…

— Что обещаешь, дурень? — Галка подошла к нему и осторожно коснулась ладонью его спины. Мишку словно током тряхнуло. — Так что же ты обещаешь?

— Никогда…

— Никогда не дави на меня, ладно? — улыбнулась Галка и потянулась к его губам.

Позже она продолжала все так же улыбаться, чувствуя, как от ее поцелуев и прикосновений в его груди замирает и тут же стремительно разгоняется сердце.

— Мы не слишком торопимся, Миш?

Тот открыл сияющие нежностью глаза и, пропуская сквозь пальцы пряди ее волос, уверенно заявил:

— Мы опаздываем. ❑

Марьяна Спивак

«Театр позволяет увидеть себя со стороны»

Ей прочили актерскую карьеру с детства. Да иначе и не могло быть. Первый «выход» на съемочную площадку случился еще до ее рождения: мама, актриса Екатерина Васильева, тогда снималась в фильме «Прощание славянки», режиссером которого был дедушка Марьяны — Евгений Васильев. Ее отец — Тимофей Спивак — известный актер и режиссер («Шел четвертый год войны», «Американская трагедия»). Бабушка — народная артистка РСФСР Жанна Прохоренко («Баллада о солдате», «Калина красная»).

Правда, в детстве девочка не собиралась стать артисткой, а хотела быть ветеринаром, потом журналистом, переводчиком, но в результате все же выбрала… театр. И не ошиблась: выпускницу Школы-студии МХАТ сразу заметил и пригласил в свой театр сам Константин Аркадьевич Райкин. Так из одной творческой семьи Марьяна Спивак попала в другую — в «Сатирикон», по признанию актрисы, он стал для нее вторым домом.

— Марьяна, не жалеете о своем выборе?

— Конечно, нет! Мне кажется, это самая лучшая профессия из всех существующих! На сцене актер проживает бесконечное количество судеб, сцена дает то, что человек, может быть, никогда не испытает в своей жизни. Там ты заряжаешься какой-то особой энергией… Это невозможно выразить словами, это чувство надо испытать самому. Я люблю сцену за то, что она дает возможность быть всегда разной. За возможность импровизации, за то, что все действие происходит здесь и сейчас. За те секунды, когда ты видишь, как меняются глаза твоего партнера… Каждый раз на сцене ты проживаешь судьбу своего персонажа как в первый раз. Кино — это другое. Несколько дублей — и все. Когда фильм вышел на экран, уже ничего изменить нельзя. А в театре артист выходит и играет, может быть, уже в пятидесятый, в сотый раз один и тот же спектакль, и никогда не будет одинаковым: он растет, развивается, иногда — умирает… Он всегда абсолютно разный. Театр — это особая стихия… Я не представляю своей жизни без театра. Это и есть моя жизнь.

— Что нового в творческой жизни происходит у вас сегодня?

— В театре «Сатирикон» только что состоялась премьера спектакля «Кухня» в постановке Константина Райкина по пьесе английского драматурга Арнольда Уэскера. Это самая известная его пьеса, ее много ставили по всему миру, но в Москве на профессиональной сцене она

ставится впервые. Константин Аркадьевич говорит, что эта постановка — своего рода «завещание» Петра Наумовича Фоменко: когда-то он обмолвился, что эту пьесу, наверное, невозможно поставить... разве что Райкин возьмется, со своими артистами. Вот он и рискнул. Действие происходит на кухне ресторана. Кухня является здесь своеобразной моделью мира, каждый человек в котором — винтик в огромном механизме, и если он сломается — стоп-машина! Мир остановится. Но скоро найдется новый винтик, про человека забудут, и механизм снова закрутит своими шестеренками... В спектакле занята почти вся труппа театра, двадцать семь человек одновременно находятся на сцене. Пьеса многонациональная, многие персонажи говорят с акцентами, что четко прописано у автора, Арнольда Уэскера. Константин Аркадьевич пригласил для работы над спектаклем консультантов по языкам: греческому, немецкому, итальянскому, английскому. Моя героиня француженка, но свой акцент я «снимала» самостоятельно, слушала французскую речь в Интернете, общалась со знакомыми обрусевшими французами. Были приглашены консультанты и по кулинарному делу. Театр очень ответственно отнесся к профессиональной подготовке артистов для спектакля, мы даже стажировались в Центре подготовки персонала при «Кофемании». Девочки обучались по специальности «официантка», мальчики практиковались на кухне, учились профессионально резать овощи, разделывать мясо, рыбу, жарить-парить… Мы должны были быть хорошо подготовлены, чтобы со сцены все наши действия

выглядели правдоподобно, отлажено. Конечно, это был очень интересный опыт, к тому же теперь «на черный день» освоена новая профессия (улыбается).

— Вы блистательны в трагедиях «Ричард III», «Король Лир», а в ближайшем будущем не ожидается премьерных постановок по пьесам великого Шекспира в год его 450-летия?

— С Шекспиром мы неразлучны! Недавно у нас в театре состоялась премьера «Отелло» — в постановке Юрия Бутусова. Я играю Дездемону. Хотя изначально вместо «Отелло» планировалась постановка «Трех сестер», но, как часто бывает у Бутусова, планы поменялись в процессе репетиций практически в последний момент. Два месяца мы репетировали Чехова, а за неделю до отпуска было принято решение взяться за Шекспира... Голова шла кругом, оставался всего месяц до премьеры, и поднять такую махину в такой короткий срок казалось нереальным. Нас спасла только безоговорочная вера и любовь к режиссеру, с которым после выпуска «Чайки» мы стали почти родными. В «Чайке» Бутусов выходит на сцену вместе с нами, он перешагнул границу между режиссером и актерами, побывал на нашей стороне поля, и это, конечно, был очень смелый шаг, изменивший и нас, и его. Для меня работа с Бутусовым — это счастье, то, ради чего стоило заниматься профессией. Он никогда не бросает свои спектакли, если есть возможность — приезжает, смотрит, что-то меняет, исправляет. Эти изменения своего рода тренинг — постоянные репетиции не дают актерам расслабиться, зачерстветь, заскучать.

Что же касается Шекспира, то сейчас у нас в театре начались репетиции спектакля «Укрощение строптивой», который ставит Яков Ломкин. Это будет уже третья моя работа под руководством Якова Сергеевича, в «Сатириконе» несколько лет назад мы выпустили спектакль «Оглянись во гневе», на малой сцене, и еще был антрепризный спектакль «Другие» по пьесе Сартра «За закрытыми дверями». В «Укрощении» я играю роль Катарины. Очень интересно, что из этого получится, приходите осенью к нам на премьеру!

— Актер должен все время думать: «Зачем я играю эту роль? Для чего выхожу на сцену?»...

— Конечно, иначе для чего вообще заниматься этой профессией? Всегда и во всем надо искать смысл. Как говорит режиссер Виктор Рыжаков — современный театр может удивить только искренностью. Если не искать для себя этих смыслов, не отдавать себя на сцене без остатка — по-настоящему, искренне веря в то, что ты делаешь — скучно будет не только тебе, но и зрителю в зале. Ведь театр не может существовать без зрителя. Но и «Без театра нельзя» (слова Сорина в «Чайке» Чехова)… Часто людям не хватает времени, да и желания раз-

биваться и копаться в своей жизни. А театр позволяет увидеть себя со стороны. Это бывает очень полезно.

В театре существует незримая нить, связывающая актера со зрителем. Это удивительное чувство, когда ты понимаешь, что тысячный зал, как один живой организм, затаив дыхание, внемлет тому, что происходит на сцене. Когда зрители настолько захвачены действием, что забывают, что пришли в театр, когда они дышат с нами, артистами, одним воздухом, живут вместе с нами — сейчас, сию секунду. Это настоящее актерское счастье… И если удается так «взять» зрителя, понимаешь, для чего нужна твоя профессия. Но для этого надо по-настоящему «гореть» своим делом, любить свою работу. Бессмысленное воспроизведение роли превращает артиста в ремесленника, в робота, а роль — в зазубренный скучный урок. Тогда и актер не растет, не развивается, и зритель не подключается эмоционально, ничего не выносит для себя после спектакля.

— Марьяна, а кто «зажег» вас? Вы родились в творческой семье, и актерская судьба была предопределена?

— Я выросла в актерской семье, и горжусь своей принадлежностью к актерской династии. Но в детстве совсем не хотела быть артисткой, потому что видела все трудности профессии изнутри. Актерская судьба сложная, сегодня ты — звезда, а завтра — никто… Очень многое в карьере зависит от случая, от везения, особенно это касается кинематографа. С интересной работой мне пока больше везет в театре, чем в кино. Пока самой значимой ролью в кино для меня стала роль Капитолины Васильевой в сериале «Сын отца народов». А сниматься я начала совсем ребенком, в 6 лет у моего дедушки Евгения Васильева в фильме «Пока гром не грянет», чуть позже мама привела меня в студию «Ералаша», а в 13 лет снялась у папы в фильме «Горе-злосчастье», играла Василису… Наверное, это и была актерская «прививка», после которой уже нет другого выхода, как избрать актерскую карьеру, несмотря на все связанные с этим страхи. В семье меня никто стать артисткой не принуждал, даже наоборот, отговаривали и надеялись, что я изберу другую профессию. Но когда я все-таки пошла на подготовительные курсы в Школу-студию МХАТ, родные к этому отнеслись спокойно — дали мне свободу выбора, шанс испытать себя. И в поступлении не помогали: у нас в семье принято всего добиваться самостоятельно. В 2002 году я поступила в Школу-студию МХАТ, в мастерскую Игоря Золотовицкого и Сергея Земцова. Играла в дипломных спектаклях: «Гамлет», «Безымянная звезда», «Майская ночь, или Утопленница», «Три сестры», «С любимыми не расставайтесь».

— А как вы попали в «Сатирикон»?

— Меня пригласил Константин Аркадьевич Райкин и сразу дал работу. В «Бальзаминове» я сыграла Матрену. Сложно было играть первый спектакль на такой большой сцене. Акустика сложная… Тысячный зал… Страшно. Я срывала го-

лос, руки-ноги не слушались… Рядом со мной артисты говорят тихо — и их отлично слышно, а я ору, но меня не слышно вообще. Марина Валентиновна Чаплина, главный педагог «Сатирикона» по сценической речи, мне сильно помогла — практически заново поставила голос. Я научилась, что называется, «распределяться» до конца спектакля, голос больше не теряю. Да и за семь лет, что я работаю в театре, изучила все особенности нашей непростой сцены. Ведь недаром площадка «Сатирикона» считается самой сложной театральной площадкой Москвы — акустика там не театральная, здание бывшего кинотеатра не приспособлено для исполнения спектаклей, так что наш звукоцех порой творит чудеса. Но мы не теряем надежды, что рано или поздно произойдет реконструкция, и у нашего театра появятся новые технические возможности.

— Несколько лет назад спектакль «Синее чудовище», где вы играете заглавную роль — Дардане, стал ярчайшим событием театральной Москвы, и до сих пор с успехом идет на сцене «Сатирикона». Константин Райкин создал суперсказку, ни на секунду не теряя философской серьезности Карла Гоцци. Вам нравится эта постановка?

— «Синее чудовище» — один из моих любимых спектаклей. Это спектакль-праздник, и роль Дардане — роль-подарок, я очень благодарна

Константину Аркадьевичу за то, что он доверил мне ее сыграть. Мне очень нравятся именно характерные роли. В Дардане есть и лирика, и юмор. Кроме того, моя героиня должна надеть мужской костюм и перевоплотиться в мужчину — это ли не подарок для любой актрисы?! Впрочем, то же самое могу сказать и про другие свои роли. За время работы в «Сатириконе» я выпустила семь спектаклей, еще в три ввелась. Каждая работа мне дорога по-своему. Повезло сыграть и гламурную блондинку Эстель в спектакле «Другие», и высокомерную брюнетку Елену

в «Оглянись во гневе», и трагическую Машу в «Чайке». Роль Дездемоны в спектакле «Отелло» — пожалуй, самая насыщенная разными актерскими красками. Моя Дездемона совмещает в себе множество образов. Она и нежная, и строгая, и страстная, и несчастная… В каждой сцене она другая, как и любая женщина в разных жизненных ситуациях.

Когда работаешь над ролью, она буквально входит в твою жизнь и заставляет жить по ее правилам. Если ты сыграл чуждого тебе по характеру человека, и роль получилась, значит, ты, актер, можешь быть разным, и это очень важно в нашей профессии. Главное не заиграться, в жизни нужно оставаться собой.

— Сегодня вы много играете в театре. Почти каждый день выходите на сцену, колоссальная нагрузка! Неужели не устаете от сцены?

— Бывает, что и устаю, я же живой человек. Иногда мне просто физически необходимо сесть за руль и куда-нибудь уехать, сменить обстановку. Еще лучше, конечно, поехать на море... Но такая возможность появляется только в августе — во время отпуска или на зимние каникулы. В глобальном же смысле — нет, не устаю. Я больна театром, и если случается, что у меня нет спектаклей несколько дней, начинаю смертельно скучать по сцене.

— Марьяна, знаю, что вы занимаетесь дубляжом и озвучанием фильмов, как художественных, так и анимационных. Вы дублировали Еву Грин в фильмах «300 спартанцев: Расцвет Империи», ваш голос звучал в великолепном фильме «Великий Гэтсби» (героиня Элизабет Дебики), «Темный рыцарь: возрождение легенды» (героиня Энн Хэтэуэй), вы озвучили Стрелку в анимационном фильме «Белка и Стрелка». Эта работа вам интересна?

— Зачем далеко ходить за примером — мой папа Тимофей Спивак всю жизнь занимается дубляжом, в его послужном списке огромное количество фильмов, его голосом, например, говорит знаменитый «Крокодил Данди»! О нем даже есть документальный фильм из цикла «Легенды дубляжа», его можно посмо-

треть в Интернете. Моя мама Екатерина Васильева дублировала сериалы «Просто Мария» и «Дикая Роза», причем сразу несколько ролей. Мне это очень интересно. Когда дублируешь фильм, это двойная ответственность — стоя перед микрофоном в темной студии, ты должен сыграть заново всю роль... только нет ни партнеров, ни декорации, ничего, что могло бы помочь, кроме изображения на экране. Всегда страшно не напортить, ведь когда озвучиваешь не себя, нужно попасть не только в артикуляцию персонажа, но и в его характер. Это очень сложно и безумно интересно! Пока озвучиваешь фильм, как будто находишься на съемочной площадке. Ну а раз нет возможности сниматься в Голливуде, то хоть голосом поучаствовать в процессе. Особенно мне нравится дублировать актрис, играющих в фильмах с Джонни Деппом (улыбается).

— Чем сейчас занимаются ваши родители?

— Папа продолжает дублировать фильмы, а также занялся антрепризой. Весной в Борисоглебске состоялась премьера его спектакля «Соседки», по пьесе Жана Франко, в котором я должна была играть, но из-за плотного рабочего графика не смогла. Мама руководит театральной студией при православной школе имени Сергия Радонежского в Свиблово и студией детского творчества в подмосковной Фирсановке, а также продолжает сниматься в кино.

— Кто ваш самый объективный зритель?

— Самым важным и объективным зрителем для меня была Жанетик — моя бабушка, Жанна Прохоренко. Я доверяла ее мнению безоговорочно. Она всегда была объективна ко мне, делала ценные замечания, кроме каких-то профессиональных вещей могла поругать, например, что сутулюсь, или слишком размахиваю руками, или закрываю лицо волосами — мелочи, на которые режиссеры не обращают внимания, но о которых важно помнить. Вот уже скоро три года как ее нет со мной. Я очень скучаю. И всегда, выходя на сцену, думаю, как бы она оценила мою работу. Конечно, очень важно для меня мамино мнение — тем более что наши творческие предпо-

чтения и вкусы совпадают, мы с ней очень похожи как внешне, так и внутренне. Самый субъективный и добрый мой зритель — это папа. Он очень любит меня, ходит на все мои премьеры, только один раз, в спектакле «Бальзаминов», я не понравилась ему совершенно. Замечания папа иногда все же делает, но в основном хвалит. А еще папка — единственный человек, которого я всегда вижу в зале, когда выхожу на сцену, где бы он ни сидел, где бы ни прятался. Даже если не вижу — чувствую, знаю, где он. К его редким замечаниям я отношусь особенно внимательно. Вообще, раньше я очень переживала, когда мне делали замечания, все воспринимала «в штыки», истерила. Теперь отношусь к этому адекватно, часто даже с благодарностью.

— Что бы вам хотелось пожелать себе как актрисе?

— Хочется сняться в хорошем кино. Поработать с новыми режиссерами на сцене и с теми, с кем уже работала: с любимыми Бутусовым, Рыжаковым. У меня нет роли-мечты, но есть мечта — всегда иметь возможность играть что-то новое. Мне хотелось бы относиться к актерской профессии так, как к ней относится Константин Аркадьевич Райкин. Он — фантастический актер, невероятной мощи и темперамента, Мастер с большой буквы. Актеру, находящемуся рядом с ним, невозможно быть пустым. Работу с Райкиным как с режиссером в «Синем чудовище» и «Доходном месте» считаю большой удачей для себя. И мне хотелось бы, чтобы театр всегда был моей жизнью. «Сатирикон» — мой второй дом, и я желаю себе никогда не остаться бездомной.

— А что вы пожелаете зрителю?

— Приходите в театр. Театр помогает не черстветь душой. ❑

Беседовала *Елена Воробьева*

«СТРАШНЫЙ СУД»

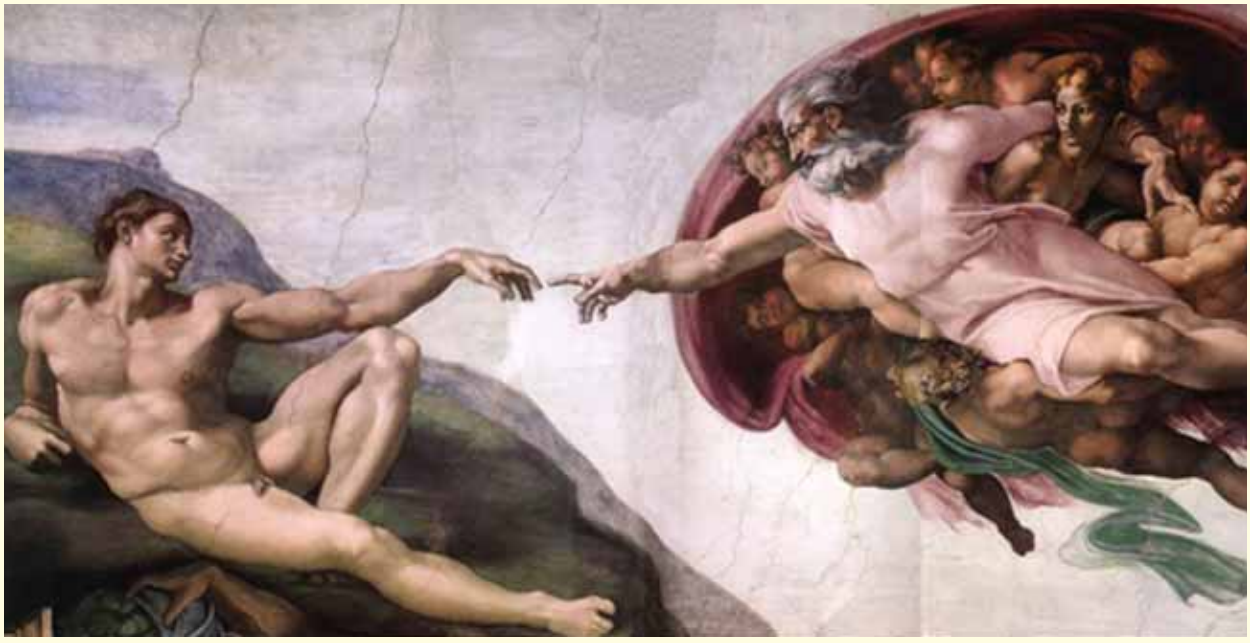
Ирина Опимах

Микеланджело Буонарроти

В истории искусства есть шедевры, которые знают все, — они стали своего рода символами человеческого гения, истинного, высокого творчества. И, несомненно, «Страшный суд» Микеланджело — в этом ряду. Созданное в 1540 году, великое творение великого мастера по-прежнему судит грешников и прославляет праведников, а потому не теряет своей актуальности и сегодня, ведь в нашей жизни грешников не убавилось, а праведников ох как мало…

Великий итальянец Микеланджело Буонарроти родился в Капрезе, недалеко от Флоренции, 6 марта 1475 года. При рождении мальчика был составлен гороскоп, который говорил: из этого ребенка получится замечательный художник и скульптор, его ждут грандиозные успехи в искусстве. Однако отец Микеланджело, высокопоставленный член местной администрации, мечтал о совсем ином будущем для своего сына — у художника заработок ненадежный, а быть скульптором еще и физически трудно! Тяжелая, пыльная работа… Но судьбу не обмануть, Микеланджело действительно стал великим художником и гениальным скульптором.

В 1485 году семейство Буонарроти переехало во Флоренцию. Это был особенный город. В конце XV века итальянские города-государства соперничали во всем — и в военной мощи, и в политическом влиянии, и в искусстве. И первой среди них была Флоренция. Именно здесь, в колыбели гуманизма, родилось



Бог вдыхает жизнь в Адама. Центральный сюжет фрески потолка

итальянское Возрождение, и именно флорентийцы первыми провозгласили: человек — вот высшая ценность мира, он управляет Природой и Историей.

Итак, освоив грамоту, тринадцатилетний Микеланджело поступил в мастерскую художников братьев Гирландайо. Там он познакомился с произведениями великих мастеров Проторенессанса Джотто и Мазаччо и с увлечением копировал их картины. Вскоре способный юноша привлек внимание правителя Флоренции Лоренцо Великолепного, герцога Медичи. В 1489 году Микеланджело попал в Сады Медичи, в знаменитую художественную школу, основанную герцогом, а в 1490 году ему было позволено даже поселиться в палаццо Медичи. Это было настоящей удачей — Лоренцо Медичи сумел собрать вокруг себя выдающихся мыслителей и художников того времени, Марсилио Фичино, Анджело Полициано, Боттичелли, Пико дела Мирандола, да и сам герцог Лоренцо был прекрасным поэтом. Здесь молодой Микеланджело пропитался духом гуманизма и навсегда уверовал в безграничные возможности человека.

Но в 1494 году вся жизнь Флоренции резко поменялась — умер Великолепный. Лишившись покровителя, Микеланджело покинул родной город. Начались его странствования. Некоторое время он провел в Болонье, потом ненадолго вернулся во Флоренцию, а затем уехал в Рим, где прожил пять лет. Там в конце 1490-х годов он создал два крупных произведения: замечательного «Вакха» (фигура в человеческий рост, а рядом — маленький сатир, лакомящийся виноградом) и ватиканскую

Фрески потолка и алтарная стена Сикстнской капеллы, созданные Микеланджело

«Пьету», стоящую и ныне в соборе Святого Петра. Это была удивительная работа. Богоматерь Микеланджело — молодая женщина, словно она не мать, а сестра Христу. Тут скульптор следовал своему любимому Данте, который писал в «Божественной комедии»: «Богоматерь, дочь своего Сына». И Микеланджело нашел идеальный способ выразить в камне эту глубокую богословскую мысль. Многие в Риме не верили, что «Пьету», скорбную и прекрасную, изваял столь молодой, всего лишь двадцатитрехлетний, мастер. Тогда Микеланджело ночью, как рассказывает Вазари, пришел в капеллу и при свете свечи высек на ленте, лежавшей на груди Марии: «Микеланджело Буонарроти флорентинец создал».

А пока Микеланджело жил в Риме, на его родине во Флоренции происходили бурные события. В результате вторжения французов в 1494 году Медичи были изгнаны из города, и на четыре года во Флоренции установилась власть фанатика-проповедника Савонаролы. В 1498 году

в результате интриг флорентийских политиков и папского престола Савонарола и два его последователя были приговорены к сожжению на костре. 4 августа 1501 года после нескольких лет гражданской смуты народ Флоренции провозгласил себя республикой. Флорентийцы, словно стыдясь того, как их душами завладел безумный Савонарола, тратили огромные деньги, заказывая художникам, ювелирам и скульпторам все то, что с такой ненавистью требовал уничтожить неистовый францисканец, — богатую одежду, картины, украшения. Главой города, пожизненным гонфалоньером стал Пьеро Сондерини, давний знакомый Микеланджело по дворцу Медичи и любимый воспитанник Лоренцо Великолепного: герцог считал

Сикстинская капелла

Сондерини самым перспективным политиком города и, видно, был прав. Флорентийские художники тут же почувствовали оживление в делах. Уехавшие понемногу возвращались обратно, продолжали свои прерванные работы и те, что оставались в городе в неспокойные годы — Боттичелли, Поллайло. В 1501 году

власти Флоренции вспомнили об огромной мраморной глыбе, добытой в Каррарских каменоломнях и валявшейся без дела во дворе флорентинского собора уже несколько десятилетий. И этот Гигант, как прозвали мрамор флорентинцы, с которым не смогли справиться несколько известных скульпторов, был отдан 26-летнему Микеланджело, вернувшемуся в родной город из Рима. Заказ был такой — изваять статую библейского героя царя Давида. Молодой скульптор верил — он покорит Гиганта, он уже видел своего Давида, пока еще скрывающегося в толще мрамора. Это был определенный риск — поручить столь молодому скульптору такой важный для города заказ, но власти города пошли на него и не пожалели.

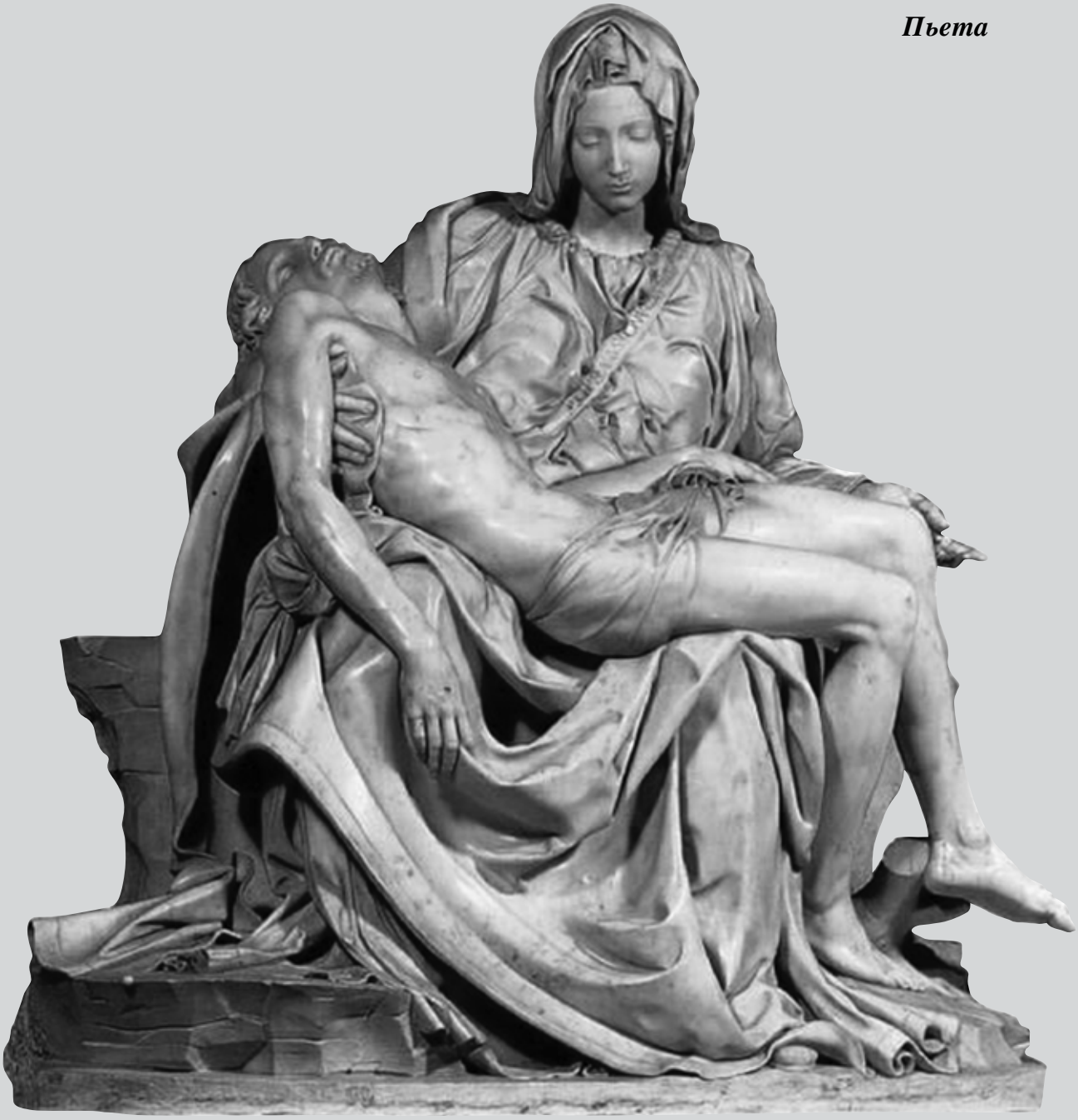
Через год комиссия, снова придя в мастерскую, пришла в восторг от уже законченного творения мастера. Мускулистая шея, тщательно вылепленное, прекрасное лицо с волевым, полным решимости взглядом. Вот-вот Давид нанесет решающий удар, и Голиаф будет повержен. Скорее всего, члены комиссии не ожидали увидеть Давида обнаженным, но перед ними был настоящий шедевр, и у них хватило смелости признать это.

А в 1508 году Микеланджело получил еще один важнейший заказ — расписать потолок Сикстинской капеллы в Ватикане. Недоброжелатели и завистники — а таких у амбициозного, не склонного на компромиссы

Вакх

скульптора всегда было множество — говорили: «Ну, конечно же, он не сможет сделать ничего достойного, это вам не молотком по камню стучать. Живопись — дело тонкое, он провалит дело, вот увидите». Но тогдашний покровитель Микеланджело папа римский Юлий II твердо верил: его любимому Микеланджело под силу все! И опять Микеланджело победил, создав настоящий гимн Человеку, его Красоте, физической и духовной, его творческой мощи. Росписи плафона Сикстины стали одной из вершин мирового искусства.

Спустя более четверти века, вместившие захват Рима испанской ар-



Пьета

мией, участие скульптора в обороне Флоренции от испанских и папских войск (Микеланджело стоял во главе флорентийских отрядов самообороны), работу над скульптурами в капелле Медичи (создание знаменитых «Утра», «Вечера», «Дня» и «Ночи»), Микеланджело вновь пригласили расписывать Сикстинскую капеллу — теперь уже алтарную стену. Сюжет фрески определил папа Климент VII. «Это будет «Страшный суд», сказал он мастеру. Микеланджело был уже далеко не тот, полный сил и желаний 33-летний сильный молодой мужчина, что создавал фрески потолка капеллы. Перед папой стоял шестидесятилетний человек, выглядевший стариком, познавший разочарование и отчаяние, одиночество и предательство, любовь и ненависть, неверие, боль, суд Божий и суд людской. Микеланджело чувствовал, что прекрасной эпохе Возрождения наступает конец, и на смену ей приходит время мракобесия и инквизиции, борьбы с инакомыслием, свободой творчества. Будущее отнюдь не казалось ему светлым. «Отрадно спать, отрадней камнем быть. О, этот век, преступный и постыдный, не жить, не чувствовать — удел завидный. Прошу, молчи, не смей меня будить», — писал он в одном из своих стихотворений. Художник не хотел браться за этот заказ, но отказать всесильному патрону не мог. Шесть лет своей жизни отдал великий флорентиец этой фреске, но и тут он победил: в «Страшном суде» с невиданной творческой и эмоциональной мощью он выразил свои ощущения, итоги своих размышлений, свои представления о мире — о Боге, человеке, о грехе и праведности, свое тогдашнее глубоко трагическое понимание жизни. Микеланджело задумал фреску как картину, границы которой выходят далеко за стены здания, перед зрителем представала целая вселенная. И вдохновлял его, конечно же, другой великий флорентиец — Данте, автор «Божественной комедии».

В центре композиции — Бог — Высший Судия, и в его позе, жесте его руки — суровая карающая сила, отправляющая грешников в ад, а праведников — в рай. Он, сильный, прекрасный, зрелый мужчина (не тот бородатый старец, которым обычно изображали Господа) словно дает начало медленному, но неумолимому круговому движению: отправляя карающим жестом правой руки грешников в ад, левой рукой он возносит праведников на Небеса. И Мария, милосердная и готовая всех простить, ничего тут сделать не может, а потому в смятении отвернулась она от своего Бога-сына. Вокруг Христа и Марии — апостолы и праведники. Справа — святой Петр, слева — Иоанн Креститель, внизу — святой Лаврентий и святой Варфоломей с кожей, которую с него содрали мучители. И на этой коже Микеланджело изобразил себя: художник — тот, кто живет

с содранной кожей, незащищенный и открытый боли. А вокруг — толпы святых, мучеников и пророков, внизу — грешники, гонимые в адскую пропасть.

Советский искусствовед В.Н. Лазарев говорил: «Здесь ангелов не отличить от святых, грешников от праведников, мужчин от женщин. Всех их увлекает один неумолимый поток движения, все они извиваются и корчатся от охватившего их страха и ужаса... Чем внимательнее вглядываешься в общую композицию фрески, тем настойчивее рождается ощущение, будто перед тобой огромное вращающееся колесо фортуны, вовлекающее в свой стремительный бег все новые и новые человеческие жизни, ни одна из которых не может избегнуть фатума. И хотя Микеланджело изображает мощные фигуры с мужественными лицами, с широкими плечами, с хорошо развитым торсом, с мускулистыми конечностями, эти великаны уже не в силах противоборствовать судьбе. Поэтому искажены гримасами их лица, поэтому так безнадежны все их, даже самые энергичные, движения, напряженные и конвульсивные».

И вот наступил день, когда Микеланджело представил свою работу публике. 31 октября 1541 года в Сикстинскую капеллу пришли Папа (им к этому времени стал Павел III Фарнезе), высшие ватиканские прелаты и римская знать. Рассказывают, что потрясение от увиденного было столь велико, что, к примеру, Папа упал на колени перед фреской и исступленно стал молить Господа о прощении за все свои грехи.

Конечно же, трактовка «Страшного суда» была весьма далека от того, что проповедовали церковники. Шокировали и обнаженные фигуры. Все это больше подходит для бани, а не для ватиканской капеллы, возмущались наиболее ортодоксальные критики. Во время одного из посещений капеллы Папу сопровождал церемониймейстер Ватикана мессир Биаджо. Увидев уже почти готовую фреску, он пришел в ярость. Подобная картина более уместна для кабака, кричал Биаджо. У Микеланджело хватило выдержки тогда промолчать, но как только высокие гости покинули капеллу, он тут же изобразил почтенного прелата в образе Миноса, обвитого змеями, навсегда осмеяв и увековечив этого глупого мракобеса.

В своем возмущении Биаджо был не одинок. Неудивительно, что следующий Папа, Павел IV, даже требовал уничтожить фреску, но потом пошел на компромисс (в 1564 году было принято специальное решение Тридентского церковного собора) — велел приодеть обнаженных героев. Рассказывают, что Микеланджело, узнав об этом, сказал: «Передайте Папе, что это дело маленькое, и уладить его легко. Вот пусть он мир приведет в пристойный вид, с картинами-то это можно

сделать быстрее». Поразительно, что не принял «Страшный суд» Микеланджело и Эль Греко. В 1570 году он приехал в Рим и, увидев фреску, сказал: «Хороший человек был Микеланджело, но он не умел писать!» Мало кто тогда понимал, что Микеланджело в обнаженных человеческих телах изображал обнаженные человеческие чувства — страх, сомнения, муки, ненависть.

Как бы то ни было, решение Папы в Ватикане — закон, а потому вновь в Сикстинской капелле появились леса, на которые взобрался художник Даниеле да Вольтерра и старательно приодел могучие микеланджеловы тела, прикрыв их причинные места. Римляне тут же едко прозвали Вольтерра «брачетоне» — «оштаненный», «исподнишник». В 1596 году еще один Папа, Климент VIII, тоже захотел уничтожить фреску, но, к счастью, художникам Римской академии удалось убедить понтифика не делать этого.

Микеланджело часто приходилось нелегко, многие его высокопоставленные заказчики не понимали его работы, но он всегда — или почти всегда — добивался выполнения своих замыслов и не шел ни на какие компромиссы. Недаром его подруга, известная поэтесса маркиза Виттория Колонна, говорила, что, как человек, Микеланджело не уступал своим творениям.

Художнику пришлось пережить своих великих современников — гениев Возрождения Леонардо

Давид

и Рафаэля. Мир менялся, уходили в небытие его друзья и враги. В последние годы Микеланджело отошел от скульптуры и живописи — он занимался архитектурой и, размышляя о жизни, любви, творчестве и бессмертии, писал замечательные, глубокие стихи. При этом, готовился достойно принять свой конец. «Если жизнь нам нравится, то поскольку смерть есть дело того же мастера, она не должна нам не нравиться», — писал он. И в 1547 году приступил к выполнению скульптурной композиции «Положение во гроб» — для собственной гробницы!

Великий Микеланджело ушел из жизни 18 февраля 1564 года. Рассказывают, что уже на смертном одре он сказал: «Жалею о двух вещах: я не сделал для спасения своей души всего, что мог, а второе — я должен умереть тогда, когда только начал читать по слогам в своей профессии». А еще он просил похоронить его на родине, во Флоренции. Но римляне, считая Микеланджело своим, не хотели отдавать тело мастера для захоронения флорентийцам, и тогда племянник скульптора Лионардо Буонарроти, как рассказывает Вазари, «весьма быстро и осторожно похитил тело и отправил его из Рима во Флоренцию в тюке, будто купеческий товар». Микеланджело похоронили в церкви Санта Кроче, недалеко от его Давида, сильного и прекрасного.

А между тем другому его гениальному творению, фрескам Сикстинской капеллы, угрожали самые разные опасности. Стены капеллы пошли трещинами, в которые просачивалась дождевая вода, образовывались соли. Уже в середине XVI века врач и историк Паоло Джовили писал Вазари, что «весь свод разъеден солью и трещинами». Последние реставрационные работы в капелле проводились в 1980–1990-х годах. Основной их задачей было очистить фрески и удалить слои копоти, осевшей от дыма свечей и костного клея, не дающего свободно дышать красочному слою, стене и штукатурке. Весной 1994 года работы в капелле закончились, и в ознаменовании этого важнейшего события 8 апреля Папа Иоанн Павел II, ныне причисленный к святым, отслужил в Сикстине Торжественную мессу. Реставраторы сотворили настоящее чудо — вновь засверкали яркие краски, приобрели выразительность божественные формы, заиграл свет. И ныне все, кто попадает в Сикстинскую капеллу, могут любоваться фреской великого Микеланджело, победившего ханжество, глупость и время.

Удивительное дело — с каждым годом «Страшный суд» кажется значительнее, грандиознее, и происходит это потому, что Микеланджело, как писал американский писатель Пол Рассел, все больше и все сильнее «посредством своих творений влияет на то, какими мы видим себя. Руки этого величайшего скульптора продолжают ваять нас и наш мир». ❑

Билл Пронцини

Каких только экзотических орудий убийства мне не довелось повидать более чем за двадцать лет службы в полиции! Всего и не перечислишь. Но страшнее штуковины, с помощью которой прикончили Филипа Эшера, я еще не встречал.

Это был человеческий череп! Мы с Эдом Крейном обнаружили его — вернее, то, что от него осталось, — рядом с трупом.

Закурив сигарету, я медленно повернулся на каблуках, осматривая кабинет — просторную комнату, три стены которой занимали высокие, от пола до потолка, стеллажи. Два из них были набиты внушительного вида томами в потертых кожаных переплетах и особого интереса не представляли. Зато третий был целиком отведен под выставку образцов примитивного искусства народов Мексики и Центральной Америки: посуда, глиняные и деревянные статуэтки, оружие… Возле стеллажа располагался массивный письменный стол, заваленный всевозможной справочной литературой и явно принадлежавший Эшеру, а напротив него — стол поскромнее, на котором не было ничего, кроме пишущей машинки и диктофона. Что и говорить, в других обстоятельствах я бы охотно поглазел на все эти ацтекские штучки-дрючки, однако в тот момент у меня и мысли такой не возникло. Все-таки труп с разбитой головой плюс перепачканный в крови череп — зрелище довольно угнетающее.

— Сам бы не увидел, никогда бы не поверил, — хмуро пробурчал Крейн.

— Я тоже.

— Ну что, насмотрелся? –поскреб он начавшую лысеть черепушку.

— Более чем.

— Тогда за работу.

Выйдя из кабинета, мы оказались в гостиной, скорее напоминавшей филиал Музея народов Центральной Америки. Один патрульный дежурил у двери, дожидаясь прибытия медэксперта и коронера, а второй, помахивая дубинкой, медленно прохаживался вдоль длинного дивана в дальнем конце комнаты. А на диване, неестественно выпрямившись и сложив руки на коленях, сидел Дуглас Фэлконер — худощавый человек лет сорока в серых брюках и темно-синей рубашке, с узким, почти лишенным подбородка лицом и редкими, песочного цвета, волосами. Он смотрел прямо перед собой, часто моргая близорукими глазами, и выглядел абсолютно безобидным. Тем не менее, именно он полчаса назад позвонил в участок и признался в убийстве Филипа Эшера.

О нем нам было известно только то, что он работал личным секретарем у покойного, которому и принадлежал этот дом — шикарная вилла в «испанском» стиле в одном из самых престижных районов города.

— Итак, мистер Фэлконер, — начал я, — права мы вам зачитали, а если хотите, можем вызвать адвоката. Не желаете рассказать, как все было?

— Я уже все сказал. — У него был тихий, даже какой-то нерешительный голос. — Эшера убил я. Сначала у меня мелькнула мысль подстроить так, будто это дело рук случайного грабителя, но потом я понял, что из этого все равно ничего не выйдет. Лгать я так и не научился, хотя практики у меня было предостаточно, кроме того… после этого мне стало безразлично, что со мной будет. Я устал, детектив. Вы просто не поверите, насколько я устал.

— Зачем вы это сделали? — спросил Крейн. — Почему вы выбрали для этого череп? Кстати, где вы его взяли?

Он зажмурился, но тут же вновь открыл глаза и ответил:

— Со стеллажа позади письменного стола Эшера. Когда… я ударил его, он как раз сидел за столом.

— То есть он держал череп у всех на виду в своем кабинете? — Крейн недоверчиво покачал головой. — На кой черт?

— У него было весьма специфическое чувство юмора. Ему нравилась реакция посетителей. Это — во-первых. А, во-вторых, Эшер утверждал, что он играет для него роль... memento mori.

— Простите?

— Это по-латыни, — пояснил Фэлконер. — «Помни о смерти». Напоминание о том, что все мы смертны и должны когда-нибудь умереть.

— Довольно мрачно, вам не кажется?

— Филип Эшер был очень хладнокровным человеком и ничего не боялся. Даже смерти. В каком-то смысле она была его жизнью — ведь он посвятил себя изучению исчезнувших цивилизаций.

— Нельзя ли поподробнее? — попросил я.

— Он был антропологом новой формации, то есть сумевшим заработать на своих открытиях. После того как он опубликовал несколько крайне успешных монографий о культуре народов Центральной Америки доколумбовской эпохи, на него посыпались приглашения от различных университетов выступить с лекциями. А это хорошие деньги.

— Вы работали у него секретарем на полной ставке?

— Да, помогал в исследованиях, сопровождал в экспедиции на Юкатан и в другие районы Мексики, редактировал его заметки, печатал рукописи, вел деловую переписку и так далее.

— Как давно?

— Восемь лет.

— Вы здесь и живете?

— Да. У меня комната в южном крыле.

— У покойного есть кто-нибудь из близких?

— Нет. Жена Эшера ушла от него несколько лет назад, а других родственников у него нет.

— Вы спланировали убийство вашего шефа заранее? — вмешался Крейн.

— До сегодняшнего дня я вообще не собирался его убивать. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

— Стало быть, у вас произошла ссора?

— Нет, никакой ссоры не было.

— Тогда что же толкнуло вас на убийство? — удивился я.

— Откровение. Да, именно так… одно из откровений Эшера, — горько усмехнулся Фэлконер и тяжело вздохнул. — Вчера я получил письмо от одного из ведущих антропологов страны, с которым Эшер меня в свое время и познакомил. Он предлагал мне стать его личным секретарем, обещая солидную прибавку к жалованию. Я тщательно все обдумал и сегодня утром пришел к выводу, что отказываться от такой удачи было бы просто глупо. Но когда я сообщил о своем решении Эшеру, он… наотрез отказался принять мою отставку. И сказал, что в этом случае он больше не сможет быть уверен в том, что я буду молчать.

— Постойте-ка, — нахмурился я. — Насчет чего вы должны были молчать?

— Насчет того, что случилось шесть лет назад. — Фэлконер громко сглотнул и пробормотал: — Речь идет о смерти его жены и… ее любовника на летней вилле Эшера на озере Понтрейн.

— Но всего пару минут назад вы сказали, что жена от него ушла! — возмущенно воскликнул Крейн.

— Разве? Да, наверное. Я солгал, но за последние шесть лет я повторял эту ложь так часто, что сейчас это вырвалось чисто машинально. На самом же деле Милдред и ее любовник умерли на озере Понтрейн. Они отравились газом. Дело было в сентябре. В то утро Эшер неожиданно решил отправиться на виллу — книга, которую он в то время писал, что называется, «не шла», и он подумал, что перемена обстановки поможет ему расслабиться. Он выехал туда в восемь, а я — на час позже, поскольку у меня оставались кое-какие дела. И застал Эшера в обществе двух трупов! Они лежали в постели обнаженными — Милдред, которая, как предполагалось, должна была находиться в гостях в соседнем штате, — и неизвестный мужчина. Эшер сказал, что в таком виде их и нашел. По его словам, в комнате было не продохнуть от газа, и ее пришлось проветривать. Трагический несчастный случай, произошедший из-за неисправности газового обогревателя.

— И вы в это поверили? — насмешливо прищурился я.

— Да, тем более что я был в шоке. Никогда бы не подумал, что Милдред способна на измену. Она была молодой и красивой, но… при этом такой скромной, утонченной…

— А Эшер? Как он себя вел?

— Крайне сдержанно. Но когда я предложил позвонить местным властям, он даже слушать меня не стал — мол, не хватало только, чтобы его репутация и научная карьера полетели коту под хвост из-за какого-то репортажа в гнусной бульварной газетенке! Тогда я спросил, что же нам делать? В ответ на это он совершенно спокойным тоном заявил, что нам необходимо избавиться от трупов самим и похоронить их где-нибудь неподалеку от озера. А потом он придумает историю, объясняющую исчезновение Милдред — например, что она ушла от него, потому что они не сошлись характерами, и уехала в свой родной Бостон.

— Вы согласились?

— А что мне еще оставалось? — пожал плечами Фэлконер. — Я не могу похвастаться твердым характером. Да, я согласился ему помочь. Мы перевезли трупы на берег озера подальше от виллы, сбросили их в расселину и засыпали камнями.

— Стало быть, вы хранили эту тайну целых шесть лет, — подытожил Крейн. — Но сегодня утром произошло нечто такое, что вы решили его убить?

— Да, — устало кивнул Фэлконер. — Он пообещал, что не выпустит меня отсюда живым.

— Довольно необычное заявление, учитывая, что вы шесть лет молчали, как рыба.

— Совершенно верно. Я ему так и сказал.

— А он?

— Открыл мне всю правду, — помедлив, ответил Фэлконер. — Он застал их в постели очень даже живыми и активными и, придя в ярость, забил их кулаками до потери сознания. Если бы я осмотрел трупы более внимательно, то наверняка заметил бы синяки, но в своем тогдашнем состоянии… Потом он задушил их подушкой, но спрятать трупы до моего приезда не успел, и ему пришлось срочно сочинить эту историю о неисправном газовом обогревателе. Если бы я в нее не поверил и не согласился помочь осуществить его план, то, по его собственному признанию, он бы разделался и со мной.

— И когда вы узнали, что последние шесть лет не только работали на убийцу, но и помогли ему замести следы преступления, а потом он начал угрожать смертью вам самому, вы потеряли контроль над собой, схватили череп и ударили его в висок. Я прав?

— Не совсем, — медленно проговорил Фэлконер. — Конечно, его признание меня шокировало, как и то, что я принимал участие в этом грязном деле. После этого я почувствовал к нему такую лютую ненависть, что мне захотелось причинить ему боль. Вообще-то, я не склонен к насилию, скорее уж я трус, и если бы не его второе, главное откровение, то, наверное, все бы обошлось. Но… год спустя он сделал кое-что еще. Не знаю, зачем он мне об этом рассказал, но он же был безумцем, а попробуй, угадай, какими мотивами они руководствуются. Разве не так?

— Похоже на то, — нехотя согласился Крейн.

— Видите ли, свой memento mori Эшер раздобыл вовсе не в Мексике, как я думал раньше. Он выкопал его из расселины у озера Понтрейн. Поэтому, решив его убить, я воспользовался оружием, идеально подходившим для этой цели. Интересно, а как бы поступили вы, если бы узнали, что шесть лет проработали в кабинете, где каждый божий день со стеллажа на вас смотрит череп той единственной в мире женщины, которую вы тайно и безнадежно любили?! ❑

Перевод с английского ***Дмитрия Павленко***

Евгений Карасев

ГИТАРА

О, как звучала летка-енка,
Качались даже провода…
Возьми гитару, друг наш
Генка,
Возьми, как в прошлые
года.
Ты подбери свои аккорды,
Всех нас при этом удивив,
Мы видим дюны и фиорды,
Нам слышится морской
прилив.

То ли игра, а то ли шалость,
Напоминают струны вновь,
Что мы не ведали усталость
И пели песни про любовь.
Еще не встретившись
с обманом,
Не знали про житейский мрак.
Еще гонялись за туманом,
С собой не справившись никак.
Засыпает город, засыпает,
И при этом глубоко вздыхает.

***

Отшумев, как будто океан,
Засыпает город-великан.
Он устал от толкотни и быта
И его дневная карта бита.
Фонари — его ночная свита,
Как на сцене яркие софиты.
Пролетела птиц вечерних стая.
Он трудился, рук не покладая.
Он устал от гула ресторанов,
Он устал от трезвых
и от пьяных.

Вы поймите, господа и дамы,
Он устал от пробок и рекламы.
От веселья он устал, от скуки,
Вы его возьмите на поруки.
Безразличным он не остается,
С нами он грустит или смеется.
А порой под суету и гам,
Выпивает с нами по сто грамм.

Стойко переносит жар и холод.
Прикрывает нас собою город.
В тесноте порой, но не в обиде
Он все слышит, понимает, видит.

Старое и новое приемля,
Берегите, люди, свою землю.
И какими б не были года —
Берегите, люди, города.

***

Вот опять ветра подули,
Ох, природные уловки.
Это жизнь, как будто пуля,
Выпущенная из винтовки.

Подожди, еще не срок.
Подожди, еще не вечер.
Нажимает на курок
Снова беспокойный ветер.

Отчего летит так жизнь,
Вызывая в нас сомненья.
Время, время, задержись,
Ну,хотя бы на мгновенье!

Кто там пляшет у реки —
Может, это злые духи?
Мы еще не старики,
Мы пока что не старухи.

Пусть себе твердит молва,
Что все ближе, ближе выси…
Но срываются слова,
Улетая, словно листья.

Плыть куда-то не могу,
Сознавая неизбежность.
Я еще на берегу
Созерцаю чью то нежность. ❑

Дарья Булатникова

Капля огня

— Что есть настоящая тайна?

— Настоящая тайна? Примадонна, это то, о чем не знает абсолютно никто. Ни одна живая или мертвая душа. Ни одна.

— Орландо, дружочек, тогда что же получается? — в голосе старухи сквозило разочарование. — А мы так заботились о сохранении тайны… Впрочем, это неважно.

— Обидно другое. — Карлик, сидевший на ковре, прижавшись спиной к породистому вольтеровскому креслу, пожал плечами. — Мы так долго возились с сохранением этой самой тайны, что сами не заметили, как прошляпили главное. И теперь уже неважно, что о нас никто не знает лишь потому, что это никого не интересует. Скоро мы уйдем, исчезнем, так и не узнав, в чьих руках теперь «Капля огня», и какой идиот забавляется с бессмысленной для него побрякушкой.

— Ты уверен, что камень похитили, не зная его истинного предназначения?

— Синьора, я в этом уверен так же, как и в том, что до летнего солнцеворота осталось три дня…

— И ничего нельзя сделать?

Старуха протянула сухую, покрытую коричневыми пятнами, руку и взяла из стоящей на столике хрустальной пепельницы мундштук. Не спеша вытащила из него окурок, вставила новую папиросу и закурила. Старый темный янтарь подрагивал в ее пальцах.

— Ап-чхи! — раздалось из-за кресла. — Миледи, сколько раз я предлагал вам заменить этот ужасный «Беломор» на что-то более приятное. Сейчас такой выбор табачных изделий.

— Орландо, не будь занудой. Меня менее всего заботит твое обоняние. Лучше подумай, что еще можно предпринять.

— За три-то дня? Увольте, госпожа. За это время я разве что могу смотаться в Монте-Карло и попробовать забыться за игрой.

— Болван! — рассердилась старуха и ткнула папиросой в потемневший от пепла хрусталь. На истертое дерево полетели искры. — Ты бы еще в Вологду за кружевами собрался! Подай-ка мне телефон! А потом свари кофе, да покрепче, а то я тебя, мошенника, знаю…

Карлик встал. На его сморщенном личике обозначилась негодующая ухмылка. Вот так всегда — разумную экономию и заботу о здоровье примадонна считает примитивным мошенничеством. А ведь даже в худшие времена — ни крошки цикория!

Щелкнув подтяжками, он принес старухе телефонную трубку и удалился на кухню. Стоявшие в углу часы с готической надписью на циферблате сумрачно пробили три раза.

Что может быть лучше ощущения предстоящего свободного дня? Ты еще спишь, а все твое существо млеет и ликует, оттого что разнеженному телу можно оставаться под простыней сколько угодно. Хоть до вечера. Или до следующего утра. Потом приходит осознание скоротечности бытия — чем дольше ты проваляешься в постели, тем короче будет он, твой свободный, полностью принадлежащий только тебе день. И ты нехотя, лениво и медленно выползаешь сначала одной ногой, затем второй, потом отрываешь от подушки голову и, выгибаясь и потягиваясь, садишься. В окна льется солнечный свет, щебечут птички, безумная заблудшая муха путается в шторах.

Ника потянулась еще раз, потом босиком отправилась на кухню и включила плиту. Нет, никаких кофеварок и чайников — сегодня она может себе позволить сварить кофе по всем правилам.

Шершавая итальянская плитка приятно холодила ступни. Ника сама до последней детали продумала интерьер квартиры, выбирала и эту плитку, и светлую рогожу в качестве обоев на стены, до хрипоты ругалась с рабочими, заставляя сделать так, как желает она, а не как удобно им. Поэтому и не хочется никуда уходить из этого еще пахнущего свежей краской и мебелью мирка. Единственного места, где она чувствует себя, словно зернышко жемчуга в раковине.

Странное сравнение. Ника на мгновение задумалась и едва не прозевала момент, когда коричневая пена в турке начала подниматься. Но успела. С чашкой в руке она вернулась в комнату, уселась посреди нее на светло-оливковом ковре и щелкнула пультом телевизора.

Постепенно к ней на пол перекочевали две плюшевые подушки и огромный плюшевый же шарпей — новогодний подарок Степана. Валяться

на всем этом и смотреть триллер про очередного маньяка — что может быть лучше?

А еще хорошо, что вчера она заставила Степку вернуться к себе домой. Поводом стала болезнь его мамы, будущей Никиной свекрови Зои Николаевны. Но повод поводом, а присутствие Степана сделало бы это утро не таким… не таким упоительно-безмятежным. Мужчины привносят слишком много суеты своими потребностями и желаниями. Им нужны еда, секс, кофе, ванна — именно тогда, когда она нужна тебе самой, спортивная передача или дурацкий боевик. Им то хочется поговорить, то покурить, то выпить пива… Вечное пересечение интересов.

Ника вздохнула.

Только бы не зазвонил телефон. Только бы никто не покусился на ее безмятежный покой. Она с некоторой опаской посмотрела на трубку, лежавшую на стеклянном столике.

И та, как и положено аппарату, призванному отравлять жизнь, немедленно разразилась серией коротких трелей.

— Она приедет. — Старуха приняла из рук Орландо чашку и поднесла ее к крючковатому носу. — На нее единственная надежда. Так что, ради всех святых, не увлекайся своими обычными пикировками и не изображай герцога в изгнании.

— Как скажете, миледи. Мое мнение давно никого не интересует. — Карлик с оскорбленным видом вздернул крошечный нос. Но затем любопытство взяло верх, и он, как ни в чем не бывало, поинтересовался: — А кто она?

— Ника, богиня победы. Я сама выбрала для нее имя, жизненный путь и надеялась когда-нибудь выбрать и того, кто поведет ее под венец. Но теперь последний пункт под большим вопросом — у нас слишком мало времени.

— Ах, та самая девчушка, которая так забавно играла с бубенчиками? Когда же это было? — Он зашевелил губами, загибая пальцы. — Двадцать три года назад, моя донна. Я прав?

Старуха отпила глоток кофе и отрешенно кивнула.

Некоторое время в комнате, где царил вечный сумрак из-за плотно занавешенных окон и огромного вяза, закрывавшего ветками окна, было тихо. Слышалось только причмокивание и сопение. Уж что-что, а кофе Орландо варить умел. И если в нем и бывал цикорий, то ей это никогда не удавалось распознать.

Степан искренне огорчился, когда Ника позвонила и сообщила, что срочно уезжает в Репьевск. Как в Репьевск? Почему? Ведь через неделю в театре закрытие сезона, и сразу после этого они собирались съездить в Таиланд… А сегодня он отправиться вместе с ней никак не может — от-

пуск ему дадут только через неделю. И как он может отпустить ее одну, совсем одну в какую-то дыру с таким ужасным названием — Репьевск!

— Антония позвонила, — вздохнув, объяснила Ника. — А она мне звонила за всю жизнь всего трижды. Один раз, когда я выбирала, куда поступать после школы, второй — узнать номер банковского счета, куда перечислить деньги на квартиру.

— А третий? — с интересом спросил Степан. — И вообще — кто такая Антония?

— Это моя бабушка. Вернее, прабабушка… кажется. А третий был первым. Когда умерла мама.

— Странная у тебя бабушка, — с трудом переварил услышанное Никин жених. — Ты мне вообще почти ничего о своей семье не рассказывала.

— А зачем? Обычная семья. Только теперь ее нет. Осталась одна Антония, и ей нужна моя помощь. Что-то случилось, так что я должна ехать. Ты понимаешь?

— Понимаю. — В трубке раздался ответный вздох. — Это далеко?

— Ночь поездом, утром там буду. Ничего, мне не привыкать. Я тебе позвоню, да и мобильник у меня с собой — не потеряюсь.

— Я на это очень надеюсь. Во сколько у тебя отправление? Я провожу.

— Не надо, я еду на вокзал прямо сейчас, и буду брать билет на первый же подходящий поезд. Так что не дергайся, я уже такси вызвала.

— Ну, как хочешь, — явно обиделся Степан. — Целую.

— Целую, — отозвалась она и пожала плечами. Вот вечно так — разве непонятно, что пока он будет добираться до нее, пройдет уйма времени. А потом Степа будет сомневаться, стоит ли ехать вообще, отговаривать, путать платформы и ныть, что ехать нужно только купейным вагоном, ни в коем случае не брать плацкартный. Ему не понять, что, если Антония позвонила и попросила приехать, значит, нужно мчаться сломя голову.

Так что обижаться глупо.

Ника глянула на часы и подхватила с пола собранную наспех сумку. Пора.

Хорошо хоть Левашов особо не артачился, и его почти не пришлось уговаривать отпустить ее с последних в этом сезоне спектаклей. Единственное, что буркнул — может быть, они ошиблись, переведя ее в основной состав? Ну, и ладно, с составами они осенью разберутся. Главный режиссер в курсе того, что ее сманивает Пинчук, так что дилемма простая — или она в первом составе, или уходит к Пинчуку.

Ника улыбнулась профессиональной стервозной улыбкой. Вот и она научилась… А ведь поначалу, придя в театр, терялась и пасовала перед напористостью опытных актрис. И если бы… если бы, как выразилась тогда Антония, не «гены наследственной комедиантки», вряд ли так быстро смогла бы добиться главных ролей.

Антония. Ника действительно путалась, кем она ей приходится. Слишком все было непросто по материнской линии — жили они порознь, а вместе, кажется, никогда и не жили. Во всяком случае, когда мама упоминала Антонию, то называла ее бабушкой или примадонной. Примадонной она действительно была — театральной. Блистала когда-то в обеих столицах, имела шумный успех, о котором и следов в архивах практически не осталось — Ника специально искала. И в Интернете тоже. Но то, что она была непревзойденной Офелией, Дианой и Марией Стюарт — факт. Просто это было очень давно.

Виделись они только однажды и тоже очень давно. Веронике было всего два года, когда они с мамой заезжали в тот самый Репьевск. Так что ничего она из той встречи не помнила, ничегошеньки.

Голос Антонии — глубокий, бархатный, без малейших следов старческого дребезжания, без пауз на то, чтобы вспомнить позабытое слово — произвел на нее впечатление с того самого памятного разговора, когда бабушка позвонила, словно чувствуя ее колебания — идти ли ей в театральный или в медицинский.

«Лекарь из тебя никакой будет, — была категорична Антония. — Твое дело лицедействовать. Не сомневайся — кому, как не мне, знать». Именно эти слова перевесили, и Ника стала актрисой. Отец только плечами пожал, у него уже была другая семья, в которой старшая дочь, чем дальше, тем больше чувствовала себя лишней. А ведь ей нужна была поддержка, нужно было чье-то одобрение и просто участие. Наверное, поэтому она и перебралась в общежитие, хотя там было шумно, неустроенно и голодно. Годы учебы вспоминались как нечто сюрреалистическое — занятия до прыгающих звездочек в глазах, шумные попойки, какие-то гениальные личности, тонущие в водке и наркотиках, курсовые постановки, этюды, бесцельное скитание по Москве с осознанием собственной бездарности, первые цветы на выпускном спектакле, первая и совершенно дурацкая любовь…

Она очнулась только тогда, когда оказалась с дипломом в руках и полной неизвестностью впереди. Кто-то уже устроился в театр, кто-то снимался в сериалах, кто-то собирался вернуться в родной город. А Ника с чемоданом в руке позвонила в отцовскую квартиру и увидела раздражение на лице мачехи и ее поджатые губы. «Поселишься пока в комнате Павлика, — сухо сказала она. — А Павлик временно переедет к Гоше». Она так подчеркнула эти «пока» и «временно», что даже отцу стало неудобно. Он предложил снять для Ники квартиру и целый год оплачивал ее. Уж, какие там между ним и мачехой происходили по этому поводу разговоры, можно было только догадываться.

Мириться с такой ситуацией было унизительно, но иного выхода она не видела.

И все же ангел, ангел удачи не покидал свою не слишком расторопную подопечную. Нахальство было вознаграждено — пробы в одном из самых

модных театров прошли на ура. И сериал появился как бы сам собой. Не главная роль, конечно, но и не бессловесная горничная или кузина друга героя на втором плане. Насчет своего непревзойденного таланта Ника не слишком обольщалась, все-таки основную роль сыграла ее внешность — темные кудри, черные глаза и — данный природой темперамент и живость. В следующем фильме она уже играла одну из главных героинь.

Папенька был избавлен от обязательств по квартплате, а в гардеробе Ники, помимо дубленки, купленной с рук на втором курсе, появился лисий полушубок. И можно было уже подумать о том, чтобы получить права и приобрести какую-нибудь не слишком побитую жизнью машину. А еще обозначалась фигура избранника — Степан был хорош собой и перспективен, а также нежен, воспитан и культурен настолько, что не путал Пелевина с Перумовым. Познакомились они на каком-то банкете, возник взаимный интерес, и вскоре оба решили, что вполне подходят друг другу.

Вот тогда-то и раздался тот самый, третий звонок Антонии. Откуда она узнала об успехах Ники — неизвестно, поскольку с ее отцом никаких связей не поддерживала. А может быть, и не знала, просто была в них уверена. Девушка долго не понимала, зачем Антонии нужны реквизиты ее банковского счета, а когда поняла, попыталась слабо возражать. Все возражения были отметены, и через три дня у нее появились деньги на то, чтобы купить себе квартиру, отделать ее именно так, как ей хотелось, и купить именно ту мебель, которая ей нравилась.

Правда, она старалась оттянуть тот момент, когда Степан на правах супруга поселится у нее. Было это подсознательное кошачье чувство собственного дома, который появился у нее впервые. И делить его с кем-то она не слишком стремилась.

Но вовсе не из-за этого поистине царского подарка торопилась сейчас Ника на вокзал. Она бы точно так же помчалась в любом случае — просто потому, что ее позвала Антония. А это означало многое.

В принципе — что угодно.

В дверь вначале поскреблись, а затем постучали.

Старуха не любила электрические звонки, даже самые мелодичные из них ее раздражали. Карлик отправился в прихожую — открывать. Вернувшись, протянул измятую, сложенную вчетверо бумажку. Старуха прочитала и хлопнула ладонью по столу так, что фарфор тонко и испуганно зазвенел.

— Он в Италии! Прохвост! И еще смеет сообщать нам об этом. Да еще телеграммой. Это чтобы мы номер его телефона не узнали.

— Вы по-прежнему уверены, примадонна, что это дело рук Миллера? Но ведь он не бывал у нас уже месяца два. Как он сумел?

— Как, как… Что, если это он прислал к нам того газовщика? Явно уголовный элемент, и глаза у него так и бегали, так и бегали.

— Газовщик как газовщик, — пожал плечами карлик. — Совершенно обыкновенный.

— Обыкновенный, значит? И то, что он пришел проверять газовые трубы в квартиру с электроплитой — тоже обыкновенное дело?

Карлик поднял глаза к потолку.

— Но он мог не знать, что вы, моя леди, еще три года назад велели отключить газ, потому что его запах вас раздражал. Новичок, что с него взять.

— Я знаю одно, Орландо, — мы с тобой допустили преступную небрежность, впускали в дом всяких прохиндеев, и результат — налицо. Миллер ли это сделал или кто-то другой… из тех, кто решил нагреть руки на «Капле огня», нам нет прощения. И у нас почти не осталось сил и надежд.

Карлик подошел к окну и поднял край шторы. Проникший в комнату вечерний свет лег на его опущенные плечи. Обернувшись, он с укоризной взглянул на старуху:

— А ведь этот молодой человек, которого вы прогоняли уже раза три, мог бы нам помочь. Но вы, синьора…

— Этот проходимец? — фыркнула старуха. — Он хотел от меня слишком многого — чтобы я уступила ему свое жилище. А оно меня вполне устраивает, к тому же я люблю жить в бельэтаже, и все эти разговоры о панельных домах с лифтом…

— Он предлагал вам и другие варианты.

— Орландо, откуда ты нахватался этих выражений? Просто маклер какой-то, а не…

Внезапно раздались шаркающие звуки, и в комнате появился третий персонаж — крупный белый какаду. Он неспешно прошагал по паркету, волоча встрепанные крылья, затем остановился и укоризненно посмотрел круглыми желтыми глазами на карлика.

— Сэр Родерик проснуться изволили, — прокомментировал Орландо. Попугай в ответ вздыбил хохолок и что-то буркнул. — Понял, понял, не дурак. Сей секунд, мон шер.

— Как же все это банально, — вздохнула старуха и придвинула к себе деревянную папиросницу. — Старая актриса, старый шут и старый попугай… Не надо было мне звонить Нике.

— Мадам, вы стали несносны, — проворчал карлик, — столько брюзжания я не слышал за всю свою жизнь.

— А, по-моему, мы стоим друг друга, — неожиданно развеселилась старуха. — Ты всю жизнь был педантом и занудой, борцом за порядок и чистоту. Что, согласись, обременительно для любой творческой натуры.

— Согласен, — поклонился Орландо. — И мы, несомненно, продолжим увлекательную беседу о моей несносности. Но только после того, как я налью сэру Родерику минеральной воды и вытру пепел, который вы опять насыпали мимо пепельницы.

— Ха! — вскричал какаду и тяжело взлетел на бюро, чуть не сшибив стоящий там барометр. — Ха!

— Спасибо за моральную поддержку, друг мой, — вторично поклонился карлик, после чего независимой походкой удалился в сторону кухни.

Антония вновь закурила и, окутавшись клубами дыма, принялась размышлять. Страха перед смертью она давно не испытывала, в состоянии обреченности было нечто сладостное и томительное, сходное с угасанием дня за окном. Наверное, именно потому она и относилась к происходящему так философски-спокойно. Но вот Орландо было жалко. Да и сэр Родерик… Кому после ее смерти будет нужен старый попугай, за всю жизнь выучившийся говорить единственное слово «ха»?

Кроме того, они не выполнили возложенную на них миссию, расслабились и забыли о бдительности. Что она скажет оставшимся членам ордена? И пусть от его могущества остались лишь воспоминания, утрата одной из главных реликвий может окончательно стереть его с лица земли. Да что там «может быть»… сотрет — и точка!

Старуха досадливо поморщилась. Правильно говорил Магистр — женский ум не создан для предвидения. Но и сам он хорош — до сих пор не подал о себе никаких вестей.

Придется ждать.

Ночь в поезде прошла беспокойно. Гулко храпела на нижней полке пожилая соседка по купе, благоухал перегаром упитанный юноша, который поначалу пытался заигрывать с Никой, а затем плюнул на это занятие и отправился в вагон-ресторан — заливать, как он выразился, «горящие трубы». Четвертая полка оставалась пустой, и на нее норовила переселиться шустрая девица из соседнего купе. К счастью, вторжение удалось пресечь, и это была большая победа, поскольку за ней немедленно потянулся бы хвост из пьянствующих ухажеров. Вся компания большую часть ночи гудела за тонкой стенкой, гоготала, повизгивала и звенела стеклом.

Поэтому сон был не сном, а сплошной мукой, усугубляемый жестким матрасом и непонятно чем набитой подушкой.

Наконец поезд остановился около небольшого двухэтажного здания вокзала, на котором белели огромные буквы «Репьевск». Почему Антония выбрала этот тихий захолустный город, можно было только догадываться. Но после завершения карьеры на подмостках столичных театров она сразу же перебралась сюда и уже никогда не выезжала за пределы этого самого Репьевска.

Ника спрыгнула на перрон и осмотрелась. Конечно же, ее никто не встречал, да и о времени своего приезда она Антонии сообщать не стала. Незачем утруждать немолодую уже даму, она вполне способна и сама добраться. На тихой площади за вокзалом отыскалась парочка мающихся от отсутствия клиентов частников. Один из них оказался проворнее, усадил девушку в свою «шестерку» и только тогда поинтересовался:

— Куда?

— На улицу Рублева.

По огорченному выражению лица водителя стало понятно, что указанная улица находится недалеко.

— А номер какой?

— Дом одиннадцать.

— Три шага пешком, — тоскливо сообщил частник.

— Я устала, так что везите, я заплачу.

Они проехали метров двести и свернули в тихий, заросший вязами и желтой акацией дворик.

Ника расплатилась, забрала сумку и залюбовалась каким-то старозаветным уютом: развешенное на веревках белье, голубятня с клюющими на ее крыше зерно птицами, два пацаненка, играющие в «пристеночек».

Она достала бумажку с адресом. Квартира номер два, наверняка, на первом этаже .Скорее всего, вот эти два окна с кружевными занавесками.

Но оказалось, что в доме каждая квартира занимает ровно один этаж. Во всяком случае, и на первом, и на втором было по одной двери. Девушка с удивлением уставилась на фасонистую металлическую створку — неужели она защищает квартиру престарелой актрисы, а не банкира или бизнесмена? Потом поискала глазами кнопку звонка и не обнаружила ее. Пришлось постучаться, правда, без всякой надежды, что ее услышат. Но буквально через несколько секунд дверь беззвучно и мягко распахнулась.

Вначале ей показалось, что в полумраке прихожей стоит ребенок. Во всяком случае, ростом человек был чуть выше Никиного пупка.

— Милости прошу, — послышался высокий и одновременно дребезжащий голосок. И только тогда Ника поняла, что перед ней карлик, лилипут. Облачен он был в джинсы и, несмотря на теплую погоду, пушистый исландский свитер. Светлые волосы аккуратно причесаны на пробор, а глаза смотрят с настороженным любопытством.

— Здравствуйте, — растерянно произнесла она. — Я — к Антонии.

— Доброе утро, юная леди. Входите же скорее, Антония вас ждет.

Девушка вошла в прихожую, показавшуюся огромной, словно зал. Высокие потолки, древний гардероб, зеркало в бронзовой раме. Карлик взял у нее из рук дорожную сумку и, поклонившись, указал на распахнутую двустворчатую дверь. Заметив нерешительность гостьи, шепнул:

— Не бойтесь, я буду рядом.

От этого Нике стало еще больше не по себе. Хотя чего ей бояться? Совершенно нечего.

И она вошла.

Комната, где она оказалась, тонула в оливковом полумраке. Жилище Антонии она представляла иначе — тут не было никаких старых афиш и фотографий роковых красавиц в гриме. И фарфоровых статуэток не было. С чего она вообще взяла, что Антония должна хранить всяких балерин и зверушек с клеймом Ленинградского фарфорового завода? Бронза и только бронза! И то — минимум: фигурки Вакха и вакханки на бюро, да чаша — колокольчик, до краев наполненная стеклянными шариками.

Мебель была не просто антикварной, она была старой, потертой и утомленной временем. С потолка свисала потемневшая люстра венецианского стекла, а на стенах были развешены картины — Венецианов, Левитан и неожиданный для этой комнаты Лотрек. И не просто Лотрек, а «тот самый Лотрек» — на грани фола.

— Так вот ты какая, Никуша. Выросла.

Голос звучал все так же. Если бы Ника не видела сидящую в кресле с высокой спинкой старуху в темном платье и тупоносых туфлях с серебряными пряжками, она могла бы поклясться, что голос принадлежит молодой женщине. Женщине своенравной, капризной и привыкшей повелевать. А еще — привыкшей к тому, что ее должны без всяких микрофонов слышать в последнем ряду галерки.

— Здравствуйте… — тихо произнесла она.

— Зови меня просто Антония, терпеть не могу все эти церемонии. Ну, что же, садись, девочка. Спасибо, что согласилась приехать.

Возникший за спиной карлик придвинул кресло, мягкое, округлое, словно котенок. Ника опустилась в него, не зная, куда девать руки и ноги, внезапно показавшиеся неуместно длинными и обнаженными. Антония в своем драпирующем от подбородка до щиколоток одеянии выглядела аристократически, а она, Ника, — в короткой юбчонке и легкомысленном топике, словно трудный подросток.

— Ты — красавица, — констатировала старуха, как следует рассмотрев девушку. — Просто красавица. Впрочем, иначе и быть не могло. Я рада тебя видеть, вне зависимости от…

Она замолчала, и Нике пришлось спросить:

— От чего?

— От того, что я собираюсь тебе рассказать, и к чему это нас приведет. — Антония достала папиросу, вставила ее в длинный мундштук и закурила. Потом придвинула пепельницу к краю столика: — Кури, если хочешь.

Ника покачала головой.

— Ну, тогда… Надеюсь, кофе нам сейчас подадут, а чуть позже позавтракаем.

— Я не голодна, в поезде перекусила, — зачем-то солгала Ника.

— Ерунда это все — в поезде. Орландо! — внезапно гаркнула старуха так, что у Ники екнуло под ложечкой. — Орландо, ты там кофе варишь или под дверью подслушиваешь?!

— Хотелось бы, конечно, подслушивать, — донеслось откуда-то издалека, — но не могу же я разорваться…

— Шут гороховый, — улыбнувшись, пробормотала Антония. — Так, на чем мы остановились? М-да… Ну, ничего, должен же быть у меня хотя бы старческий склероз.

— На кофе?

— Нет, не на кофе. А на том, что ты — красавица. С одной стороны, это хорошо, а с другой — может испортить жизнь. Но надеюсь, что этого не случится.

— Я тоже надеюсь.

— Так вот, начнем с этого.

Ника постаралась взять себя в руки. Единственное, чего она не выносила — когда ее пытались наставлять и советовать, как ей жить и что делать. Неужели Антония срочно вызвала ее сюда именно ради этого? Но старуха, выпустив очередной клуб дыма, внезапно спросила:

— У тебя какая оценка в аттестате по истории?

— Четверка, — с трудом припомнила Ника.

— Четверка… — Антония пожевала губами и задумалась.

Сколько же ей лет — семьдесят, восемьдесят, девяносто? Или больше? Определить было невозможно: аккуратно уложенные седые волосы, морщинистое лицо с породистым крупным носом, уверенные движения рук. И все же она была стара, очень стара — кожа, похожая на смятый пергамент, пигментные пятна, ввалившийся рот.

Карлик принес кофе, вазочку с печеньем, расстелил салфетки, расставил чашечки и молча удалился.

— Будь любезна, — попросила старуха, — там, в шкафу, нижняя дверца справа.

Ника выбралась из кресла и подошла к шкафу — огромной дубовой махине, за стеклами которой виднелись переплеты книг и альбомов.

Она присела и открыла нижнее отделение. Дохнуло запахом старой кожи, корицы и еще чего-то терпкого и знакомого. На полках лежали какие-то альбомы, папки, коробки.

— Ты его сразу увидишь — сверток из красного шелка, — продолжала давать указания старая актриса.

Пока девушка донесла довольно легкий сверток до стола, край алой ткани откинулся, и стали видны вышитые на ней цапли, кошки и треугольники.

— Смотри, — велела Антония, разворачивая шелк. Это оказался красный платок, кое-где потемневший на сгибах. Было видно, что он долгое время лежал нетронутым, а уж потом его развернули и опять небрежно свернули. В него была завернута шкатулка, деревянный ларец квадратной формы. И именно от него терпко и сладко пахло в шкафу — сейчас запах вырвался наружу, защекотал ноздри.

— Сандал, — пояснила старуха, скользя пальцами по инкрустации на крышке: все те же цапли, кошки, только перламутровые с красной окантовкой. Изображения окружали иероглифы, врезанные в дерево и залитые зеленой краской. Щелкнул крошечный замочек, и крышка с легким скрипом открылась. К разочарованию Ники, которая ожидала увидеть драгоценные камни, или древний свиток, или еще нечто необычайное, ящичек оказался пуст.

— Он пропал, — вздохнув, с какой-то детской обидой произнесла старуха. — Видишь?

— Вижу, — растерянно подтвердила Ника, рассматривая внутренности шкатулки, оклеенные черной замшей. — А что тут было?

— «Капля огня», так его называли в последнее время. А раньше… раньше по-разному называли — «Семя Феникса», «Капля Нике», «Слеза Осириса», а чаще всего — «Дитя Бен-Бена».

Старуха еще раз заглянула в ларец, словно для того, чтобы убедиться, что он действительно пуст, и со стуком захлопнула крышку.

— Это камень. Вернее, это… это очень похоже на камень, на довольно крупный, размером чуть меньше грецкого ореха, рубин. Камень не ограпен, только отшлифован и по форме напоминает слегка вытянутый шарик, каплю. От обычного рубина «Дитя Бен-Бена» отличается тем, что внутри него видно золотистое сияние, словно там разлито расплавленное золото. Он действительно похож на застывшую каплю огня. — Голос Антонии звучал ровно и размеренно.

— А что такое Бен-Бен? — робко спросила Ника. — И Нике? Насчет Феникса и Осириса я в курсе. В общих чертах, конечно.

— Жаль, что историю у нас преподают скверно, — посетовала старуха. — А сама я вряд ли гожусь в лекторы. Но придется…

Она допила кофе и полезла в папиросницу, отодвинув в сторону шкатулку.

— Бен-Бен — священный камень древних египтян, который хранился в храме Атума в Гелиополисе. Так же называли самый верхний, заостренный камень, которым венчали пирамиды. Говорили, что он является воплощением повторения жизненных циклов и возрождения. Бен-Бен был огромен, и ему поклонялись, считая яйцом Феникса, упавшим с неба на землю. Похоже, это был крупный метеорит конической формы. Феникс, как ты зна-

ешь, тоже символ перерождения и бессмертия. Огненная птица, приносящая в клюве с некоего «огненного острова», находящегося где-то за пределами земного мира, божественную эссенцию или эликсир Нике, дающий жизнь. И одновременно, Феникс считался душой великого бога Осириса, одного из тех, кто родился, а затем и возродился на этом «огненном острове», чтобы вновь появиться в нашем мире. Как тебе такая головоломка? В ней путался сам Геродот, описывая сущность Феникса. Слишком много взаимосвязей и взаимных толкований. Но дело не в этом.

Ника слушала молча, пытаясь уловить связь между древнеегипетскими мифами и стоящей на столике сандаловой шкатулкой.

— Дело в том, что кроме огромного, весом в несколько тон, Бен-Бена, состоявшего из небесного железа «бья», в храме Атума жрецы хранили и другой, совсем небольшой камень. И этот камень, как они считали, образовался из капли той самой эссенции Нике, которую несла в клюве огненная птица Феникс. Капля упала на Бен-Бен и скатилась с него огненным шариком под ноги верховного жреца. Он велел сделать для него специальный золотой подвес и спрятать в сокровищнице храма.

Старуха замолчала, рассматривая металлическую зажигалку, которую все это время крутила в пальцах. Неслышно появился Орландо, заменил опустевшие чашки на другие, источающие аромат свежесваренного кофе, который самым причудливым образом смешался с запахом сандала и дыма от «Беломора».

— И что дальше было с этими камнями? — тихо спросила Ника.

— Священный камень Бен-Бен был утрачен во время двенадцатой династии, — коротко ответила Антония.

— А… «Капля огня»?

— А «Капля огня» исчезла из моей квартиры позавчера. Или чуть раньше. Но не более недели назад, потому что в прошлый вторник она была еще на месте.

Ника молчала, переваривая в голове услышанную информацию. История камня представлялась слишком удивительной, чтобы ее можно было сопоставить с провинциальным российским городишком Репьевском, квартирой, заставленной старыми шкафами, и дымом папиросы из янтарного мундштука. Хотя дым… дым как раз чем-то соответствовал. Жертвенники, факелы...

— Ха! — хрипло вскрикнул кто-то в глубине квартиры, прокашлялся и снова: — Ха! Ха! Ха!

Вздрогнув, Ника обернулась.

— Сэр Родерик! — провозгласил карлик так, словно к ним явилась сама королева Англии.

Попугай продефилировал через гостиную, кряхтя, взлетел на бюро и принялся оттуда рассматривать гостью то одним, то другим глазом.

— Ой, какой… — умилилась Ника.

Какаду вздернул хохолок и, кажется, остался доволен произведенным эффектом. Потоптавшись, он прочистил горло и гаркнул свое коронное: «Ха!»

— Не отвлекай нас, — укоризненно произнесла Антония. — Орландо, что там с завтраком?

— Омлет будет через пару минут, — с достоинством отозвался карлик и обратился к Нике: — Вы, моя принцесса, любите с зеленью или?..

— Можно с зеленью, — поспешно отозвалась та. — Мне все равно.

— Ступай уже, — фыркнула Антония.

Часы отбили половину десятого.

— Я правильно понимаю, что рубин украли из вашей квартиры? — дождавшись, пока карлик скроется за дверью, спросила Ника.

— Да, его никто из нас не доставал из футляра. И можно только догадываться, кто это сделал.

— То, что шкатулку не забрали, — пробормотала Ника, — может означать, что у похитителя не было возможности ее вынести, а камень вполне помещается в карман. Значит…

Антония кивнула. Девочка рассуждала логично, она и сама думала об этом.

— Это сделал тот, кого мы оба, я и Орландо, или кто-то один из нас, видел, когда вор уходил от нас.

— Тогда вычислить его будет несложно, — полувопросительно предположила Ника.

— Если бы… — Старуха завозилась в кресле, выпрямляя затекшую спину. — Как это ни удивительно, но наш образ жизни не отличается замкнутостью, и гостей у нас бывает не так уж мало. Единственное, что облегчает задачу, это то, что всех, кто бывал у нас за последнюю неделю, мы знаем поименно. Ну, кроме почтальона и газовщика, конечно. Но почтальон не проходил в комнату.

— Вы хотите, чтобы я попробовала найти вора?

— Мы могли бы сделать это и сами, если бы не мой чертов артрит. А Орландо один не справится — тут нужна хитрость и скрытность. А какая скрытность, когда он настолько приметен? К тому же в Репьевске его знает каждая собака…

— Я поняла. Вы правильно сделали, Антония, что позвонили мне. И я постараюсь помочь.

— Не спеши давать обещания, — покачала головой старуха. — Сегодня у нас уже двадцать третье июня…

— И что? — удивилась Ника.

— Если «Капля огня» не вернется до полуночи с двадцать четвертого на двадцать пятое, то все усилия напрасны.

Девушка непонимающе уставилась на старую актрису. Что означали ее слова? Просто какой-то бал Золушки, полночь… Двадцать четвертое июня?

— Летний солнцеворот, — подсказала Антония. — Начало нового круга жизни — к возрождению или смерти. Если в эту ночь с «Каплей огня» не провести определенный ритуал, она исчезнет.

— Как исчезнет?

— Как, как… навсегда исчезнет. Но пока в запасе почти три дня, так что нужно надеяться. И где, в конце концов, этот Орландо со своим омлетом? — громовым голосом вскричала Антония. Ника решила, что ей надо бы привыкнуть к тому, что старая актриса время от времени превышает все мыслимые пределы громкости, иначе она так и будет дергаться каждый раз. А это вредно для нервов.

— Он тут. — Карлик появился в дверях, толкая перед собой сервировочный столик на колесиках. — Любезные донны, завтрак готов.

Выйдя во двор, Ника остановилась в задумчивости.

Еще пять минут назад все казалось относительно понятным. Антония вручила ей список всех людей, побывавших в квартире с прошлого вторника. Всего их было восемь, включая почтальона, доставившего посылку с сырами из Парижа, и газовщика, проверявшего целостность труб, проходящих через квартиру. Он вызывал у старухи наибольшие подозрения — ведь никаких труб у них не было.

Орландо вначале категорически утверждал, что глаз с подозрительного газовщика не сводил, и залезть в шкаф тот не мог никак. Но затем вспомнил, что газовщик подходил к окну и возился за шторами рядом со шкафом. Так что, в принципе, мог за пару секунд вытащить ларец и сунуть камень в карман. Но откуда он узнал о камне?!

Далее следовал некий Коровин, который настырно уговаривал Антонию уступить ему понравившуюся квартиру. Предлагал обмен или приличные деньги. Старая актриса категорически посылала данного субъекта подальше, ибо не собиралась менять место жительства. Всего Коровин посетил их не менее пяти раз, из них дважды за прошедшую неделю.

Следующей была интеллигентная старушка, приходившая по средам расписывать пульку с Антонией и Орландо. Преферанс сопровождался умеренным потреблением ликеров и миндальных пирожных. Иногда четвертым в игре участвовал бывший старушкин поклонник некто Иванцов, но в этот раз Иванцов отсутствовал по причине приступа подагры. Старушку Ника решила оставить на десерт, когда будут прояснены наиболее подозрительные личности.

В этой ипостаси помимо Коровина выступал пылкий театрал Максим Кузьмич Прибытков, прозванный Антонией хлюпиком за субтильность и болезненность. Прибытков также посетил актрису, принеся ей букет гладиолусов из собственного сада, к тому же оставался в гостиной без присмотра в течение нескольких минут.

Далее следовала некая Джемма, которой Антония время от времени диктовала свои мемуары. Данная особа в комнате одна не оставалась, но Антония со вздохом призналась, что во время сеанса «мемуаристики» на нее часто нападает непреодолимая сонливость, так что не факт, что она не задремала на пару минуток.

Последние двое были соседями по дому — Петр Петрович Сапожников, собиравший подписи против выкупившего верхний этаж репьевского торгового магната Ступина, пожелавшего из запущенной коммуналки соорудить себе апартаменты. Сапожников пробыл у Антонии довольно долго и устроил нечто вроде митинга в защиту простого трудового народа. К шкафу он не приближался, зато сопровождавшая его общественница Варя Мухина металась по квартире так, словно у нее, как выразилась хозяйка, «одно место было наскипидаренное». Короче говоря, любопытная Варя, под видом сравнения планировки этажей, принялась бегать по всем комнатам. Орландо пришлось немного приструнить ее, но в гостиной она побывать успела: разглядывала статуэтки и скребла пол. Последнее действие выглядело самым подозрительным. Правда, к шкафу данная особа не приближалась вовсе.

Ника еще раз просмотрела список и вздохнула. Начинать стоило с соседей. Но сейчас они вряд ли дома — трудовой народ все-таки, а рабочий день в самом разгаре. Пожалуй, есть смысл вначале попытаться связаться с назойливым Коровиным, которой оставил свою визитку аж с тремя телефонами.

За спиной хлопнула дверь, и из подъезда выскочил Орландо, в наспех надетых и хлопающих шнурками башмаках.

— Хорошо, что вы не успели уйти, душа моя! — обрадовался он. — Антония просила передать вам вот это.

Он протянул Нике тонкую цепочку с кулончиком в виде танцующей цапли. И цепочка, и птичка были из какого-то странного черного металла.

— Наденьте его и ни в коем случае не снимайте, пока не разрешат, — торжественно произнес карлик, словно вручал рыцарский крест.

Пожав плечами, Ника нацепила кулон на шею. Он вполне подходил к сарафану со сборчатой юбкой из тонкого льна, в который она решила переодеться, дабы не будоражить публику экстремальным мини. Пышные и весьма приметные волосы заплела в две косички, надеясь, что в таком виде ее узнать трудно. Орландо отступил на шаг, критически оглядел ее и кивнул:

— Антония права — красавица!

Нике захотелось щелкнуть его по носу, но она удержалась. Все же перед ней был не мальчишка, а вполне взрослый, даже пожилой мужчина. Только маленький.

— И еще… — Орландо замолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить, но потом решился. — Примадонна не сказала вам самого главного, но вы, милая леди, должны знать. Вполне возможно, что за камнем будете охотиться не вы одна.

— Как? — искренне удивилась девушка. — Она привлекла еще кого-то?

— Вовсе нет. Как бы вам понятнее объяснить… «Каплю огня» мог, конечно, похитить и тот, кто счел ее обычной драгоценностью. Даже, скорее всего, так и было. Но камень с давних времен привлекает внимание людей, которые знают, что представляет собой этот раритет. И они очень заинтересованы в том, чтобы выйти на след похитителя раньше нас. Поэтому умоляю вас — будьте осторожны и осмотрительны. И особенно не верьте красивым брюнетам!

— Обещаю — брюнетов буду избегать, как чумы, — опрометчиво кивнула Ника. — Но все же, что это за люди?

— Принцесса, если я скажу вам, что это члены одного из древнейших и могущественнейших на земле тайных орденов, вы мне поверите? — Орландо смотрел прямо в глаза девушки. Выглядело это из-за разницы в росте достаточно комично.

— Не знаю… — растерялась Ника. — Скорее, не поверю.

— Тем не менее, это истинная правда, — грустно улыбнулся карлик и исчез за дверью подъезда.

Девушка проводила его взглядом. Какой древний орден, какие раритеты? У старой актрисы какая-то сволочь украла ценную вещицу, и приплетать сюда колдовство и мистику вовсе ни к чему — надо быть проще и действовать соответственно. Она достала мобильный телефон и принялась звонить Коровину.

Тот отозвался сразу же:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Вадим Игоревич, — загадочно понизив голос, произнесла Ника.

— Здравствуйте. С кем имею честь? — На уловку товарищ Коровин не попался, и угадывать, кто именно из представительниц женского пола ему звонит, не стал.

— Я разговариваю с вами по поручению Антонии Георгиевны Романовской.

В трубке вначале воцарилась изумленная тишина, а затем она разразилась серией восторженных восклицаний. Вадим Игоревич, несомненно, был счастлив узнать, что некто собирается пообщаться с ним от имени Антонии.

— Мы можем встретиться? — нетерпеливо спросил он.

— Можем. Но я плохо знаю город.

— Вы сейчас где?

— Около дома Антонии.

— Тогда ждите меня, я подскочу через пять минут. Только умоляю — никуда не уходите!

Ника сунула трубку в сумочку и глубоко вдохнула. Теплый воздух пах цветами. Это было настолько непривычно для жительницы отравленной выхлопными газами столицы, что она принялась вышагивать по двору и дышать, словно выброшенная на берег рыба.

Спустя непродолжительное время во двор вкатился алый, как паруса корабля капитана Грэя, джип, и из него вывалился чрезвычайно, как и говорила Антония, «корпулентный» мужчина. Правда, Ника представляла его корпулентность несколько иначе — этакого лысого борова с золотой собачьей цепью на шее. Так что, увидев перед собой вполне симпатичного мужика гренадерского формата, она слегка перевела дух. Особенно ее вдохновило наличие у Коровина очков на носу и отсутствие цепи на шее. А еще он не был брюнетом, вспомнила Ника слова карлика.

Вадим Игоревич предложил вести переговоры не в машине, пусть и оснащенной кондиционером, и не на лавочке около курятника, а в цивилизованном месте — кафе «Маргаритка», где подают холодные напитки и мороженое. Ника благосклонно согласилась и впорхнула в джип.

— Надеюсь, что вы, миледи, предупредили нашу гостью, что прикасаться к «Капле огня» ни в коем случае не следует? — озабоченно спросил карлик, меняя старухе пепельницу.

— Считаешь меня склеротичкой? — оскорбилась Антония. — Не только предупредила, но и взяла слово, что она не станет этого делать. Кстати, папирус нужно тоже достать и сделать с него, наконец, копию. Мало ли что…

— Прикажете ксерокс найти?

— Уволь ты меня от ксерокопий! Надо по старинке — взять кальку, тушь, перо… И скопировать!

— Хорошо, — покладисто согласился Орландо, — нам не привыкать. А не проще бы было скопировать транскрипцию? Какая разница, как это написано — иероглифами или обычной кириллицей? Главное — как звучит.

— Нет, — покачала головой старуха. — Надо иметь аутентичную копию.

— Какие мы слова знаем, — проворчал карлик. — А за Никой приехал этот… мачо по фамилии Коровин. На джипе, между прочим. Давно твержу, что надо бы нам машину поменять.

— Лучшего времени для смены машины ты не нашел. Кстати, подготовь Нике доверенность на управление нашей колымагой. И проверь, на месте ли мои завещания.

Орландо пожал плечами и открыл секретер. И завещания, и прочие документы лежали в идеальном порядке, рассортированные по пластиковым папкам.

— Моя ошибка была в том, что я решила достать камень из тайника слишком рано, — самокритично произнесла старуха. — Надо было сделать это накануне, а не раньше, тогда бы вор не успел сориентироваться. И ты тоже хорош — сразу кинулся камни долбить.

— Из нас двоих хранителем вы были назначены, — возмутился карлик. — А я так — сбоку припеку. Да и…

— Продолжай.

— Лунопоклонники ведь давным-давно себя не проявляли. Уже лет триста о них ничего не слышно. Вот я и решил, что их не осталось. А тут… В общем, синьора, может быть, это и стечение обстоятельств, но в городе объявилась одна компания. Выдают себя за кавказцев, но я бы сказал, что они больше на арабов похожи…

— Это у тебя мнительность, дружочек, — меланхолично отмахнулась Антония и задумалась. — На арабов, говоришь?..

— Именно. А теперь я, с вашего позволения, сударыня, отправлюсь на рынок. Мне обещали оставить паровую свинину для отбивных. Заодно и к этим типам присмотрюсь.

— Присмотрись. И пива купить не забудь. Грешна, люблю пиво к отбивным.

— А то мы не знаем… — Карлик исчез за дверью и появился через пять минут уже облаченным в пиджачную пару и летнюю шляпу.

Ритуал ухода на рынок был неизменен и соблюдался неукоснительно.

Усадив Нику за столик, Коровин ринулся к стойке и притащил две чашки кофе, два стакана холодного апельсинового сока и огромную вазочку, скорее даже вазу с разноцветными шариками мороженого, политыми сиропом, жидким шоколадом и посыпанными орехами.

— Это все мне? — Девушка с подозрением взглянула на тут же начавшее таять угощение.

— Вам! — Вадим Игоревич прижал руку к области сердца и умоляюще попросил: — Говорите же, не томите!

— Неужели для вас так важно переехать именно в квартиру Антонии? — уточнила Ника. — Ведь рядом есть и другие дома.

— Мне нужен именно этот дом! С первым этажом я уже почти договорился. Только двоих уломать осталось — Сапожникова и госпожу Антонию.

— Не понимаю. — Ника осторожно отправила в рот кусочек желтого шарика. Мороженое оказалось банановым. — Объясните.

— Все очень просто. Когда-то в Репьевске жил известный торговец мануфактурой купец Афанасий Коровин.

— Ваш предок? — сообразила Ника, приглядываясь к розовому шарику — только бы не малиновое.

— Да, прапрадед. И именно он выстроил этот особняк для своей семьи. Вот я и хочу его вернуть и вновь перестроить, как было.

— Но ведь третий этаж, насколько я понимаю, уже куплен кем-то…

— Да, Олегом Ступиным, — с досадой пробормотал Вадим Игоревич, пробуя кофе и морщась. — Думаю, он сделал это специально, чтобы мне дорогу перебежать. Хуже нет, когда такие вот завистники заводятся. Сколько он мне уже крови попортил, не передать.

— Какие у вас тут страсти кипят… — Она все-таки рискнула лизнуть розовое мороженое. Клубника.

— И не говорите. Городок невелик, все друг друга знают, все на виду. А я, дурак, и не скрывал, что хочу прапрадедов дом откупить. Вот Рогатый и влез.

— Рогатый? Это кличка такая? — догадалась Ника, но не стала уточнять, откуда взялось прозвище. Мало ли, вдруг в этом и кроется причина нелюбви Ступина к Коровину. Да и, собственно, какое ей дело?

— Ну, вот что, — смело воткнула она ложечку в белый шарик. — Я уполномочена Антонией предложить вам следующее: она согласна продать вам свою квартиру, но при условии, что вы поможете вернуть то, что у нее пропало.

— Э? — подавился Вадим Игоревич кофе. — В каком смысле, пропало?

Тактику, которая могла бы вынудить Коровина вернуть пропавший камень, выработала сама старуха. Понятно ведь, если «Каплю огня» украл назойливый бизнесмен, он в этом никогда в жизни не признается. Но если дать ему шанс представить все, как поимку неизвестного воришки, то картина будет совсем другой. Нику смущало одно — вдруг Вадим Игоревич о рубине ни сном, ни духом не ведает? Тогда он может кинуться на его розыски и спутать все карты. Или наоборот — добиться успеха куда быстрее, с его-то знанием местной специфики. «Ну, и черт с ним, — хлопнула Антония ладонью по столу, — пусть добивается. Нам важен результат!»

— А что именно пропало у госпожи Романовской? — осторожно спросил Коровин, откашлявшись.

Ника вздрогнула, но затем сообразила, что он имеет в виду не ее, а Антонию — фамилии-то у них одинаковые, и ответила:

— У нее исчез камень. Круглый неграненый рубин в золотой оплетке.

— Всего-то?! — взвился бизнесмен. — Я готов взамен заказать любую драгоценность, только уточните, как она должна выглядеть, и размер.

— Нет, — покачала головой девушка. — Антонии нужен именно ее камень, и только он. Он дорог ей как память, это фамильная драгоценность, понимаете?

— Понимаю! — Глаза Коровина сверкнули, и он вздохнул: — Очень хорошо понимаю! И какая, извините, сволочь могла покуситься?

— Она не только покусилась, увы… — Ника тоже попробовала остывающий кофе. Ничего страшного, бывает и хуже. — Камень исчез, украден. Ну, в общем, вы поняли. Поможете его отыскать и вернуть?

— Я постараюсь, — потупился Вадим Игоревич. — Но пока понятия не имею, как это сделать. Впрочем…

— Учтите, — довольно невежливо перебила его девушка. — Это условие действует до полуночи — с двадцать четвертого на двадцать пятое июня. Камень нужен до этого срока. Минутой позже договоренность утрачивает силу.

— К-как — до полуночи? Почему? — вытаращил глаза Коровин.

— Каприз у Антонии такой. И еще она просила ни в коем случае не прикасаться к камню, только к оправе.

— Пуркуа бы не па? — Вид у бизнесмена был ошалелый. — То есть, женские капризы, конечно же, вещь сильная, но с таким я еще не сталкивался. А меня удивить сложно.

— Значит, вы согласны? — спросила Ника в надежде, что именно Коровин украл злосчастный камень и поспешит вернуть его старой актрисе сегодня же. Но вот незадача — присмотревшись за время общения к Вадиму Игоревичу, девушка с огорчением поняла, что на роль обычного воришки он никак не подходит. Да и необычного — тоже. Вполне приличный человек, симпатичный и простодушный. И если это не маска и не игра, значит, камень не у него. Увы, увы…

— Извините, Вероника, — внезапно озадачился Коровин. — А где я мог вас раньше видеть?

Ну вот, а она так надеялась, что мужчины не смотрят душераздирающие сериалы, в которых она имела счастье сниматься, и уж точно никто ее не узнает без грима и с прической «детский сад на даче».

— Вы случайно в нашем театре не играете?

— А у вас тут театр имеется? — откровенно изумилась Ника.

— Имеется, — с гордостью проговорил Вадим Игоревич. — Причем, самый настоящий.

Услышать, что в глубокой провинции в небольшом городке есть театр, было равносильно тому, что узнать о проживании в нем королевской фамилии. Ведь даже в советские времена, не говоря уж о последних десятилетиях, такую роскошь могли позволить себе разве что областные центры, остальные обходились дворцами культуры.

Оказывается, здание театра было построено еще до революции, когда Репьевск был если не процветающим, то вполне оживленным торговым центром. Располагался он удачно — на пересечении нескольких трактов, и в нем регулярно устраивались ярмарки, для чего были выстроены лабазы, склады и крупный элеватор. А гостиный двор служил местом не только торговли, но и заключения сделок. Гостиницы, рестораны — все к услугам приезжих купцов. А потом построили еще кабаре и театр — для их же развлечения. При советской власти театр сохранили, иметь в городе подобное культурное заведение было престижно. Когда же грянула перестройка, театр оказался не у дел и не пошел с молотка только по одной причине: слишком уж специфическое здание — затраты на его реконструкцию явно перекрывали выгоду. Труппа почти разбежалась, новые спектакли не ставили, и оставшиеся артисты зарабатывали разве что арендой зала под всякие мероприятия да новогодними елками.

Но тут, как ни странно, взыграл местечковый патриотизм, и на одной из сходок репьевских бизнесменов некий майонезный король Чохов объявил вдруг, что он решил спонсировать драмтеатр. Подобрав грохнувшиеся на стол челюсти, остальные коммерсанты принялись размышлять, на фига это «майонезнику» сдалось. А потом до них дошло — реклама! Реклама Чоховского продукта теперь была на всех афишах, программах и даже во время спектаклей среди реквизита на сцене то и дело возникали баночки с желто-зеленой этикеткой.

Но главным была даже не реклама, а более высокие материи. Чохов теперь имел право считаться патриотом города, радеющим за его культуру. Остальных это задело — чем они-то хуже? Или у них благородства и денег меньше?

И началось! Производители колбасы, пластиковых окон и эксклюзивных мочалок ринулись к обалдевшему от свалившегося счастья директору театра. Культурная публика града Репьева радовалась новым постановкам, артисты получали регулярную зарплату, а мэр в каждой своей речи не забывал упомянуть о недосягаемо возросшем под его чутким руководством уровне культуры.

— Занятно, — пробормотала Ника, рассматривая все еще несъеденный и уже изрядно подтаявший «монблан» из мороженого. — Но я никогда даже не была в вашем театре.

— А зря, — с чувством произнес Коровин. — Я бы хотел вас пригласить. Сегодня дают «Чайку».

— Нет-нет, — вздрогнула девушка, представив, что она увидит на репьевской сцене, — как-нибудь потом.

— И опять зря. Потому что у меня есть подозрения… Дело в том, что прима нашего театра, Анна Свидерко, обожает драгоценности, особен-

но — старинные. И если где и искать рубин Антонии, то, в первую очередь, — у Свидерко.

— Вы думаете, что она могла…

— Нет-нет, не украсть, а купить! В нашем городе все знают, прежде чем золото или камни в скупку нести, нужно их Анне показать, она же, как сорока…

— Неужели у провинциальной актрисы есть средства на покупку драгоценностей? — недоверчиво спросила Ника.

— Конечно, есть, — хмыкнул Коровин. — Она же любовница Ступина. А тот ее еще и поощряет — нравится ему, что его красавица бирюльками обвешена.

Отметив про себя раздраженную интонацию Вадима Игоревича, когда он повествовал о Свидерко и Ступине, Ника решила, что вникать во взаимоотношения репьевского бомонда ей совершенно ни к чему. Но вот информация о пристрастии примадонны местной сцены к драгоценностям может быть весьма ценной.

— И все же, где я мог видеть вас?… — продолжал бормотать Коровин.

— Это неважно. — Ника поднялась. — Спасибо за мороженое, но мне нужно идти. Номер моего телефона у вас остался, так что, если будут какие-то известия, звоните.

— Как?! — воскликнул бизнесмен. — А я думал, что мы вместе…

— Нет, в этом нет смысла — порознь мы сможем добиться большего.

— Жаль… Очень жаль! — не унимался Коровин. — А что, если нам вечером встретиться? Тут есть весьма милый ресторан, «Каскад» называется. Я приглашаю вас поужинать.

— Извините, не получится, вечер у меня уже занят.

— Тогда я готов отвезти вас туда, куда прикажете.

— Не стоит, я хочу прогуляться, подышать воздухом. Заодно и на ваш театр взгляну. Он ведь где-то неподалеку?

— У нас тут все неподалеку — театр за углом, идемте, покажу.

Нику не устраивало общество Коровина — пусть бы он лучше делом занимался и рубин искал, поэтому она всеми способами пыталась отделаться от сопровождения. Не удалось — Вадим Игоревич довел ее до угла выкрашенного в странную бирюзово-розовую гамму продуктового магазина и показал здание театра. Оно действительно было изукрашено рекламными плакатами самых разных фирм, среди которых терялись собственно афиши спектаклей.

— Ну вот, — огорчился бизнесмен, — а сегодняшний спектакль не состоится.

Действительно, прямо на дверях главного входа белело объявление: «Вечерний спектакль отменяется в связи с болезнью актрисы».

— Интересно, чем это Анна Глебовна захворали, не иначе несвежих устриц поели, — продолжал удивляться Коровин.

— А почему вы думаете, что заболела именно Свидерко? — сообразив, о ком речь, спросила Ника.

— Так у них же только она незаменимая. Остальные — в два состава играют.

— Да вы просто настоящий театрал, — похвалила его Ника. — Но мне пора, да и вам тоже. Если хотите в срок отыскать камень.

Кажется, в этот момент Коровин впервые подумал, что ему нужно не просто разглагольствовать, а совершать конкретные действия. Глядя на Нику мученическим взглядом, он принялся чесать в затылке. Девушка напоследок полюбовалась Вадимом Игоревичем — экстерьер у него был что надо. Но вот с сообразительностью оказалось неважно — когда она свернула в переулок, он все еще пребывал в мучительных раздумьях.

Следующим по степени подозрительности был газовщик. И Ника даже знала, где его искать — все властные и коммунальные службы Репьевска, в том числе и «Горгаз», располагались вокруг небольшого асфальтированного пятачка, громко именуемого площадью Свободы. От театра до нее был ровно один квартал.

Через полчаса блуждания по разномастным кабинетам личность газовщика, обслуживающего дом, в котором жила Антония, она установила совершенно точно — некто Кузьмин. Мало того, ей сообщили, что вот-вот данный товарищ должен появиться в конторе, чтобы забрать какие-то ценные трубы и ключи.

Было без четверти двенадцать.

Удивительно, но Кузьмин действительно появился буквально через десять минут. На этом положительные моменты кончились. Потому что «оператор по контролю за оборудованием», как он значился в штатах управления, мало того, что был нетрезв, так вообще напрочь отрицал, что когда-либо посещал квартиру Антонии. На этом моменте он уперся как баран и только головой мотал. Ника, однако, заметила, что при этом он еще и старательно отводил глаза.

Выход оставался один, и девушка, ухватив упрямого газовщика за локоть, затащила его в укромный уголок на лестничной площадке и взяла быка за рога:

— Сотню на опохмел хочешь?

— Хочу. — Кузьмин моментально оживился и сфокусировал блудливый взгляд на извлеченной Никой купюре.

— Тогда быстро говори, кто вместо тебя туда ходил? Ну? Бабушка сказала, что удостоверение у того типа имелось!

Газовщик издал совсем уж душераздирающий вздох и кивнул.

— Ходил. Один такой… — Шевеление пальцами должно было означать некую характеристику, правда, непонятно какую. — Короче, не знаю я, кто он, первый раз видел, и, надеюсь, последний.

— Рассказывай все, как было.

— Ну, нашел он меня на участке, предложил за бутылку дать ему на часок удостоверение — дескать, хочет у одного хмыря свою жену застукать. Тот его не знает, а без удостоверения в квартиру не впустит. — Кузьмин скривился. — Я уже после сообразил, что он чушь порет — какой мужик вообще в такой ситуации пойдет дверь открывать? Ну, и решил подстраховаться.

— И?

— Что и? Пошел потихоньку за ним, посмотрел, в какой дом он вошел, и все ли тихо будет. Ничего, обошлось, шума никто не поднимал. А потом он мне корочки отдал и — гуд бай.

Кажется, первый реальный след наметился… Ника с воодушевлением принялась расспрашивать Кузьмина о том, как выглядел и откуда взялся неизвестный, и выяснила, что тот был средней комплекции, среднего роста, с рыжей лохматой шевелюрой и рыжими же усами. А взялся… да черт его знает — в дверь вошел.

Стоп! Насчет рыжей масти Антония и Орландо ничего не говорили…

Отдав алчному газовщику сторублевку и проводив взглядом его рванувшую прочь фигуру, она достала мобильник и позвонила старой актрисе.

Точно — газовщик был без усов и никакой не рыжелохматый. Наоборот, лысоватый шатен лет пятидесяти. Это что же получается?

Ника вышла на улицу и остановилась в задумчивости. Странная мимикрия псевдогазовщика ассоциировалась у нее с чем-то до боли знакомым и близким.

Было жарко и ужасно хотелось пить. Заметив на углу цистерну с квасом, она подошла и заплатила смешную сумму в два рубля за пластиковый стаканчик желтого пенистого напитка. Квас был холодным и неожиданно вкусным — лучше любой импортной газировки.

Взгляд бездумно скользил по фасадам двухэтажных домов, построенных явно лет сто пятьдесят, а то и больше, назад, по не слишком ухоженному газону и старым липам. Прохожих было мало — большей частью дети или пенсионеры. Прогромыхала груженая досками «Газель», проехал мужик на велосипеде… Выкинув стаканчик в предназначенный для этого картонный ящик, Ника решительно направилась обратно к театру. Потому что рыжий парик, усы и способность практически мгновенно превратиться из волосатого рыжего в лысоватого шатена могли происходить именно оттуда.

Плюс страсть ведущей актрисы к драгоценностям.

Как и в любом театре, вход для артистов и администрации охранялся бдительной дамой пенсионного возраста, читающей детектив. Услышав, что открылась дверь, дама подняла взор от книги и спросила:

— Вы к кому?

— Здравствуйте. — Ника скорчила озабоченную мину: — Я из областной газеты. Хотела бы взять интервью у актрисы Анны Свидерко. Она сейчас в театре?

Вахтерша вздрогнула и, потупившись, тихо пробормотала:

— Нет ее. Нет, и сегодня вряд ли будет.

— Заболела?

Дама как-то неуверенно и неопределенно пожала плечами. И тут из глубины здания послышался истошный вопль, а вслед за ним истерические рыдания.

— Идите, идите, — засуетилась вахтерша. — Свидерко нет и не будет.

Вопль повторился и перешел в визг. В него вклинился мужской голос, вещавший нечто успокаивающе, но истерика не стихала.

— Что там происходит? — удивилась Ника.

— Репетируют, — неуверенно сообщила дама. — Дневная репетиция идет.

Но Веронику Романовскую, которая проработала в театре не один, а целых четыре года, такая интерпретация происходящего не устроила. Визжали явно не на сцене и не в репетиционном зале, а где-то совсем рядом.

— А-а… а главный режиссер сейчас на месте? Раз Свидерко нет, я возьму интервью у него. Что, зря я сюда тащилась? — пошла напролом Ника.

— Леопольд Бориславович у себя, — неохотно созналась вахтерша. — Только, может, не стоит?..

— Стоит, стоит… — Ника уже проникла сквозь турникет и решительно внедрилась в длинный скудно освещенный коридор. Крики внезапно стихли, и воцарилась какая-то нехорошая тишина, в которой стало слышно, как за ближайшей приоткрытой дверью о чем-то спорят. Девушка прислушалась.

— Надо везти ее в больницу, — бубнил глухой бас. — Врачи разберутся.

— В психиатрию? — нерешительно спросил тенорок.

— Почему сразу в психиатрию? А впрочем… Куда угодно везите, а то театр в дурдом превратили. Невыносимо!

Ника взглянула на табличку «Директор театра Коломийцев Юрий Евгеньевич». Ага, директор подойдет…

Но постучать она не успела — внезапно распахнулась другая дверь, и из нее спиной вперед вылетел какой-то старикашка. Врезавшись в стену, он помотал головой и ринулся обратно.

— Сволочь! — опять взвизгнула женщина, и послышался звук оплеухи. Ничего себе, нравы у них тут…

За директорской дверью притихли, а визг сменился рыданиями.

Все это начинало напоминать какую-то современную постановку, переполненную бестолковой экспрессией. Может, и правда — репетируют? Нерешительно потоптавшись, девушка двинулась вперед — вряд ли этот Коломийцев расположен сейчас с кем-то общаться.

Вдруг старикашка снова высочил из комнаты и умчался по коридору, что-то бормоча себе под нос и причитая. Ника не решилась его окликнуть.

Она на цыпочках подошла к приоткрытой двери и заглянула в нее. Это была артистическая уборная с туалетным столиком, освещаемым двумя яркими галогеновыми лампами. Напротив него на желто-зеленом велюровом диване полулежала особа довольно странного вида. Тощее старушечье тельце было облачено в прозрачную кофточку и короткие, чуть ниже колен, расклешенные брючки, отделанные крупными стразами. Волосы старушки, выкрашенные красно-белыми перьями, стояли дыбом. Посреди комнаты на паласе валялась босоножка на огромной платформе, а вторая почему-то стояла на туалетном столике среди открытых коробок с гримом и пудрениц.

Внезапно экзальтированная старуха открыла густо накрашенные глаза и злобно уставилась на Нику так, что она вздрогнула.

— Ты кто? — проскрежетала лежащая. — А ну, вали отсюда!

— Я журналист, — нахально проговорила Ника. — Ищу Анну Свидерко. Вы ее не видели?

В ответ на этот невинный вопрос раздался такой дикий нечеловеческий хохот, что незваная гостья предпочла ретироваться. Тетка точно рехнулась. Однозначно.

Отдышавшись в коридоре, Ника оглянулась и прочитала на двери табличку «Свидерко Анна Евгеньевна». Вон оно как. И кто эта безумная фурия на диване? Ведь Коровин говорил, что Анна — примадонна и любовница этого… Ступина. А заходящаяся за дверью в истерике особа годилась разве что на роль возлюбленной его дедушки.

В этот момент из-за угла вывернул старик со стаканом воды. Интересно, он собрался даму на диване поливать или поить? Водопроводной водой? Хотя в Репьевске она, наверняка, не столь опасна для жизни, как в Москве.

— Вы что тут делаете? — сердито сверкнул глазками дедок. — Вы новая костюмерша?

— Да, — поспешно закивала головой Ника. — Ищу Свидерко, чтобы снять размеры. А ее нет.

— Она есть. — Старичок притормозил и кивнул на дверь, за которой только что побывала девушка. — Но она не в форме. Приходите позже.

С этими словами он впрыгнул в уборную, а Ника с открытым ртом осталась в коридоре. Потом достала мобильник и, покосившись на дверь, отправилась туда, откуда прискакал резвый старичок. За углом она без труда отыскала пустой туалет и позвонила Коровину. Тот удивился, но охотно описал Свидерко — худенькая, сероглазая, лет тридцати, но выглядит моложе. Моложе?!

Ника дала отбой и задумалась. Может быть, это была другая Свидерко? Мама Анны или даже бабушка? Как бы это выяснить поделикатнее?

Выйдя из туалета, она двинулась по петляющему коридору. Откуда-то доносились музыка и топот, но людей не было видно. Наконец из-за одной двери послышался громкий голос — он на разные лады охал, затем патетически произносил: «Я вовсе не та, кем вы меня считаете!» Похоже, кто-то разучивал роль.

Ника осторожно постучала, и голос смолк. Потом послышалась:

— Кто там, входите — не заперто!

В заваленной какими-то тряпками крохотной комнатушке сидела перед зеркалом дородная дама в неглиже. Увидев Нику, она округлила глаза и задала стандартный вопрос:

— Вы кто?

— Я… Я — журналистка, хотела взять интервью у вашей ведущей актрисы Анны Свид...

— А что, эта курица уже в примадонны записалась?! — подпрыгнула дама так, что ее пышный бюст возмущенно заколыхался. — Или это Ступин вам материальчик заказал? Считают, что все купить можно! А сами-то… — Внезапно толстуха смолкла, и выражение ее лица стало ликующим. — А вы сегодня ее видели? — почему-то шепотом спросила она. — С утра-то козой прыгала, прямо девочка, а потом вдруг скукожилась вся. Я думаю, она каких-то таблеток для омоложения наелась! А химия — штука такая, неизвестно, какой эффект даст. Вот наша Анюточка и нарвалась!

— Как это — скукожилась? — удивленно спросила Ника.

— А так… — Дама свела губы в куриную гузку, должно быть, обозначающую скукоженность ненавистной коллеги по сцене, отчего ее лицо стало напоминать мордочку разжиревшей обезьянки. — И теперь они со своим Олежиком горланят на весь театр. Прямо не очаг культуры, а какая-то коммуналка!

— С Олежиком?

— Ага, со Ступиным своим, колбасным бароном. Вот…

Опять послышались вопли и визг, что-то с грохотом упало, зазвенело разбитое стекло.

— Ишь, буянит, психопатка, — закатила глаза толстуха. — Вот и напишите обо всем, что вы тут у нас увидели! Честно и правдиво!

— Да, обязательно… Скажите, а у вас тут нет такого шатена, невзрачного и слегка лысоватого?

— Да у нас таких невзрачных половина театра, — отмахнулась дама, с наслаждением прислушиваясь к происходящему в глубинах театра. — Во, дают!

Пятясь, Ника покинула комнату и тут же едва не попала под ноги резво мчащемуся куда-то юноше. Споткнувшись о неожиданно возникшее препятствие, юноша отскочил в сторону, и у него из рук посыпались картонные коробки.

— Вот дьявол! — воскликнул он. — Ты чего прыгаешь?

— А ты чего бегаешь? — огрызнулась Ника.

— Мне положено бегать, я тут на побегушках, — хмыкнул юнец. — Кто это там визжит, не знаешь?

— Вроде бы Свидерко… Ничего не разбилось? — Она подняла одну из коробок, оказавшуюся пустой.

— Анна на шее? Чего это она? А разбиваться нечему — для бутафории кубики. Всякую фигню для сцены мастрячить.

— Понятно. А кричит… я сама не знаю, почему. Наверное, случилось что-то.

— Пойду, посмотрю, что там. — Парень пнул ногой коробку и отправился на шум.

Поражаясь собственной бестолковости, Ника потащилась следом. Нет, она, конечно, привыкла к тому, что театр — место не всегда организованное и чинное, но то, что творилось здесь, превосходило все ранее виденное.

В гримуборной Свидерко толпились люди, часть из которых была облачена в белые халаты. Судя по всему, они уговаривали даму в штанишках со стразами поехать с ними, но та ни в какую не соглашалась. Сильно пахло чем-то медицинским, вроде бы даже эфиром.. У стены в коридоре напротив распахнутой двери стоял вальяжный с виду мужчина. Выражение его лица было мученическим.

Из комнаты вывалился высокий худой дядька в халате:

— И что нам с ней делать? Увозить принудительно? Но мы же не из психиатрии, мы только «Скорая помощь». А так у нее с виду все в порядке, только очень возбуждена.

— В порядке? — замахал руками вальяжный. — А то, что на утреннюю репетицию она пришла свеженькая, словно бутончик, просто девушка юная, а через пару часов в старую каргу превратилась, это — в порядке?!

— Э-э-э… — протянул врач. — В каком смысле? Загримировалась?

— Это грим?! — неожиданным фальцетом взвизгнул вальяжный. — Это не грим! Она превратилась в старуху буквально на глазах у двух партнеров и режиссера. А сейчас… — он перешел на свистящий шепот, — сей-

час появился еще какой-то хрыч, который говорит, что он не кто иной, как Олег Евгеньевич Ступин. Ступин! А Ступину ведь лет тридцать пять, ну, сорок, максимум! А этому деду не меньше семидесяти.

— Так прогоните его! — предложил врач.

— А вдруг это и есть Ступин? Ведь Анна-то… Вся надежда только на медицину!

— Но медицина в данном случае бессильна. Мы не можем уговорить госпожу Свидерко даже в больницу отправиться, чтобы пройти обследование! Вы от нас слишком многого хотите.

— Попробую еще раз, — простонал вальяжный, и тут его взгляд упал на Нику. В глазах буквально высветились два огромных вопросительных знака: — А вы, собственно, кто такая?

— Я… — начала, было, Ника, но тут, словно кузнечик из травы, из-за его плеча вынырнула вахтерша и проблеяла:

— Журналистка это.

— Журналистка! — Вальяжный выпучил глаза и схватился за сердце. — Только журналистов нам тут не хватало! Уважаемая, давайте вы как-нибудь в другой раз придете! У нас тут, видите, с актрисой плохо, сердце прихватило. Так что не до прессы…

Нике и самой было не с руки оставаться — мало ли кому придет в голову попросить предъявить ее журналистское удостоверение, или что они там носят? Так что лучше на неприятности не нарываться. Тем более что вряд ли она узнает что-то новое, а слушать истерические рыдания и крики ей уже поднадоело.

Выйдя из театра, Ника, за неимением скамеек, устроилась около служебного входа на поперечине щербатого штакетника и закурила. Делала она это нечасто и обычно под влиянием сильных эмоций.

Спустя несколько минут из дверей появилась процессия — две женщины в белых халатах вели под руки древнюю старуху все в той же прозрачной кофточке. Она еле ковыляла, переставляя худые ноги, обутые в сабо, разноцветные волосики на голове изрядно поникли. Следом за ней семенил старик и, размахивая руками, что-то объяснял худому в белом халате. Все быстро погрузились в две машины — «Скорую помощь» и зеленый джип-«субару» — и отбыли.

— Наконец-то свалили, — подошел тот самый парень, который носился с коробками, и достал из кармана сигареты. — Бр-р… Ну, и бабка-ежка из Анны получилась. Интересно, это чего же она наглоталась, что ее так скрутило? Если бы сам не видел — не поверил бы.

— Наверное, что-то гормональное, — пожала плечами Ника. — Сейчас какой только дрянью не торгуют. Но, конечно, выглядела она не очень.

— И вообще, чертовщина у нас какая-то творится… С утра младенца подкинули, днем вот это.

— Какого младенца? — удивилась Ника. — В театр, что ли, подкинули?

— Ага, — кивнул парень. — Меня, кстати, Сашкой зовут.

— А я — Ника. Так что за младенец?

— Представляешь, прихожу на работу, как всегда к десяти… Ну, не совсем, скорее, к половине одиннадцатого. Захожу в мастерскую. Нам с Петровичем надо реквизит для «Белоснежки» быстрей поросячьего визга делать — премьера через полмесяца. А там — ребенок в углу на тряпках лежит. Голый, в одной мужской майке. Хорошо хоть не на бетонный пол положили. Я — к Коломийцеву, тот велел завхозу ребенка в полицию отнести. Там Петровича рубашка валялась, в нее и завернули. А потом с Анной началось. Дурдом какой-то!

— И большой ребенок?

— Да откуда мне-то знать, я в младенцах не разбираюсь. Коломийцев с Марией Степановной сказали — полгода примерно. Не ходит еще. — Сашка швырнул окурок в урну и нервно дернул плечом: — Пойду я. А то шеф мой, похоже, опять в штопор ушел, так что реквизит самому колотить придется.

— В каком смысле — в штопор?

— В том самом. Мастер-то он на все руки, но пару раз в квартал уходит в запой на неделю. Потом выходит — и снова работает.

— Знакомо, — кивнула Ника. О том, что у них в театре точно такой же стиль жизни сразу у троих реквизиторов, она предпочла умолчать.

— Но самое странное вот что… — Парень задумчиво уставился на пыльный куст. — Майка на младенце тоже Петровича была. Я ее сразу узнал — шеф ее на прошлой неделе краской испачкал. И как же ребенка через нашу вахту пронесли? Мария Степановна сразу бы шум подняла, а она ничего такого не видела…

Ника пыталась сообразить, имеет ли отношение то, что произошло в театре, к пропавшей «Капле огня». И если имеет — какое. Собственно, никакой связи она обнаружить не смогла, кроме одного — Анна Свидерко, любительница антикварных камней, странно видоизменилась и состарилась. Ну и что? И было еще что-то, связанное с театром…

— Слушай, а ты не знаешь такого — Прибыткова Максима Кузьмича?

— Макса? — удивился Сашка. — Часовщика, который одно время за Свидерко ухлестывал? Так в Репьеве его каждая собака знает. А зачем он тебе?

— Ну вот, так я тебе все профессиональные секреты и выложи. Надо. Раз уж со Свидерко облом вышел. Так могу я его найти?

— Живет он в доме, где центральный гастроном, тут рядом, за углом. Но сейчас он на работе — в своей мастерской. Напротив мэрии Дом быта, вот там на втором этаже он и окопался. Наверное, с обеда уже пришел.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарила парня Ника.

— Да не за что. Пойду я… а то коробки растащат, — вздохнул Сашка.

— Ну, давай. До встречи.

— Мы увидимся? — с некоторой надеждой оглянулся он.

— Понятия не имею, — честно призналась Ника.

С рынка Орландо вернулся в глубокой задумчивости.

— Прекрасная донна, — обратился он к дремлющей в кресле Антонии. Старуха открыла глаза. — Меня беспокоит некоторая абсурдность ситуации…

— Думаешь, меня она не беспокоит? — Антония с чувством потянулась и встала. С колен сползла недочитанная газета. Дремавший на бюро попугай немедленно вытащил голову из-под крыла и с интересом посмотрел на банку пива в руках карлика. Вернее, не на саму банку, а на колечко, которое всегда получал в качестве игрушки.

— Кстати, присмотрелся я к этим южанам. Очень они мне не нравятся — рожи хитрые, глаза бегают. А когда я одного Осирисом назвал, он аж подпрыгнул.

— Тебе бы в контрразведке служить, — отмахнулась старуха. — Только пустое все это. Даже если они и жрецы-храмовники, даже если решились соединить «Каплю пламени» с «Каплей льда», все равно — кража не их рук дело.

— Почему вы так решили, леди? — насупился карлик.

— Потому что тогда они бы отсюда сразу усвистали, — хмыкнула Антония. — Или ты думаешь, что они решили до скончания века на репьевском рынке курагой торговать?

— Ну, хорошо. Даже если я неправ, и эти остроглазые парни ни при чем, все равно — Миллер уехал в Италию, откуда прислал нам телеграмму, а камень исчез в России. Как это понимать?

— А так и понимай — или он узнал об исчезновении камня и хочет обозначить свою непричастность…

— Или наоборот?

— Или он вообще не в курсе произошедшего, а телеграмма — обычная бравада. Вот, дескать, посмотрите — жив я, курилка, по Венециям разъезжаю.

Карлик почесал нос и уселся на диван. Пухлые подушки под его весом слегка просели, но короткие ножки все равно не доставали до пола.

— Примадонна, вот скажите мне, почему два таких древних ордена, от которых и осталось-то всего ничего, не могут объединиться? Активной деятельности оба давно не ведут, чахнут помаленьку, но шаг навстречу ни один сделать не желает. Почему?

— Традиционная неуступчивость, — пожала плечами старуха. Она подошла к шкафу и выбрала книгу — не толстый старый фолиант, а современный глянцевый томик пестрой окраски. — Плюс инертность. Мы все стали ленивы и неповоротливы. Давно нет притока свежей крови, давно все идет, как шло, без изменений. Всем удобно, и ничего делать не нужно. Только раз в пять циклов собраться для совершения ритуала, и все.

— Это печально, — вздохнул Орландо.

— А объединиться… Магистр категорически возражает. Есть «Капля огня», есть «Капля льда», и они веками не сближались. Теперь уже никто толком и не знает, что будет, когда это произойдет. И только юные авантюристы могут рискнуть и нарушить запреты старейшин.

В комнате воцарилась тишина, разбавляемая лишь тиканьем часов и писком дерущихся воробьев, доносящимся сквозь приоткрытое окно.

Ника вернулась на площадь и отыскала двухэтажное строение с давно проржавевшей когда-то неоновой вывеской «Дом быта». Внутри гнездилось не менее десятка магазинчиков и куча самых разнообразных фирм и фирмочек, начиная с фотоателье и туристического бюро и заканчивая конторой, принимавшей заказы на истребление тараканов. Поплутав в узких проходах, она отыскала лестницу и поднялась на второй этаж. Тут было просторнее, и часовую мастерскую она нашла практически сразу. Но, увы, в стеклянном окошке маячила картонка «Закрыто».

— Вы заказ пришли получать? — высунулась из соседнего окошка с надписью «Целебные таежные бальзамы» пожилая женщина. — Сейчас выдам. Макс отошел, но мне оставил ключи.

— Нет, мне нужен сам Прибытков, — покачала Ника головой. — А он не сказал, когда вернется?

— Сказал, в три часа точно будет. У него бабушка заболела, к ней и пошел.

— Спасибо, тогда я после обеда зайду.

— Может, передать ему чего? — явно скучающая со своими бальзамами дама наполовину высунулась из отсека.

— Нет-нет, не надо.

Ника поспешно спустилась вниз. С часовщиком ясно, он никуда не денется. Ну, не топать же ей обратно к театру, чтобы отыскать гастроном и квартиру, в которой проживает Макс. Да и не факт, что его заболевшая бабушка не обитает где-то в другом месте.

До трех оставалось еще достаточно времени, чтобы поговорить с мемуаристкой Джеммой, тем более что ее телефон имелся в наличии.

После третьего гудка трубку сняли.

— Джемму? — отозвался мяукающий голосок. — Джемму… Я слушаю. Встретиться? Зачем? Ах, Антония Илларионовна просила? Да-да, я с удовольствием. Приходите завтра, а еще лучше — на следующей неделе.

— Мы должны встретиться сейчас, — твердо заявила Ника. — Куда мне подойти?

— Ко мне на работу, — нехотя мяукнула трубка. — Жду.

И отключилась.

Пришлось звонить еще раз, чтобы выяснить, где эта Джемма изволит работать.

— В редакции, первый этаж, комната двадцать три, — ответила она и снова мгновенно отключилась.

— Где тут у вас редакция? — спросила Ника у девушки, торговавшей квасом.

— Около театра, — меланхолично ответила та, подсчитывая монетки в жестяной банке. — Желтый дом.

Глубоко вздохнув, Ника отправилась обратно к театру. Дом желтого цвета она нашла без труда но, войдя внутрь, немедленно потеряла ориентацию в темных коридорах. Похоже, у нее пространственный кретинизм в запущенной форме, хотя раньше ничего такого не замечалось. Наконец какой-то сердобольный толстяк довел ее до двадцать третьей комнаты, дверь которой оказалась заперта.

Подавив желание при первой же возможности придушить создание по имени Джемма, Ника запомнила расположение комнаты и отправилась искать место для курения. Ориентиром послужила консервная банка, набитая окурками. В закутке, кроме банки, оказалась субтильная девушка в зеленом шифоновом платье, похожая на богомола — сходство усугубляли крошечная голова и длинные руки. Ника поздоровалась. Девушка моргнула глазками, поджала тонкие губы, но промолчала. Потом нервно кинула в банку сложенную чуть ли не гармошкой «беломорину» и удалилась.

В очередной раз подивившись нестандартному поведению местных жителей, Вероника докурила и почти без всякой надежды отправилась к двадцать третьей комнате. К ее удивлению, на этот раз дверь оказалась распахнутой настежь, а за ней в крошечном кабинете сидела все та же девушка-богомол и что-то быстро строчила от руки на стопке листов бумаги.

— Здравствуйте еще раз, вы — Джемма? — взяла Ника быка за рога.

— Здрасти, — отчего-то перепугалась девушка и судорожно сжала в крошечных лапках шариковую ручку, словно это был чудотворный крест, которым можно было отогнать нечистую силу. — Я — Джемма. А вы от Антонии?

— Да. — Ника протиснулась в кабинет, уселась без приглашения на стул и только тут поняла, что понятия не имеет, как ей разговаривать с этим чудом природы.

— А… что, она недовольна моими записями? — Джемма заерзала на стуле, и стало вдруг понятно, что она пребывает в жутком волнении. И связано это волнение с Антонией. Выглядело это достаточно подозрительно.

— Скажите, Джемма, — вкрадчиво начала Ника, — чья это была идея — писать мемуары?

— Я не помню. — Джемма скукожилась на стуле и отвела глаза. — Мы договорились — я выполняю литературную обработку и получаю за это гонорар. А что?

— Антония собирается издавать воспоминания?

— Я не знаю, мое дело — записать, остальное… А что?

— Да нет, пока ничего. — Ника многозначительно выделила это «пока», и хозяйка кабинета занервничала еще больше. — Просто со старыми людьми, наверное, работать сложно — у них склероз, маразм (прости меня, Антония!— мысленно извинилась Ника), они капризны и сами не знают, чего хотят.

— Разве? — удивилась Джемма. — Но госпожа Романовская совсем не такая, у нее отличная память.

— И что, когда вы приходите, она вот так по нескольку часов вам все и диктует? И не вздремнет?

— Вы о чем? Вздремнет? Ах, да, бывает. Но это простительно — человек она немолодой, это нестрашно.

— А когда она дремлет, вы ведь скучаете? — Ника вплотную придвинулась к столу, входя в роль проницательного сыщика. — Наверное, рассматриваете обстановку, книги в шкафу?

То, что произошло в следующий момент, было диким и нелепым. Джемма вдруг побледнела до синевы, потом заломила руки и тонким голосом запричитала:

— Отстаньте от меня немедленно! Я сейчас позвоню своему адвокату и дяде, он у меня бандит, он быстро приедет и разберется с вами!

Ника подскочила и быстро захлопнула дверь. Еще не хватало, чтобы на эти крики сбежались люди.

— Ну-ка, быстро говори, что ты взяла у Антонии! — потребовала она. — Иначе против твоего адвоката и дяди-бандита будет пара ментов с наручниками! Лучше признайся и верни похищенное, тогда ничего не будет.

Джемма посмотрела на нее с отчаянием и замотала головой:

— Нет, нет! Не могу! Это невозможно!

— Почему? — искренне удивилась Ника. — Неужели ты уже успела кому-то это сплавить?

— Нет! Нет! — Еще немного, и девица, похоже, начнет биться головой об стол.

— А ну, тихо! — рявкнула Вероника. Потом подскочила к подоконнику, на котором среди горшочков с чахлыми геранями и кактусами возвышалась пластиковая бутылка с мутноватой водой. Поискала какую-нибудь чашку, но не нашла, и сунула бутылку Джемме: — На, выпей и успокойся!

— Не буду! — взвизгнула Джемма, глядя на бутылку с таким ужасом, словно Ника предлагала ей выпить серной кислоты. — Отстань!

— Ну, как хочешь. А теперь признавайся быстро, куда дела то, что взяла у Антонии!

— Съела! — выдохнула девица и сжалась в комочек.

— Чего-о? — изумилась Ника. Потом опять обошла стол и уселась на прежнее место. — Съела рубин в золотой оправе?

— Какой рубин? Какая оправа? Я конфеты съела! Орешки в шоколаде…

— А камень?

— Какой камень?.. Орешки и еще эти… мармеладки.

Губы девушки искривились, из глаз покатились слезы, и она принялась громко рыдать. Никакие попытки уговорить ее успокоиться не действовали. Она буквально заходилась в истерике и отчаянно отбивалась от бутылки, не желая из нее пить. В конце концов, потеряв терпение, Ника набрала немного воды в ладонь и плеснула Джемме на макушку. Та взвилась чуть ли не до потолка:

— С ума сошла?!! Сдурела?!! — Выхватив из ящика стола бумажные салфетки, девица принялась судорожно вытирать голову. — Там удобрения растворены! Хочешь, чтобы я облысела?!

— Ничего, не облысеешь, — подумав, фыркнула Ника. — Наоборот, волосы лучше расти будут.

— От куриного помета?

— От него тоже. И уж точно от помета не облезешь.

Кое-как промокнув прическу и хлюпая носом, Джемма буркнула:

— Что еще тебе от меня надо? Я все сказала.

— Нет, не все, милая. — Ника снова уселась на стул и повела носом. Да, теперь стало понятно, почему девушка категорически не хотела пить водичку — пахло не слишком приятно. — Значит, мы выяснили, что ты, пока Антония дремала, таскала у нее из шкафа конфеты.

— Почему из шкафа? — шмыгнула носом Джемма. — Со стола. Из коробок.

— Как, из коробок? — в очередной раз поразилась Ника. — То есть конфеты и мармелад были на столе в качестве угощения?

— Угу…

— Так почему же ты их просто так не ела?! Их же для тебя ставили.

— Неудобно как-то… Дорогие конфеты. Одну возьму и все… А я сладкое очень люблю.

— И ты, скромница, дожидалась, пока Антония глаза закроет, и сразу принималась шоколадом рот набивать?

Джемма, потупившись, кивнула. Ника начала приходить в себя. Нет, людей, страдающих тайными пороками, она встречала и до этого, но не таких же…

— Е-мое… и из-за этой ерунды ты тут такой цирк устроила и адвокатом с каким-то дядей-бандитом грозила?

— Там еще одна коробка была… Деревянная.

— Где? — напряглась Ника. — В шкафу?

— Говорю, в шкаф я не лазила, — твердо заявила Джемма. — На другом столике она стояла. С папиросами.

— Слушай, — рассердилась Ника. — Из тебя все клещами надо тянуть? Говори сразу — что и где брала, а то у меня времени в обрез.

— А больше ничего — только конфеты, мармелад, папиросы и…

— И что?

— З-зажигалку. Но ее я, честное слово, случайно прихватила! Могу отдать! — Джемма сорвала со спинки стула мышиного цвета ридикюль и принялась в нем копаться.

— Не надо, — отмахнулась Вероника. — Значит, ты в шкаф вообще ни разу не заглядывала?

— Нет. А зачем? Вот, нашла. — Она швырнула на стол пластиковую зажигалку и замерла, опасливо косясь на нее, словно на кусачую зверушку.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Ника встала и бросилась вон из пахнущего куриным пометом кабинета. От этого тягостного общения была одна польза — теперь она уверилась, что Джемма рубин не брала. Она просто сладкоежка и мелкая клептоманка, не более того. ❑

Окончание следует.

Наталия Солдатова

ТАНГО в купе

Глава 13

На суд!

Так уж получилось, что на следующее утро мне пришлось бросить все розыскные мероприятия и срочно прибыть в издательство, куда приехали иностранцы с одной-единственной целью — познакомиться со мной, издать у себя мои книги. Надо ли говорить, что я летела как на крыльях! Потому что была уверена — за рубежом авторов все-таки ценят и платят вполне приличный гонорар. Я приехала раньше, чем прибыли зарубежные гости, и потому мне выпала миссия утешать безутешную Олю, издательского корректора, которая собиралась… на суд. И уже вызвала для этого такси.

— Я так боюсь… Мне страшно, — всхлипывала она. — Хотя адвокат говорит, что все сделает сам… Но мне стыдно… И все-таки я подала, подала этот иск! Ведь я правильно сделала, да? Нет, не отвечай. Я знаю, что правильно. Мы столько пережили… Мы голодали… Мама состарилась раньше времени … А мой братишка стал психически больным, потому что все время ждал папу. Ему сказали — уехал. А он выходил на автобусную остановку и ждал, когда папа приедет. И в дождь, и в снег выходил. Сплошные слезы…

Окончание. Начало в №6, 2014

Я поняла, что за одну-две минуты до прихода иностранцев не сумею разобраться в этой глубинной трагедии. Да меня никто об этом и не просил. Но стоило мне так подумать, как просьба прозвучала!

— Вот если бы ты, Наталья, могла поехать со мной… Я бы уж точно держалась достойно! Потому что от тебя всегда исходит такая уверенность… К тому же ты не раз рассказывала нам о себе. О своем детстве. И я поняла, что ваша семья пережила то же самое.

— Оля, я не знаю, кого будут судить и за что, но смогу помочь только в том случае, если ты дождешься, пока я освобожусь от наших иноземных гостей. Вот они, кстати, идут.

— А я позвоню адвокату. Может, удастся отложить слушания хотя бы на час. Я две минуты тебе поплакалась и уже уверена, что у меня все получится. О, одни «пенсики» идут, ты с ними быстро разберешься. Наши еще спорили — покупать для встречи шампанское или нет, а этим — только соки, а то копыта отбросят.

— Тише! Услышат же! Звони лучше своему адвокату.

Трое посланцев иностранного литературного бизнеса — двое мужчин и одна дама — действительно обладали почтенным возрастом, но меня предупредили, что они очень влиятельны в своих кругах. Мужчины галантно поцеловали руки мне и молоденькой редакторше и заговорили по-немецки. Редакторша недоуменно посмотрела на меня:

— Они что, без переводчика?

— Не волнуйтесь. Я переведу.

Все знали, что я хорошо разговариваю по-немецки. Гости четко высказали свое главное предложение — издать у себя серию моих женских авантюрных романов. И заплатить мне… господи, я не ослышалась? Пришлось переспросить — они действительно имеют в виду не десятки, а сотни тысяч долларов? Гости с улыбкой закивали — да,

да, сотни. Оставалось вписать названия всех моих произведений и оформить согласие на их перевод. Иностранцы посмотрели на часы и удивленно переглянулись — как быстро они все оформили, как много времени у них осталось для прогулок по Москве и прочих развлечений. На всякий случай мы обменялись номерами телефонов, и я быстро отбыла восвояси.

Оля отважно ждала меня, стоя рядом с такси. Мы поехали в сторону области, до нарсуда, как она мне объявила. Тут-то, наконец, я и узнала суть дела.

— Понимаешь, когда отец оставил нас — маму и моего маленького братишку, мы жили впроголодь. У мамы не было профессии, потому что, когда они поженились, то решили, что учиться в вузе будут по очереди, заочно. Первым выучился отец, но к тому времени уже появилась я, и мама решила подождать с учебой годик-другой. Неправильно, конечно. Потом и братишка родился. А отец нас бросил, завел другую семью. К тому времени он уже хорошо зарабатывал, но нам не помогал, и маме пришлось подавать на алименты.

Я слушала и удивлялась — при чем же здесь суд? Судить наших отцов должна была их совесть. Но, видимо, эта дама все время от них где-то пряталась. Либо они от нее.

— Моя мама стала сердечницей. Она умерла именно от всех этих переживаний. Знаешь, я однажды видела отца издали — он вышел из шикарной машины, в красивой кожаной куртке, модных джинсах, открыл дверцу с другой стороны и вывел свою жену. Даже не помню, что на ней было надето, но она вся сияла от бриллиантов! А у моей мамы и колечка приличного не было. Вот поэтому я и подала в суд! — Последнее предложение она выкрикнула так, что таксист остановился и спросил, не надо ли даме помочь. — Нет! Теперь я сама себе помогу! И своему брату — тоже!

Я поняла, что скоро мы подъедем к этому самому нарсуду, но суть самого судебного процесса мне так и не была ясна.

— Да ты что, не понимаешь? Он в роскоши купался, а мама умерла в бедности! Его новая семья про нас ничего не знала и знать не хотела! Вот сейчас и узнают! Он умер, понимаешь? И я подала на его наследство! Ну, ведь осталось же после него наследство. И немалое. Машины — их несколько, как и гаражей, две квартиры московские, дача шикарная. Пришла пора буржуям поделиться! Жаль, братец мой не захотел в это ввязываться, руки марать. Да и стыдно, говорит. Стыдно, да! А им не стыдно? Сами бы взяли и предложили! Так нет! Я, Наташ, недавно на одном сайте вступила в переписку со своим сводным братцем, так он меня сразу занес в какой-то черный список — не суйся, мол. Сейчас я им покажу! Все, все в детдом отдам, но у них отберу! Чтобы знали, что мы живые и кое-что помним!

Возле нарсуда к нам сразу подошел Олин адвокат. Он отвел ее в сторонку, держа в руках папку, набитую документами, и стал говорить о том, что произвел необходимые подсчеты… Вскоре Оля вернулась ко мне и сообщила, что путем сложных описей и математических манипуляций вырисовывается неплохая сумма — десять миллионов рублей. Именно она и названа в исковом заявлении. Однако адвокат считает, что не лишним будет вклиниться и в авторские права наследодателя — он имел несколько запатентованных изобретений.

На пороге нарсуда показалась девушка и помахала адвокату.

— Нас вызывают. Ну, вперед! С Богом!

— С Богом! — подхватила я и зашагала за ними.

Вторая жена Олиного отца на суд не пришла. Присутствовали его сын и дочь. Я видела, с каким волнением Оля вглядывалась в их лица. Сводный братец был на нее очень похож. Он, видимо, тоже это заметил и выглядел смущенным. Девица же, сводная сестра, держалась независимо, гордо, поджимала губки и смотрела свысока. Она была совсем не похожа ни на своего брата, ни на Олю. Процесс шел спокойно, буднично, адвокат говорил очень толково, и все его подсчеты оказались верными и логичными. Потом я не могла уследить за ступеньками, по которым законодательство подбиралось к сумме, предназначенной Оле — одна четвертая доли, одна восьмая доли…

Адвокат о чем-то пошептался с Олей и выпалил невероятную цифру морального ущерба — сохранились справки о болезни Олиного братишки из-за нервного срыва, документ о несвоевременной выплате алиментов и некоторые другие подтверждения наплевательского отношения Олиного отца к своей первой семье. Оля была похожа на натянутую струнку, и вся дрожала. Судья удалился для вынесения решения.

— Обокрасть нас захотела, хапужка? А не подавишься добром-то нашим? — прошипела Оле сводная сестра.

— Не подавлюсь. Все в детдом отдам, мне этих денег не надо! Но у вас отниму! Чтобы вы поняли — мы живы с братом, мы существуем!

— Вот и существуйте! И нечего в чужой карман лезть!

— Заткнись, сестрица! Ты мне несимпатична и неинтересна. Думаю, ты — не моего отца дочь. Ничего общего.

— Ты на что это намекаешь, бедная родственница с голым задом? А?

Вышел судья и стал зачитывать решение. С каждым его предложением адвокат улыбался все шире. Последние слова судьи были встречены аплодисментами. Ему хлопали, как ведущему артисту на сцене, потому что все сочли вердикт справедливым. Оля получила свои миллионы.

— Спасибо! Детдом будет доволен! — громко объявила она.

Мы вновь вызвали такси. Оля довезла меня прямо до Зои Алексеевны — мне было что ей рассказать. Я начала прямо с порога:

— Милая, дорогая мисс Марпл! Я пока не буду спрашивать, что нового в расследовании, потому что сначала мне нужно сказать вам нечто очень, очень важное! Помните, вы мне говорили, что, когда надели ваш парик и отправились в больницу под видом историка, который будет писать книгу о юбилее этого лечебного учреждения, Кира вам сказала, что слышала некую фразу про детдом…

— Ну да, слышала. Я прекрасно помню эти слова, потому что не разгадала их смысл. Что-то типа «В детдом отдам, но докажу, что я есть»! И полиции об этом говорила. Но никакой связи убийств с детдомом не установлено. К сожалению, у Киры не было возможности взглянуть, кто это говорил. Возможно, человек разговаривал сам с собой.

— А голос был женский?

— Да.

— Так вот, ликуйте. Возможно, благодаря тому, что я угрохала сейчас несколько часов — была на судебном процессе, — мы приблизимся к разгадке. Во время этого занимательного действия я несколько раз слышала одну и ту же фразу — все, все, мол, в детдом отдам, но чтобы знали, что мы есть! Существуем!

И я выложила Зое Алексеевне всю историю корректора Оли и ее семьи. Мы решили сообщить эти сведения Сержу, нашему представителю в полиции. Это было еще одним основанием для тщательного изучения личных дел всех работников, присутствовавших в хирургическом отделении во время трагедий. Мы понимали — любая зацепка потребует общения с людьми, хорошо знающими и подозреваемых, и их жертвы. Новеньких здесь всего двое. Было. Лина Георгиевна и Аля. Туда, откуда прибыла

докторша, уже решено обратиться. Возможно, станут изучать и прошлое Али. Более глубокое расследование потребует официальных бумаг. Зоя Алексеевна — работница частного детективного агентства, но ведь официально туда по поводу этих убийств никто не обращался.

И тут ее и меня посетили две гениальные мысли.

— А не попросить ли нам уважаемого Альберта Валентиновича Волшебника обратиться в детективное агентство с просьбой распутать этот криминальный клубок? — предложила я.

— А не собраться ли нам завтра вместе с Настей, чтобы создать такой коллективный мозг, который объединит все наши предположения, догадки, даже фантазии и создаст этакую пространственную ячейку… — перебила меня Зоя Алексеевна.

— Которая и окажется мышеловкой для преступника! Или преступников!

— Ах, Наталья, вы как-то все упрощаете… Тут нужен тонкий, я бы даже сказала, изящный подход… Ведь это — женское убийство. А пространственная ячейка… Это целая философия. Если все будем думать об одном, то в этой пространственной ячейке, собирающей наши мысли, начнут аккумулироваться и факты, неизвестные нам, но имеющие отношение к убийствам! Я сталкивалась с этим не однажды. Удивительно, правда?

— Расследование притягивает виновников преступления.

— Говоря вашим журналистским языком — да!

Глава 14

Женщина в белом?

Зоя Алексеевна собрала нас у себя на следующее утро. Мы решили действовать методом Ва-

лентины, облекавшей каждое расследуемое событие в рисунки и схемы. Как-то так получалось, что на бумаге все выглядело яснее и проще. Что мы имели? Травмированного Альберта Валентиновича с влюбленной в него Ниной. Кстати, Нину мы практически не знаем. Быть может, ее привело в эту больницу вовсе не большое чувство к Волшебнику? И вся ее история придумана от начала до конца? Но началась-то она еще до нападения на Альберта Валентиновича. А что, если Нина знала о готовящемся покушении, о возможной неудаче людей, готовых расправиться с Волшебником, и специально была послана заранее для знакомства с депутатом? Ее хозяева вполне могли предусмотреть такой вариант. Только Нина у нас получалась при этом этаким опытным шпионом. Между прочим, нападение на Альберта Валентиновича как-то отошло на второй план, никто о нем уже и не говорит. Пресс-служба полиции словно воды в рот набрала. Значит, никаких новостей. Интересно, что он сам думает по этому поводу? Надо спросить у его помощников, уж они-то все это держат под контролем.

Жизнь Аллы Юрьевны благодаря хозяйке детективной штаб-квартиры была перед нами как на ладони. И ее ноутбук, и роман без первых двадцати пяти страниц — кто-то сумел их благополучно унести — рассказали нам о ней, наверное, больше, чем это сделала бы она сама. А поскольку на поминках были только свои, соседи и работники больницы, то среди них и надо искать вора. Кража произошла, когда в квартире готовились к поминкам, сдвигали мебель, освобождая место для столов и стульев, одолженных у соседей. Взять из ящика стола рукопись не было никакой возможности. Но почему украдены именно эти страницы? Там что, были указания на убийцу? А возможно, что преступник вовсе не знал о содержании романа и схватил эти страницы на всякий случай, чтобы посмотреть, о чем идет речь. Логичнее было бы унести всю папку, но ее гораздо труднее спрятать, особенно женщине, если она — в облегающей фигуру одежде.

По ходу рассуждений мы старались выяснять все новые подробности. Позвонили сыну Аллы Юрьевны, спросили, кто в доме помогал готовиться к похоронам и поминкам. Оказалось, он доверил эти хлопоты соседям и кому-то из больницы — кажется, Альбине Георгиевне. Сам же с несколькими женщинами, вызвавшимися помочь делать покупки, мотался по магазинам. Когда вернулись, комната уже была почти готова к приему людей. Последние штрихи помогла сделать подошедшая медсестра Кира. Знал ли кто-то о романе, который писала Алла Юрьевна? Да, он об этом говорил, это слышали многие. И на поминках, и до поминок. Читал ли он роман с самого начала? Те страницы, которые исчезли?

— Да. Читал. Вернее, пробежал глазами. Знаете, как бывает, когда нет времени. Перескакиваешь с места на место. Особенного ничего не заметил.

Женщины в основном одинаково описывают свою первую любовь. Но у нее слог красивый, вы же видите. А что до имен, фамилий — там ничего не было. Так что непонятно, кому и зачем эти страницы понадобились. Правда, там есть один странный персонаж… этакий художественный вымысел, нереальное лицо. Так я понял.

— И что это за лицо?

— Женщина в белом, которая появляется у мамы в романе каждый раз, когда она думает о прошлом. Она как призрак. Мама ее описывает так, что жутковато становится.

— А почему вы решили, что это — нереальное лицо?

— Да потому, что так написано! Вот, мол, она опять рядом, а оглянулась — нет никого… Правда, один раз мама заметила, что эта женщина в белом кого-то ей напоминает…

— А как это понять — женщина в белом? Может, ваша мама имела в виду белый халат, в котором ходят врачи?

— Ну… я понял, что все-таки это призрак… Жаль, что не прочел более внимательно.

Мы как шахтеры вгрызались в пласт прошлой жизни Аллы Юрьевны. За что-то ведь ей отомстили! Но кроме уже раскрученной нами любовной истории, закончившейся так печально, мстить вроде больше было и не за что.

Эти компьютерные сестры, Жужа с Лигой, намекали, что Алла, узнав об их семье, не сразу отбыла восвояси, а сначала подарила их папочке надежду. Это расходится с ее воспоминаниями — не пошла на свидание, уволилась в один день и села в поезд…

— А ведь эту мысль можно проверить, — убежденно сказала Зоя Алексеевна. — Раньше человек, желающий развестись, обязан был опубликовать объявление в газете. Это было непременным условием развода. Только потом дело принималось в суде. Город нам известен. Время —

тоже. Месяца точно не знаем, жаль, но время года есть. Вот и надо связаться с городской газетой. Есть же у них архив. Пусть пороются.

Газетчики из того городка, где Алла Юрьевна работала в первом своем театре, откликнулись неожиданно быстро. Они позвонили и прочли нам маленькое объявление из старой газеты о том, что гражданин Г. Морозов извещает о расторжении брака с гражданкой… Честно говоря, я даже прослушала конец этого предложения, настолько оно меня поразило. А что, если именно после этого объявления и исчезла жена Морозова? Не дожидаясь позорного для себя действа?

— Экий скелет-то у Аллочки в шкафу… А я и не знала, — заметила Зоя Алексеевна.

Что ж, многое встает на свои места. На нашей схеме сужается место действия. Месть дочерей. Вернее, одной из них. Либо — воскресшей матери. Почему мы на этом-то не сконцентрируем должного внимания? И потом — зациклились на медперсонале. А больные?

В это время позвонил Серж и, узнав, что мы в данный момент представляем собой один коллективный разум, захотел к нам присоединиться, чтобы рассказать… о больных хирургического отделения, которых они проверили! Всех до одного!

Бедному Сержу не дали даже чаю попить. Зоя Алексеевна буквально налетела на него с вопросами — а как проверяли больных? Просто беседовали? Но тогда это мало что дает. Вот если бы узнать об их прошлом… Жаль, что это невозможно. Оказалось, что беседы с больными сводились к одному — кто что видел и слышал. И вот ведь интересно! Две женщины уверяли, что слышали, как отпирали дверь, ведущую на боковую лестницу. А прислушивались они не просто так, а с целью пойти в укромное место и покурить. Далеко ходить эти оперированные дамы не могли, а, поняв, что путь на лестницу открыт, и отправились друг за другом к заветной двери. Но поскольку шли они медленно, то дойти до цели им так и не удалось — с боковой лестницы вышла медсестра, заперла за собой дверь и отправилась в процедурную. Женщины ее просили — Аля, открой нам хоть на пять минут, покурим и сами запрем, как было. Да где там! Она на их просьбы даже не обернулась.

Аля, значит. Альбина Георгиевна. А ведь она уверяла, что не курит. Именно поэтому Лина Георгиевна уходила курить на улицу… И что же тогда нужно было Але на этой боковой лестнице? Чего она там забыла? Что, что связывало этих женщин — живых и убитых?

— Отчество! — вдруг выпалил Серж. — Убитую Лину и живую Алю связывает отчество. Одинаковое.

Мы призадумались. Конечно, отчество это не редкое, но и на каждом шагу тоже не встречается.

— Не ломайте голову. Завтра я еду в тот район, где работала Лина Георгиевна — искать там ее следы, — объявил нам Серж. — Думаю, вернусь быстро — это ведь Подмосковье.

— Очень хорошо. А мы с Алей поработаем.

— А что, полиция совсем отказалась рассматривать версию покушения на Волшебника?

— Да нет. Работают и в этом направлении, но как-то неохотно.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Зое Алексеевне сообщили, что Волшебник согласен обратиться в ее агентство с официальной просьбой о расследовании преступления в больнице, и завтра же по этому поводу будут подписаны все необходимые бумаги.

— Вот и прекрасно! У нас развяжутся руки. Пусть мои коллеги делают вид, что занимаются политикой — для Волшебника. Но мы-то с вами понимаем — там, где убиты женщины, и на месте преступления были одни женщины, не может быть никакой политики! — решительно заявила Зоя Алексеевна. — Уж поверьте мне. Я хоть раз ошибалась?

А ведь она и вправду ни разу не ошиблась. Так что… Наш коллективный разум, который никогда еще не знал поражений, обязательно выведет на свет убийцу…

Глава 15

Что делать?

Этот извечный русский вопрос Альберт Валентинович задавал себе уже в двадцатый раз. Да какое в двадцатый — в сотый! Сегодня его помощники принесут итоги генетической экспер-

тизы, о которой Нина ничего не знает. Им пообещали, что результаты будут готовы к середине дня, так что скоро он будет знать все. Да он и сейчас знает. Он уверен, что результат будет положительным. Что Вася — его сын. Почему-то он был уверен в этом с самого начала. Почему-то! Да потому, что мальчишка и впрямь сильно на него похож! Но что дальше? Честно говоря, он не любил крутых перемен в личной жизни. Их достаточно и в других областях его деятельности. Так что необходимо найти какое-то плавное решение. Плавное.

Кто-то осторожно постучал в дверь палаты. Нина. Альберт Валентинович не успел с ней даже поздороваться, как тут же позвонил один из его помощников и сообщил, что оформил от его имени обращение в частное детективное агентство по поводу происшествий в больнице. Он, конечно, выполнил просьбу хорошо знакомых ему людей. Только ему и самому интересно, кто и зачем почти на его глазах средь бела дня расправился с женщинами. То есть… Как он понял, сиделка его скончалась от сердечного приступа. Но ведь до этого тоже можно довести человека умышленно! Может, эти сыщики и докопаются до истины. Полиция-то пока не говорит ничего определенного. Сам он убежден, что дело не в нем. Дело — в самих этих женщинах, в психологии их взаимоотношений. Лина Георгиевна явно имела зуб на его сиделку. И если они не поссорились накануне — значит, что-то тут кроется в их прошлом. А имела ли сиделка зуб на докторшу? Похоже, нет. Скорее всего, она и не знала о том, что их связывало нечто. Или связывает. Точно так же могло быть и с докторшей. Кто-то и за что-то был на нее смертельно зол, а она, похоже, об этом и не знала. Обе жертвы ни о чем не подозревали и не ведали, что их часы, минуты уже сочтены. Интересно было бы узнать, кто есть этот Некто. И тут ему вспомнился недавний сон. Это было в первые сутки пребывания в больнице. Во сне что-то пылало, а когда он открыл глаза, то сразу натолкнулся на чей-то нехороший взгляд, полный ненависти… Он был обращен на Лину Георгиевну, которая сидела на стуле рядом с его постелью. Сон и этот взгляд перемешались, переместились в пространстве, но он, озабоченный своим состоянием, не придал им никакого значения. А вот сейчас вспомнил. Только вот с уверенностью сказать, кто так смотрел на докторшу, не может. Память его зафиксировала только одно — это была женщина в форме медсестры, появившаяся в палате буквально на несколько секунд. Наверное, она и сейчас работает, спокойно ходит по палатам, раскладывает медикаменты, делает уколы. А ведь, возможно, убийца.

От этой мысли ему стало холодно. Он позвонил помощнику, обращавшемуся в агентство, и попросил, чтобы самое заинтересованное лицо этой кон-

торы немедленно связалось с ним. Зоя Алексеевна не заставила себя ждать. Она выслушала его очень внимательно, заметив, что пожар во сне — обычно от высокой температуры, но это не умаляет ценности его наблюдений, а еще уточнила — не может ли он сказать, что было на голове у той медсестры — шапочка или косынка? Это он помнил хорошо — косынка! Зоя Алексеевна пространно поблагодарила его и сказала, что он им очень, очень помог.

Весь этот разговор слушала Нина. А когда Альберт Валентинович отключил телефон, заметила, что только одна медсестра в этом отделении ходит в косынке — Альбина Георгиевна. Аля. Он тут же перезвонил Зое Алексеевне и сообщил ей об этом. Теперь можно было отдыхать с чувством выполненного долга.

Перед самым тихим часом в палату вошли его помощники. Их лица сияли. Альберт Валентинович попросил Нину выйти на короткое время — мол, принесли деловые бумаги с закрытыми сведениями, и, услышав ее удаляющиеся шаги, дал знак — говорите!

— Так мы… поздравляем вас! От всей души! С прибавлением, так сказать!

— Да, да, мы все очень за вас рады. Вот, почитайте.

Результаты генетической экспертизы. Он знал, что этих анализов можно было и не делать — и так все ясно. Но бумага с подтверждающими родство записями придавала ему уверенности.

— Спасибо, ребята. Не буду ходить вокруг да около, а нырну-ка в холодную воду прямо сейчас! Нину позовите!

Нина появилась вместе с одним из помощников. Она чувствовала — что-то готовится, и была очень взволнована.

— Вот, ребята, познакомьтесь — это Нина, мать моего сына Васеньки… Прошу любить и жаловать.

— Будем и любить, и жаловать, — чуть ли не хором заверили помощники. — Непременно.

— Спасибо вам всем, — шепотом произнесла Нина и заплакала.

— Ниночка, не надо… Не надо, милая. У нас все будет хорошо. И мы скажем об этом Василию Альбертовичу как можно быстрее.

— Так он здесь, — всхлипывая, сказала Нина. — В холле сидит. Я за анализами к гематологу вместе с ним пришла. Думала — если что, сразу опять осмотрит, назначит лечение…

— Нинуля, позови-ка его сюда, а?

— Шеф, может, нам уйти? Тут у вас такой личный фронт разворачивается… Мы лучше в тылу посидим.

— Лучше все-таки останьтесь. Сейчас план действий обсудим, вы мне кое в чем поможете.

Нина привела в палату Васю. Он был в серой вязаной кофточке и джинсах — взрослый такой маленький мужичок.

— Сядь-ка, мой друг, вот тут, рядом со мной, — попросил его Альберт Валентинович. — А ты… хочешь быть моим другом, а?

— Хочу. Я ведь знаю, кто вы. Мне мама недавно сказала.

— Вот как… И кто же я?

— Мой папа.

Альберт Валентинович укоризненно посмотрел на Нину — он не думал, что подготовительная конструкция, которая готовилась в его голове, вовсе не понадобится, что все сложится так быстро. Но, может, оно и к лучшему?

— А… ты рад, что теперь у тебя есть папа?

— Я очень рад. Вы не думайте, Альберт Валентинович, что я не буду вас любить. Я очень даже буду.

— А за что? Ведь ты меня не знаешь.

— Но вы же мой папа! А пап просто любят. Не за что-то, а просто. И когда вы постареете, я за вами буду ухаживать. И когда будете болеть — тоже. Ну, как сейчас…

— Вот что, дорогие мои помощнички, мечтающие поскорее отправиться в тыл! — улыбнувшись, произнес Альберт Валентинович, — узнайте, как мы с Ниной можем побыстрее зарегистрировать наш брак. И насчет сына. Чтобы он носил мою фамилию.

— Так я что, буду Волшебник? — изумленно спросил Вася. — Круто! Только мальчишки будут смеяться. Скажут — Васька, где твои чудеса? Нет, так и вали отсюда!

— Вот и будешь делать чудеса.

— Да я не умею!

— А я тебя научу. Всему научу, Васенька.

Глава 16

Медсестра в косынке

Мы с Зоей Алексеевной обсудили информацию о ненавидящем взгляде медсестры в косынке — предположительно, Али. В ее трудовой книжке было указано прежнее место работы — одна из московских поликлиник. Слава богу, мне не придется далеко ехать. Эта поликлиника была ведомственной и располагалась в районе трех вокзалов. Легенды я никакой не придумала и поэтому, пройдя в приемную главврача и узнав, что его нет и долгое время не будет, изложила свою просьбу секретарше — узнать как можно больше про Алю. Про Альбину Георгиевну Обижаеву. Девушка не стала интересоваться, зачем мне это надо.

— О, про Обижайку вам расскажет старшая медсестра. Пройдите к ней. Это на втором этаже. Лидия Иосифовна. Правда, думаю, вам придется ее поискать, она на месте никогда не сидит. Но вы ее сразу узнаете — пожилая, красавица, с волшебной фигуркой! А ножки! Человеку за шестьдесят, а на нее даже молодые иной раз заглядываются!

Я столкнулась с Лидией Иосифовной прямо на выходе из приемной.

— О, на ловца и… — начала секретарша и показала женщине на меня. — К вам.

— Пойдемте, гостья дорогая! Сюда… Вот мой кабинет. Садитесь. Итак?

Передо мной и впрямь сидела потрясающая женщина. Женщина-гармония. При этом я не имею в виду просто правильные черты лица, красивые брови и так далее. Но благородство, выразительность взгляда — не пустые глаза, в них светится ум — делали это лицо неповторимым. Под этим взглядом я не могла лгать и рассказала Лидии Иосифовне все как есть. А закончила нехорошим взором Али, говорящим о том,

что врач Лина Георгиевна чем-то перед ней провинилась, и еще спросила, почему секретарша назвала Алю Обижайкой. Это прозвище, вероятно, от ее фамилии?

— Да нет, дорогая, не от фамилии. А от обиды. Я не преувеличиваю — почти каждый день я слышала от нее одну и ту же фразу…

— Какую?

— «Я с детства была никому не нужна!» Она повторяла ее постоянно. Я ей говорила — как же так? Тебе дали жизнь, тебя вырастили, ты получила образование. Говорила, а сама понимала, что, возможно, она и права. Как-то так, знаете, получилось, что ее родители то сходились, то расходились, им явно было не до дочери. А между тем в семье их дальних родственников случилось несчастье — погибла мать, а отец сошел с ума от горя, либо наоборот — погиб отец, а мать попала в психушку, я точно не помню. Но их девочка оказалась фактически сиротой, и Алины родители взяли ее к себе. Кажется, даже официально удочерили. Аля отнеслась к этому довольно равнодушно, хотя в детстве несколько лет ей пришлось прожить с новоявленной сестрой.

Тут Лидия Иосифовна разволновалась, стала говорить отрывистыми фразами, заменяя порой слова соответствующими жестами. Я поняла, что судьба Али была ей небезразлична. Перескажу все, что Лидия Иосифовна мне поведала, своими словами.

…У Али появилась масса проблем. Она влюбилась и вышла замуж. А поскольку уже ждала ребенка, то поступила не в мединститут, как намеревалась вначале, а в медучилище. Алин отец был в ярости и кричал, что никогда ей не простит слишком раннее замужество, материнство, а главное — предательство! Ведь она будет медсестрой! И уже ясно, что впоследствии дом, ребенок, молодой муж и все вытекающие отсюда заботы не дадут дочери продолжить его дело.

— Его дело?

— Да, он же хирург! Кстати, с ним я тоже работала. Интереснейший человек, скажу я вам. Был… Он умер.

— Давно?

— Да нет. Можно сказать, только что. Проблемный был человек, мало с кем уживался. А потому кочевал из клиники в клинику. Брали за талант, но все равно впоследствии старались как-то от него избавиться…

Так вот, Аля родила двоих детей, у родителей не бывала, общалась в основном с матерью — по телефону. Рассказывала на работе, что мать ни разу не спросила, трудно ли ей, не предложила помочь. Правда, жили, как уже упоминалось, не рядом, но разве дело в расстоянии? А тут еще муж стал выпивать, и Аля однажды сорвалась, у нее была истерика. При-

шла как-то на работу, сама на себя не похожа, всю ее трясет, колотит. Потом в жизни ее на короткое время засияло солнышко — они с мужем приобрели квартиру поближе к столице, и она стала работать в поликлинике. Все вроде шло неплохо. Но тут начались набеги…

Больница, где ее отец тогда работал, была рядом, на нашей же улице. Он неожиданно почувствовал потребность в общении с родной дочерью и, как только выдавалось свободное время, бежал к ней в поликлинику. Приходил, вызывал ее в коридор, и они сидели на диване, разговаривали. Обычно он ее обнимал и что-то говорил, говорил…

А между тем, удочеренная девица тоже давно упорхнула из дома приемных родителей — после окончания учебы ее направили на работу в Подмосковье. Но, в отличие от Али, она навещала пожилых людей каждую неделю.

— Интересно, они подружились? Аля — с той, удочеренной? — спросила я.

— Ха! Где там! Они даже ни разу не встретились. Аля-то хотела, даже звонила той мымре. Но — не получилось. Не судьба. Может, теперь встретятся.

— Подождите. Вы же сказали — отец их умер.

— Да. Умер.

— Но они же его хоронили!

— Аля не была на похоронах. У нее сын в больницу попал, в реанимацию, с какой-то инфекцией редкой, лежал там с высочайшей температурой, просто горел весь. Потом к матери она ходила. Говорила, что мать совсем от нее отдалилась, все только приемную дочь вспоминала, словно им больше и поговорить было не о чем…

— А вот Алин отец… Вы сказали про характер…

— Очень хороший хирург. Но… какой-то он был озлобленный, надломленный… И вечно озабоченный.

— Чем?

— Пил много. А когда был… ну, скажем, не в себе, то мог сотворить что угодно.

— В смысле?

— Да во всех смыслах. Уточнять, расшифровывать не буду, и не просите. Одно могу сказать — родного, по-настоящему любящего человека у Али не было. Мать, правда, более адекватна, чем отец, но холодна как лед! Прямо мороз по коже! Кстати, вот уж мы смеялись, когда узнали, какая ее девичья фамилия — Морозова! Стопроцентно подходит.

Я от волнения чуть не задохнулась и тихо спросила:

— А вот есть один известный — Галактион Морозов. Алина мать случайно не родственница ему?

— Это надо у самой Али спросить. Я, знаете, очень далека от актеров, театров и прочего. Вполне возможно.

— А как приемную дочь зовут?

— Имя редкое, красивое, потому и запомнила. Каролина.

Потрясающее совпадение! Каролина Морозова могла иметь отношение к Алле Юрьевне, к Аллюр! Но при чем же здесь медсестра Аля? Альбина Георгиевна? Между прочим, убитая врач Лина тоже Георгиевна. И если подходить к вопросу с этой стороны… А почему бы и нет? Лина-Каролина… Все это как-то рядом. И у Зои Алексеевны, знаю, была такая мысль…

— Аля у вас там, на новом месте, верно, без конца отпрашивается, да? — спросила вдруг Лидия Иосифовна.

— Не знаю. А зачем?

— Да у нее же мать совсем плоха. К ней ходит. Говорит, надо хоть перед смертью наладить отношения…

— Вот как… Следовательно, ваша Аля скоро может остаться сиротой. И — наследницей, да?

— Наследницей… Да вот с этим тоже не все у нее ладно. Отец ей однажды такую глупость сказал!

— Глупость?

— Прибежал как-то, посидели они в коридоре, а когда ушел, Аля забежала в кабинет сама не своя, вся в слезах. Оказывается, отец сказал, что, если она не выполнит его условия, он завещание на нее не напишет, и она ничего никогда не получит!

— А… почему речь вдруг зашла о завещании?

— Так они больные оба были, родители-то ее. С этим — ясно. А вот что за условие… Я попыталась узнать, так она меня просто отбрила! Не ваше, мол, дело!

Меня очень заинтересовало, о каком наследстве Али может идти речь. Оказалось, что у ее родителей — прекрасная трехкомнатная квартира в хорошем районе Москвы, новый гараж, внедорожник. Дачи как таковой нет, но существует дом в деревне под Ярославлем, на Волге. Разумеется, все это лучше оставить единым целым, а не делить с посторонним для себя человеком. Но способна ли Аля — не делить? И я задала Лидии Иосифовне непростой вопрос — могла ли Аля ради получения всего этого наследства убить человека?

— Ни-ког-да! — Ответ Лидии Иосифовны был категоричным.

— Но если… Если она не выполнила условие, которого мы не знаем, и отец успел составить завещание не в ее пользу? И уговорил мать сделать то же самое? Предположим, они — а старые люди бывают до безобразия глупы и несправедливы — отписали все приемной дочери? Этой Каролине? Тогда Каролина невольно становится мишенью…

— А, так вот почему вы меня о ней выспрашиваете! Нет, нет и нет! Поверьте, я неплохой психолог. У Али есть ограничитель. Она может рвать и метать, биться в истерике, но никогда пальцем не тронет того, из-за кого несправедливо пострадала. Я знаю, что она предпримет в той ситуации, которую вы описали. Она подаст в суд! И отсудит себе наследство! Или его половину, это уж как получится. Только вряд ли это потребуется. Она сейчас почти каждый день бывает у матери, мы же перезваниваемся, все мне рассказывает. Кстати, я знаю о ваших убийствах, но ваш приход ко мне никак уж с ними не связала.

— А откуда знаете?

— Так Аля и рассказала! О, она еще прибавила — так ей и надо! Я даже удивилась.

— Кому — ей?

— Видимо, одной из умерших. Одной из двух. Кому именно, я не уточняла. Все равно ведь не знаю ни ту, ни другую.

Да, будет что обсудить нам у Зои Алексеевны. Напоследок я поинтересовалась:

— Обижаева. Это — фамилия Алиного мужа?

— Да.

— А ее девичья фамилия…

— Селина. Отец-то — Селин Георгий Иванович.

Я была в шоке. Это уже не ниточка, а целый клубок! Который теперь надо просто умело размотать.

Прощаясь со мной, Лидия Иосифовна пообещала ответить и на другие вопросы, если таковые возникнут.

С этим багажом новых фактов и впечатлений я и появилась в квартире Зои Алексеевны — нашем штабе, центре глубокого психологического сыска, и представила свою схему родственных отношений, из которой следовало, что Альбина Георгиевна Обижаева, наша Аля, в девичестве носила фамилию Селина. Следовательно, Лина Георгиевна Селина — ее сводная сестра. А в прошлом — та самая Каролина Морозова, которую и удочерил доктор Селин со своей супругой. Ах, как я рассчитывала на бурную ответную реакцию Зои Алексеевны! Но ее не последовало. Оказалось, что наша мудрая Зоя давно предполагала именно такое стечение обстоятельств.

Глава 17

Смех и таблетка

Альберта Валентиновича уже готовили к выписке — уколы отменили, количество таблеток уменьшили. Капельницы ставили уже не два раза в день, а один. Оставили и массаж. А еще ввели процедуры, позволяющие предотвращать нарушения сердечных ритмов. Но это — так, для профилактики. А вообще чувствовал он себя хорошо.

Сегодня Волшебник ждал ребят, ратующих за планетарное правительство. Охранник приоткрыл дверь, спросил, можно ли. На этот раз посети-

телей оказалось пятеро, не считая двух его помощников. Нина, которая тоже сидела в палате, и один из гостей пошли за стульями. Среди поборников всемирного управления делами планеты оказалась немолодая женщина, представившаяся Жулианой.

— Впервые слышу такое имя, — заметил Альберт Валентинович.

— Ну, возможно, я его впервые произношу. Дело в том, что у меня нет имени. Я — человек планеты. Мира. Нас надо различать не по именам, а по делам нашим во имя спасения Земли!

— И все же… У вас ведь есть паспорт…

— Есть, но это такая пустая формальность! Зовите меня, как я сказала — Жулиана.

Альберт Валентинович с удивлением наблюдал за ней. Она, казалось, совершенно не слушала разговор, ради которого, надо полагать, и пришла, а внимательно рассматривала все, что было в палате. Уловив паузу, вдруг спросила:

— А это именно здесь произошли убийства, из-за которых подняли такой шум?

— Нет, нет, это совсем другая палата. Альберта Валентиновича перевели сюда сразу после трагедий, — быстро ответила Нина.

— Вот как… Но я поняла, что все произошло на его глазах…

— В общем-то, да. На его глазах его сиделка выпила воды и тут же скончалась.

— Надо же… Стало быть, убийца выбрал воду…

— Да. Минеральную. Но… Я слышала, что доподлинно неизвестно, был ли там яд.

— Как это? Да его не могло не быть! Смерть-то ведь наступила! А… за что же убили эту сиделку? Известно? Убийца хоть успел ей это сказать?

— Кажется, нет. Да какое это имеет значение?

— А правда, какое это имеет значение? — вдруг спросил Альберт Валентинович, который, казалось, вовсе и не слушал разговор женщин. И, обратившись уже ко всем присутствующим, пояснил: — Тут вот ваша дама желает знать некоторые нюансы трагедий, которые случились в этом отделении. Понимала ли, например, первая жертва, за что ее убивают?.. Думаю, что нет. А еще я думаю, что, если бы убийцей были вы, то уж постарались бы дать понять причины ваших действий…

Вся группа поборников всемирного правительства наблюдала за этой перепалкой с огромным интересом. Молчание прервала Нина.

— А правда, что вам надо-то? — обратилась она к Жулиане. И, не выдержав, продолжила: — Ну, и имечко вы себе придумали! В нем прямо жульство какое-то! Обман, значит!

— Нет, нет. Просто я когда-то мечтала быть следователем. Не получилось. Но желание это так и осталось. Потому и задаю такие глупые вопросы. Извините.

Жулиана вдруг быстро поднялась и вышла за дверь. Нина отправилась за ней. Увидев ее, женщина призналась, что хотела спросить у охранника, где именно произошли убийства, и побыть там. Зачем? Она сбивчиво начала говорить о том, что является экстрасенсом, хочет помочь следствию и определить, кто кого и зачем убил. Но для этого ей нужно постоять в тех самых местах, на том полу, у тех стен, которые были немыми свидетелями трагедии. А если там есть еще и цветы… И вода — скажем, в графине, та самая, которая была тогда… То есть, если ее еще не меняли…

Они подошли к палате, где раньше лежал Альберт Валентинович. Дверь была заперта. Нина отправилась к сестре-хозяйке за ключом, прихватив с собой и даму. Не рискнула оставлять ее одну — мало ли что придет ей в голову! Да и преступники еще не пойманы, бродят где-то на свободе. А эта Жулиана не может не вызывать подозрений. Ключ Нина получила не сразу — ей пришлось сказать, что там остались важные для ее подопечного бумаги. В конце концов ключ ей выдали, и обе женщины вошли в палату. Она не проветривалась несколько дней, и Нина тут же открыла форточку. Гостья попросила показать ей, где, на каком стуле сидела Алла Юрьевна, причем она первая назвала убитую по имени-отчеству, и Нина очень удивилась. Откуда? В полиции, в следственном отделе просили не называть жертвы по именам — до поры до времени. И в прессе их тоже не афишировали.

— А откуда вы знаете, что сиделку звали Алла Юрьевна? Вы что, были знакомы?

— Боже упаси! Я просто где-то читала… А, быть может, почувствовала… Знаете, как это бывает иногда. Этакое наваждение. Вы говорите, вот тут она сидела?

— Да… Вроде. Я выходила, не все время была в палате, но видела, что к ней зашла Лина Георгиевна. Это наша врач. Хирург. Ее убили второй. Жертва номер два, так сказать. И Лина Георгиевна что-то очень зло сказала сиделке. А потом принесла ей минеральной воды. Алла Юрьевна выпила — и все. Конец.

— А Ка… А Лина? Лина Георгиевна? Вот, вот… Чувствую… У нее энергетическое поле очень сильное. Мощное. Потому и след четкий. Она вышла… Ваша сиделка упала, а она вышла. Живая и здоровая. Она не пила той воды! Не пила! Вы слышите?

— А почему вы так кричите? Конечно, не пила. Но знала ли она, что принесла Алле Юрьевне? Вот вопрос. Она добавила яд в эту минералку или нет?

— Нет, нет! Если это она, то мы придем к выводу, что Лина совершила самоубийство! Я этого не вынесу! — вдруг выкрикнула гостья.

— Интересно, а при чем здесь вы? А?

— Ну… Просто я чувствую, что ваша доктор — не самоубийца. Я это знаю. И, конечно, очень расстроюсь, если кто-нибудь начнет это опровергать. Ближе к делу! Ближе к делу! Извините, это я себе командую. — Жулиана вытянула обе руки ладонями вперед и начала медленно продвигаться к выходу. У самой двери она остановилась: — Вот здесь прозвучало проклятие! Вы его слышали?

— Нет. Я была в коридоре. Недалеко, но все же… А чье проклятие?

— Как чье? Лины! Впрочем, я не могу вам ничего расшифровать.

Что ж, в полиции расшифруешь, подумала Нина, продолжая следить за тем, что будет дальше. Гостья, закрыв глаза, словно слепая, вышла из коридора и медленно стала продвигаться к боковой двери, ведущей на лестницу.

Затем повернулась и пошла к комнате медсестер. Остановившись у двери, спросила:

— Здесь что, ординаторская?

Нина ответила.

— Но что ей было делать у медсестер?

— Она часто сюда заходила. Отдохнуть, чайку попить.

— И только?

— Ну, могла после операции спиртика немножко глотнуть.

— И все?

— И все. Ах, да, она курила, но не здесь, а на улице.

— Мне нужно войти в эту комнату!

— Да ради бога. Там сейчас, думаю, и нет никого.

Вновь закрыв глаза, гостья осторожно тронула дверь и шагнула внутрь. Вдруг лицо ее помрачнело, сморщилось, и она выдохнула прямо Нине в лицо:

— Она умерла здесь! Я вижу стакан с водой… Вот тут, на столе… Вода переливается от солнца… Играет… Блики… Вижу блики… Но что-то меняет эту картину… Словно волны… Это — брошенная в воду таблетка… И смех… Я слышу смех… И боль… Боль, таблетка и смех… Таблетка и боль — они вместе… Неразделимы… Единое целое. Но его разрывают… Боль остается… А Лина… Но это не ее боль! Однако она мертва… Она выпила… Она…

Нина с ужасом слушала весь этот бред, так похожий на правду, и впитывала в себя эту картину, которая становилась с каждой минутой все ближе и реальнее.

Тут в комнату неожиданно вошла Аля. Увидев гостью с вытянутыми руками и вытянутую физиономию Нины, она рассмеялась:

— И что это за колдунью ты нам привела? Предрекает очередной конец света?

Жулиана очнулась, словно от глубокого сна, взяла Нину за руку, как бы ища опору, и сказала прямо в лицо Але:

— А я слышала твой смех. Еще до того, как ты сюда вошла. Это был твой смех! Смех и таблетка. Смех и таблетка…

Аля побледнела, опустилась на стул и прошептала:

— Нет, нет… Ты — сумасшедшая…

Жулиана первая выбежала из комнаты, не отпуская руку Нины. А та совершенно не знала, что же ей со всем этим делать. Перед входом в палату она все-таки спросила:

— Так вы специально присоединились к этой группе, чтобы попасть в больницу?

— Не совсем. Я действительно разделяю идеи гостей вашего шефа, и многое делаю для их воплощения. Я работаю с такими же, как они, только в другом регионе. И сегодня, возможно, я бы сюда не пришла, если бы не стремление узнать, как же все-таки погибли несчастные женщины… И я узнала!

— А вы не хотите оставить свой телефон? Я бы передала его тем, кто расследует эти убийства. Вы ведь явно знаете больше, чем мне показали.

— Нет. Это ничего никому не даст.

— Напрасно. Ведь вы многого не знаете и никогда не узнаете, если не будете контактировать со следствием. Этим делом занимаются и частные детективы, я с ними знакома.

— Частные? Что ж, я подумаю. Дайте-ка мне номер их телефона.

Нина не рискнула дать ей мой номер. Подумала — муж, дети, зачем их лишний раз тревожить. Она продиктовала гостье телефон Зои Алексеевны, уверяя, что эта пожилая женщина всем хочет только добра и не потерпит несправедливости. Жулиана записала номер, а потом вдруг спросила Нину, где похоронили убитую докторшу. Нина назвала ей кладбище.

Закрыв за гостями дверь, она быстро рассказала Альберту Валентиновичу о своем общении с этой странной дамой. Он вернул одного из помощников и попросил принести от охранников, дежуривших на пропускном пункте больницы, список всех, кто к нему приходил. Принесли весь журнал, предупредив, что его надо как можно быстрее вернуть обратно, дабы избежать скопления желающих посетить больных. Собственно, задерживать-то этот журнал было и незачем — среди всех посетителей Альберта Валентиновича была единственная женщина. Жулиана Галактионовна Морозова. Надо же, она действительно оказалась Жулианой…

Глава 18

Реки слез

К вечеру мы все собрались у Зои Алексеевны и ждали Нину. Она заинтриговала нас своим телефонным звонком, сообщив, что у нее есть такие новые сведения, которые можно изложить только при встрече. Кстати, вполне вероятно, что этим же вечером у нас появится и Серженко, посланный за разведданными об убитой докторше. Собственно, не так уж далеко от Москвы ему пришлось поехать. Все рядом, все в пределах разумного.

Нина вошла в комнату, улыбаясь и сияя как солнышко!

— Вы можете меня поздравить, — с ходу заявила она. — Мы с Альбертом Валентиновичем подали заявления в ЗАГС.

Потрясающе! Вот это хватка! Ведь совсем недавно она ловила меня в больничном дворе, плакала, умоляла назвать ей отца своего ребенка... И вот уже — ЗАГС! Не скрывается ли за этой солнечной внешностью что-нибудь этакое… монстровидное, готовое уничтожать неугодных людей, мешающих ее планам?..

Нина начала рассказывать нам о посетителях Альберта Валентиновича — поборниках планетарного правительства, способного спасти землю и людей, о затесавшейся среди них довольно немолодой женщине со странным именем — Жулиана. О ее мистических опытах, приведших к пусть косвенному, но обвинению Али. При этом показывала, как ходила по комнатам нежданная гостья, как описывала события.

— Как будто все происходило на ее глазах, понимаете? По ее словам, Аллу Юрьевну убила именно докторша. Почему-то эту Жулиану сильно интересовало — знала ли сиделка, за что страдает? Известно ли ей было, в чем она провинилась? Успела ли докторша ей об этом сказать? Или под влиянием каких-то дьявольских сил убила ее, как говорится, одним махом! Отравила. Хотя мне в это слабо верится.

— Тем более, что в организме Аллюр не найдено никакого яда… Однако Лина явно обвиняла в чем-то мою подругу. Считала ее врагом, — заметила Зоя Алексеевна. — И не знала, что у нее тоже есть враг. Что ей уготована страшная участь…

— Докторша была одинока. И вполне могла решить, что жить ей незачем. Вот и выпила отравленную ею самой воду, — предположила Настя.

— Нет, что-то тут не так! Алла Юрьевна выпила весь стакан. Лина стакан этот не забрала, она выбежала из палаты и пошла в сестринскую комнату.

А там уж кто-то из медсестер налил той же минеральной воды в другой стакан. То есть — налил себе, а она вбежала, схватила и выпила, — ответила Зоя Алексеевна.

— Из той же бутылки наливали-то, — вспомнила я показания медсестер.

— Вообще, если честно, то мне кажется, что Кира с Алей чего-то недоговаривают, — призналась Нина. — Когда работали дознаватели, они все переглядывались между собой. Я бы на вашем месте, Зоя Алексеевна, с Кирой откровенно поговорила. Но я вам главного-то не сказала! «Вода и таблетка, вода и таблетка, и боль» — повторяла экстрасенс. Подчеркнула, что это чужая боль. Не Лины. И еще сказала про смех. Якобы во время убийства он звучал там, в сестринской, и остался в памяти… этой комнаты. Она его слышала. И тут, представляете, вошла Аля, увидела ее с растопыренными руками и как захохочет! А Жулиана-то вдруг выдала, аж мороз по коже, — это, мол, тот самый смех и есть! То есть, значит, Аля как раз и убила. А теперь главное! Вы знаете, кто это был? Держитесь все за свои стулья. Эта экстрасенс — Жулиана Галактионовна Морозова!

Наша немая сцена почище гоголевской завершилась еще одним сообщением Нины.

— Прежде чем уйти, она спросила, где похоронена Лина Георгиевна. Я назвала кладбище. Ой, что я еще вспомнила-то! Она ведь эту Лину-то не так хотела назвать! Что-то про нее спрашивала и говорит — а эта Ка… Потом поправилась — а эта Лина… И такой блеск был в глазах, что даже Альберт Валентинович это заметил. Вот если бы, говорит, вы были на месте Лины Георгиевны, так уж вы точно сказали бы жертве, за что ее убиваете.

Зоя Алексеевна уже несколько раз высказывала мысль о том, что имя Лина — часть имени Каролина. И тут ее предположение, кажется, об-

ретало реальность. Но Жулиана — Морозова, а Лина — не Галактионовна. Кстати, а какая у нее фамилия? Эх, как нужен нам Серж с его сведениями о прошлом этой женщины!

— Да ее фамилия нам ни о чем не говорит. Селина, — проинформировала меня Зоя Алексеевна.

— Так ведь Аля-то — тоже Селина… Это ее девичья фамилия…

Мы все уже привыкли к немым сценам. И все же…

И все же надо ждать Сержа, чтобы подвести правильный итог этому открытию: Лина Георгиевна Селина — и есть Каролина Галактионовна Морозова. О, господи! Да разве можно тут не запутаться?

— И компьютерные Жужа и Лига обретут реальный смысл. Сестры. Две девочки, у которых исчезла мать. Предположительно, от горя, — продолжала Зоя Алексеевна. — Она, озлобленная, могла просто исчезнуть, уйти в другую жизнь от забот и хлопот, связанных с воспитанием девочек. Сказать мужу — ты, мол, нашел себе другую, вот пусть она и растит твоих дочерей! Но, скорее всего, горе просто свело ее с ума. Во всяком случае, сестры-то ведь никогда не подумают плохо о матери. Нет, они видят ее жертвой. Видели. Думаю, так оно и было на самом деле.

Да, но кто убил докторшу? Лину-Каролину? Что-то тут темнят Кира и Аля с той второй коробочкой, которая якобы сначала была, а потом ее вдруг не стало. Когда именно не стало? Когда Лина отправилась в палату к Альберту Валентиновичу с сиделкой, коробочек было две или одна? И при чем тут вообще эта пропавшая коробочка? В ней было что-то важное для разгадки больничных тайн? Лина выпила воды и сразу же упала замертво, не прикасаясь ни к каким коробочкам. И если эта пропажа действительно имеет какое-то значение, то о ней позаботился кто-то другой. Убийца?

Ее размышления вслух прервал телефонный звонок. Звонила Кира. Она сообщила, что несколько дней подряд Аля плакала прямо на работе, а сегодня просто взяла и ушла с дежурства, и телефон ее не отвечает — недоступен. Кира хочет съездить к ней домой, однако боится делать это одна — там ей может понадобиться помощь, ведь муж Али в пьяном виде часто бывает неадекватен, а дети живут отдельно, тоже не помогут.

— Кирочка, у меня как раз сейчас наши журналистки-писательницы и Нина. Ну, ее мы отпустим. А вот Настя с Натальей, думаю, не откажутся прогуляться вместе со мной и с тобой к вашей плачущей Але…

Аля жила в старой бетонной пятиэтажке — такой же, как и Зоя Алексеевна. Никаких домофонов и кодовых замков. Характерный запах в подъезде говорил о том, что здесь постоянно затапливается подвал. Она от-

крыла дверь сразу же, как будто ждала нас. К счастью, Аля была одна — муж сегодня работал в ночную смену.

— Алечка, милая, дорогая ты наша, скажи, что с тобой случилось? — спросила Зоя Алексеевна. — Ты всех нас знаешь, мы не причиним тебе неприятностей, напротив, сумеем оградить тебя от них. Поделись с нами, пожалуйста.

Аля молчала. Плечи ее вздрагивали — видимо, до нашего прихода она плакала.

— Я понимаю, что твое теперешнее состояние связано с этими трагедиями, — решительно проговорила Зоя Алексеевна.

— Ничего вы не понимаете! Это невозможно понять! Я сама… сама ничего не понимаю…

— Но ты же не преступница, верно? А та коробочка с ядом… Это ведь не ты ее принесла?

— Разумеется! Зачем?

— А это ваше теперешнее состояние… — вмешалась я в разговор, — извините, если спрошу лишнее. Оно как-то связано с тем условием, которое ставил перед вами отец? Во время ваших встреч.

Не надо было мне так говорить. Вообще не надо было касаться отношений с отцом. Аля мгновенно переменилась в лице, оно вдруг постарело, стало жестким и злым.

— А вот отца моего лучше не касайтесь. Просто… сердце у меня может не выдержать. Не нужна я была ни отцу, ни матери. Они к чужому ребенку относились лучше, чем ко мне. Было полное равнодушие, слышите? Полное! А потом он… приполз. Приполз и поставил условие… А я… я…

Мы с Настей подхватили падающую Алю, уложили ее в постель. Спросили — может, позвонить ее маме, попросить, чтобы она приехала, поухаживала за дочкой? Но она ответила, что ее мать очень плохо себя чувствует, что после смерти отца она вообще не выходит из дома, а тут еще этот удар по Интернету. Естественно, мы захотели узнать, что за удар.

— Да мама недавно включила компьютер — ее научили, как с ним обращаться, — и набрала в поисковике имя и фамилию отца. Ну, ей хотелось прочесть, какой он был замечательный хирург. А там… там…

Вновь — реки слез. Да что же, что же там? Настя вытащила новый айпед, привезенный ей из Штатов, и…

— Зачем он, — всхлипнула Аля, — я и так скажу. В Интернете была порочащая отца информация, вот и все. Это не имеет никакого отношения к тому, о чем вы хотите знать!

И тогда мы пересказали ей все, что нам поведала Нина — о незнакомой женщине-экстрасенсе, которая, побывав на местах преступлений, определила, как именно произошли трагедии, в том числе и отравление. Она «увидела» стакан с минеральной водой и брошенную туда таблетку… Она «услышала» смех.

— Это был ваш смех, Аля. Вы как раз вошли и засмеялись. И она все узнала…

— Я ее не убивала! Нет! Поверьте! Это же — уголовное преступление! Это — тюрьма!

— Ну, может быть, в той коробочке раньше лежали совершенно безобидные таблетки, и кто-то их подменил, — предположила Зоя Алексеевна.

— Нет! Нет! Я не знаю! Ничего не знаю! И оставьте меня в покое! Я вас не звала!

— Я же сказала — кто-то. Я не имела в виду вас, Аля.

— Да разве кто-нибудь будет в этом разбираться? — вдруг воскликнула она и замолчала, поняв, что сказала лишнее.

Уходя, мы все-таки решились еще на один вопрос:

— Аля, а вы знаете, кто была эта женщина-экстрасенс?

— И знать не хочу!

— И все же… Быть может, вы даже родственники. Так вот, это — Жулиана Галактионовна Морозова!

— Что-о-о?

Аля приподнялась на подушках, качнулась, словно пьяная, и мы, уже одетые и стоявшие в дверях, снова бросились к ней. Но она уже пришла в себя и четко произнесла:

— Знать никого не знаю с таким идиотским именем и отчеством!

Зоя Алексеевна выразительно стукнула себя по лбу.

— А имя Каролина? Оно вам больше нравится? — спросила она.

И тут Аля окончательно сорвалась. Она вскочила с кровати и закричала:

— Вон! Вон отсюда! Вы хотите довести меня до психушки? — И уже помягче добавила: — Уходите. Прошу вас. Завтра я вызову себе врача, уйду на больничный. И оставьте меня в покое!

Мы хотели сделать именно так, но дальнейшие события показали, что это совершенно невозможно.

Глава 19

В саду, под старой липой

Огромный старый сад дышал чистотой и покоем. Неохватные вековые деревья стояли крепко, ощущая свое величие и основательность. Ветерок перебирал их ветви, словно струны, и казалось, что весь этот зеленый мир колышется, трепещет и разговаривает своим особым языком, который мы никак не научимся понимать. Леонид Гаврилович Серженко вел под руку пожилую даму в белом халате и распахнутом легком пальто. Они шли по дорожке, затем свернули на узкую тропинку, где можно было идти лишь друг за другом. Женщина пошла впереди, ибо знала, куда и зачем они направляются. Он ждал ее больше суток, за ней специально ездили на дачу, так как там не было телефона, а мобильники дама не признавала, считая их исчадием ада. Ждал ее потому, что как только появился в этой районной больнице и сказал, зачем он сюда приехал, ему тут же ответили, что путеводителем в его поисках может быть только Тамара Владимировна. Лишь она знала Лину Георгиевну еще до этой больницы, она устраивала ее на работу. Но, что самое существенное, — она хорошо знала отца Лины. Да, да, всеми уважаемого хирурга, который совершил такое! Такое… Что именно совершил хирург, сказать Леониду Гавриловичу никто не решился. В ожидании Тамары Владимировны он не сидел, сложа руки, а беседовал с теми, кто хоть немного знал убитую докторшу. Картина вырисовывалась

безрадостная… Лина Георгиевна была замкнута, неразговорчива, уходила от всяческих расспросов, не участвовала ни в каких коллективных празднованиях и посиделках. Работала ли она вместе со своим отцом? Как-никак, одинаковые специальности. Нет, не работала. Его уже к тому времени в этой больнице не было, перевелся в Москву. Вообще из разговоров с медиками о Лине Георгиевне Серженко сделал пока один-единственный вывод — тайна сия велика есть. И вот теперь долгожданная Тамара Владимировна вела его, как она выразилась, «к тому самому дереву». Он покорно шел, ругая себя за то, что не надел осенние непромокаемые ботинки и промочил ноги — тропинка-то узкая, а трава высокая и мокрая.

— Вот это дерево, — тихо произнесла Тамара Владимировна, остановившись возле огромной ветвистой липы. — А вот эта ветка… Обломана с одного края, видите? Это когда его доставали… Когда веревку снимали… Сначала ведь подумали, что он мертв… Тут же некоторые и раззвонили о его смерти…

— Извините, а… Вопрос мой не совсем… гм… корректен. А как же он живой-то остался? Веревка, что ли, не выдержала?

— Да что вы, веревка была прочная. Вы повернитесь и посмотрите на наше здание. Вон на те окна, видите?

От дерева хорошо просматривались лишь три окна, остальные скрывала листва.

— Вот в среднем окне лежала девушка, которую он прооперировал. А мать дежурила возле нее, не спала в ту ночь и как раз у окна стояла. На луну, говорила, любовалась, чувствовала себя как в сказке. И вдруг увидела, как в этот сказочный туман ныряет Георгий Иванович. Ныряет — и не выныривает обратно. Женщина сразу забила тревогу, побежала туда вместе с медсестрой и нашим травматологом, молодым мужчиной, которому тогда негде было жить, и ему разрешили — временно, конечно — поселиться в одной из палат. Он его и снял. Я подоспела, когда Гера уже на земле лежал. Недвижим. Но я, знаете, всегда чувствую, когда человек жив, а когда мертв, поэтому сразу принялась делать ему искусственное дыхание. По-своему. Как мы на фронте делали.

Когда веки его дрогнули, губы зашевелились, я словно родилась заново. Но, помню, такая злость вдруг в душе поднялась! На него. Господь подарил ему жизнь, по профессии своей он — спаситель, а что на деле? Я несколько часов просидела у него в реанимации и все шептала — ах, Георгий Иванович, Георгий Иванович, как же вы могли…

— А Лина Георгиевна? Как она на это прореагировала?

— А вот и не знаю. Тогда она у нас еще не работала. Дело в том, что мы, посовещавшись, решили никому ничего не говорить. И ей тоже. Чтобы

по городу не поползли ненужные слухи. Она, так сказать, попала под раздачу. Да и… Она ведь ему неродная, он ее удочерил. И когда эта Лина Георгиевна пришла в наш коллектив, я поняла, что мы тогда правильно сделали. Это — человек с изломанной психикой…

Леонид Гаврилович осторожно заметил, что человек с изломанной психикой наверняка не должен заниматься исцелением людей, так как может плохо на них воздействовать.

— Ну, вообще-то она хирург… Была… А ведь вы правы — она ушла из отделения и стала работать в поликлинике. Возможно, боялась, что ее состояние может сказаться на операциях. Да, да, так оно, видимо, и было. Просто никто тогда об этом не задумывался. Вопрос написан у вас на лице. Да потому, что никто не был с ней близок. Она ни с кем не дружила. Жила только прошлыми обидами, трагедией, которая произошла много лет назад. Это гири, которые на ней висели. Потому и семьи не завела. Я ее убеждала — надо все забыть, начать жить заново. Но ее душа словно зацементировалась.

Тамара Владимировна упомянула и о родном отце Лины, к которому дочь ездила время от времени. В последние годы он уже никого не узнавал, и такие поездки вызывали у Лины лишь досаду — отец так ни в чем и не раскаялся, ни разу не вспомнил об их исчезнувшей матери…

— А ведь исчезла-то она по его вине!

— Вот как?

— Ну да. Их отец влюбился в какую-то свистульку и хотел на ней жениться. Об этом мне и Жулиана говорила…

— Жулиана?

— Ну да. Сестра Лины. То есть — Каролины. Она Линой-то стала намного позже, когда Селины ее удочерили.

— Какие имена…

— Да уж, папочка постарался. У этих артистов в голове иногда такое творится… Я вот Жулиану ни в жизнь бы не запомнила, но у меня собачка есть Жулька… — Тамара Владимировна погладила липу, под которой они стояли, и пошла по тропинке обратно в клинику. На полпути она вдруг обернулась к Сержу и проговорила: — А вот признайтесь, зачем вы меня обо всем этом спрашиваете, а? К чему эти подробности?

— Простите. Я главного вам не сказал. Лину Георгиевну отравили — и надо понять, кто это мог сделать и почему. Тут мои расспросы не должны вызывать сомнений. Я ведь еще о врагах ее не спросил и о том, кому ее смерть выгодна. Но дело еще и в том, что сама убитая тоже подозревалась в… убийстве! Но эти подозрения оказались несостоятельными. И все же, у нее были враги?

— Да бог с вами! Нет, конечно. Она сама себе была враг, я же говорила.

— Ну, может быть, у нее были конфликты. С коллегами, с родственниками.

— А вы знаете… Возможно, и были. С родственниками. Вернее, со своей сводной сестрой, родной дочерью Георгия Ивановича. Хотя я не уверена, что они вообще встречались во взрослой жизни. Но, как бы то ни было, Георгий Иванович почему-то не очень привечал родную свою дочь. Я даже как-то спросила его о причинах такого отношения к близкому человеку. Их было две. Не стала учиться в мединституте, то есть, не пошла по его стопам, и — рано вышла замуж и ушла из дома, хлопнув дверью. Он тогда именно так и выразился.

Леониду Гавриловичу стало интересно, сколько лет было этой Лине-Каролине, когда доктор Селин ее удочерил. Оказалось, не так уж и мало — лет десять-двенадцать. Но когда девочка стала взрослеть, она предпочитала находиться не в этой семье, а у своей сестры Жулианы. Та жила с отцом — неприкаянная, неухоженная, но — свободная!

— И как вы объясните это стремление жить с Жулианой, где не было, как я понял, теплого семейного очага?

Серженко очень занимал этот вопрос. Больной, полусумасшедший отец, бесконечно меняющиеся женщины, которых еще привлекало его громкое имя, отсутствие всяческого родительского внимания… Неужели такая свобода может быть дорога? Тем более, что жена Селина — родная тетя Лины, сестра ее отца. То есть она попала не в какую-то чужую семью, а к родным людям! И странно, что стремилась от них убежать. Не из-за Али же, в самом деле… Этот вопрос вырвался у него сам собой.

— Конечно, не из-за Али. Аля сама горемычная. Эх, не хотела я вам говорить, да, видно, все же придется, хотя никаких определенных выводов из того, что я вам скажу, делать нельзя. Просто неэтично. Мало ли что там было…

А было вот что. На платформе стояли Георгий Иванович и Лина. Тогда ей было лет восемнадцать. Ждали электричку. Она стала подходить. Георгий Иванович схватил Лину, обнял ее изо всех сил и стал целовать. Сначала он покрывал поцелуями ее лицо, затем остановился на ее губах и не мог оторваться. Она же вырывалась, как могла, била его сумочкой по спине, а потом рванулась так, что длинный рукав ее платья оказался почти оторванным. Так и влетела в электричку — без рукава. А Тамара Владимировна оказалась в том же вагоне и видела, как две женщины помогли Лине привести себя в порядок.

Молча дошли они до больничного корпуса. Серженко заготовил еще один, последний вопрос, но видел, что Тамаре Владимировне, в свое время, видимо, обожавшей доктора, трудно дается этот разговор.

— Да, и еще одно, — заговорила она сама, — не знаю, пригодится вам это или нет. Когда Георгий Иванович уже работал в Москве и заболел, до нас тут дошли слухи, что он написал завещание. И жену свою якобы заставил это сделать. Она, знаете, слепо ему повиновалась всю жизнь. Так вот, завещал он все, что имел, не обеим своим дочерям, как следовало бы ожидать, и не одной Але — все-таки родная, иные это бы поняли. Нет, завещал он все Лине Георгиевне!

— Потрясающая несправедливость. Аля об этом знала?

— Сначала, может, и нет, а потом узнала. И мать ее это подтвердила. Какое-то время Аля даже перестала к ней ездить. Не знаю, как сейчас.

— А не боролась за свои права?

— Не боролась. Только ушла из клиники, так как всем все стало известно, и перевелась туда, где и произошли эти ваши убийства.

— Но ведь тогда именно она могла отравить Лину Георгиевну.

— Не думаю. Скорее, Лина сама могла уйти из жизни… Хотя и это маловероятно…

Тамара Владимировна попрощалась и попросила, когда все прояснится, обязательно сообщить ей результаты расследования.

Вот с такими фактами, догадками, а может, и домыслами Леонид Гаврилович Серженко отправился назад, к Зое Алексеевне и к нам, самодеятельным сыщикам, которые ждали его с большим нетерпением.

Глава 20

Место встречи изменить!

Присутствующие в доме Зои Алексеевны чувствовали себя как на деловом совещании, где нужно предельно сосредоточиться, чтобы влиться в коллективный ход мыслей. Разумеется, ход этот был у каждого свой, особенный, но двигались мы все явно в одном направлении. Алю не пришлось ждать — она появилась раньше остальных и сидела в углу, словно наказанная. Зоя Алексеевна почему-то не единожды повторила, что место встречи, скорее всего, нам придется сегодня изменить. Однако пока попросила Алю пересесть к столу, в центр комнаты. Она пересела. Все понимали, как ей сейчас не просто, каждый старался ее чем-то подбодрить, давая понять, что не верит в ее виновность. Никто и правда не верил, и Аля чувствовала — здесь собрались, чтобы узнать правду и помочь ей осмыслить происшедшее. Хотя никто толком не знал, что же произошло. Действия Жулианы-экстрасенса были известны, как и ее фраза про роковую таблетку, якобы брошенную Алей в стакан с минеральной водой… И про ее неестественный смех. Злобный? Возможно. Но это могло и показаться определенным образом настроенному экстрасенсу. Многие вообще не верят в то, что человек, оказавшись по прошествии времени на месте преступления, способен «видеть» само это страшное событие. Предположим, Жулиана все-таки «увидела». Но можно ли из ее «видения» делать далеко идущие выводы?

Многие из нас смотрели на Алю с жалостью, и она это поняла. А потому стала вдруг говорить о своей счастливой любви, о том, что они с мужем до сих пор сохранили те чувства, которые испытывали друг к другу в молодости. Меня, довольно язвительную особу, так и подмывало спросить — а сохранялись ли эти чувства, когда ее любимый бывал в стельку пьян?

Да не день и не два, а месяцами… Но я промолчала, потому что именно в это время мы услышали ее удивительное признание.

— Никогда в жизни я не брала ничего чужого. А ведь и деньги находила, и колечко однажды золотое прямо под ногами у меня оказалось. Все отдала по назначению. А вот сейчас вам покаюсь. Когда к похоронам Аллы Юрьевны готовились, я сыну ее дома помогала и увидела на столе у покойницы папку с ее романом. А ведь как она о любви-то рассказывала! Рука сама потянулась… Прочитала первые страницы, и так мне хорошо стало… Схватила я, не глядя, не считая, сколько-то страниц и спрятала у себя. Думала — потом прочту. Да не случилось из-за всех этих страшных дел больничных. Вот они, страницы-то… — и наша раскаявшаяся грешница положила их на стол.

Я подумала — надо бы сразу их прочитать. Может, там откроется что-то новое для нашего расследования? Зоя Алексеевна мне кивнула — действуй, мол. Я углубилась в чтение, приготовившись краем уха слушать Алину речь. Роман, собственно, во многом повторял то, что мы уже знали из компьютерной переписки и рассказов самой Аллюр. Просто он был написан еще более красочным языком. Встреча с художником… Архитектором… Все эти вздохи я бессовестно пропустила. Вот, наконец, и встреча с артистом. И вдруг — вопрос: «А могу ли я справиться с чужими детьми, когда у меня нет собственных?» Значит, она колебалась. И вовсе не сразу приняла решение. Так что скелет в шкафу Аллюр действительно был… Я пробежала глазами остальное — ничего для нас существенного. Подчеркнув нужные слова, передала лист из романа Зое Алексеевне.

Аля, между тем, уже начала говорить. Ей было трудно, и она сразу сказала, почему. Она до сих пор точно не знает, что произошло на самом де-

ле, и надеется, что мы поможем ей разобраться. Просила только ее не перебивать, потому что, как сама выразилась, хочет начать с нуля.

Итак, поняв еще в восемь-десять лет по своим ободранным платьицам и рваным колготкам, что она не очень-то и нужна в своей семье, Аля инстинктивно жалась к тем, кто это понимал и хорошо к ней относился. Например, одна из соседок, тетя Нюра, приглашала ее к себе на выходные, угощала разными вкусностями, брала с собой на прогулки в парк и даже на пароход для туристов. Возвращаться от нее домой Але никогда не хотелось. Тетя Нюра же научила ее зашивать дырки на одежде и однажды даже поговорила с ее матерью, убедив ту сшить для дочери новое платье. Мать этому совету последовала. Но в остальном все осталось по-прежнему. Поэтому, когда в доме появилась еще и Лина, родители совершенно перестали обращать внимание на Алю. Как же, Лина помладше, у нее нет матери, сумасшедший отец, и она нуждается в особой опеке! Аля старалась приходить домой только ночевать, все дни проводила в школе, библиотеке и хоровом кружке, который очень любила. Пением она занималась во Дворце пионеров — были раньше такие. Там имелся маленький закуток, где она часто делала уроки, никто ее оттуда не прогонял. Потом, по счастливой случайности, на целых несколько лет она переехала жить к бабушке, и это было очень счастливое время. Ни родители, ни новоявленная сестрица ее там не трогали, такое положение всех устраивало. Со смертью бабушки многое изменилось. Какое-то время Аля жила одна в ее квартире. В тот дом приехали новые жильцы, их сын сразу обратил внимание на Алю. Они стали, как ранее выражались, дружить, пока не поняли, что им следует пожениться. Родители сочли, что тут-то, словно мираж, и исчез с горизонта Али мединститут. Но, честно говоря, она вовсе и не стремилась туда поступать. Ей хотелось учиться в музыкальном училище, однако отсутствие хорошей специальной подготовки не позволяло этого сделать, и она остановилась на медучилище. И, естественно, на замужестве, решив позже исправить положение со своим образованием. Однако пагубная страсть ее мужа помешала ей осуществить далеко идущие планы. Она оказалась самоотверженной женой и матерью — пыталась лечить своего любимого от алкоголизма, много занималась с детьми, чтобы ни одной минуты они не чувствовали себя так, как она в детстве. Потому у них и жизнь сложилась неплохо, в этом плане ей не о чем беспокоиться.

Все это время она мало думала о родной, но как бы отвергнувшей ее семье. И даже в таком положении винила порой себя — надо было навещать родителей хотя бы время от времени, но такой возможности не было — они жили в разных городах. И даже в разных временных измерениях. Иногда ей хотелось увидеть и отца, и мать, и тогда она писала им письма, звала

к себе. На письма они откликались довольно сухо, так ни разу и не приехали. Лицо сестры Лины давно забылось, Аля не представляла, какой та сейчас стала. Слышала лишь, что она закончила медицинский. И за такое сдержанное отношение к сестре Аля себя корила — девчонка ни в чем не была виновата. Уж в своей трагедии, перенесенной в детстве, — точно. К тому же, удочеренная или нет, а Лина действительно ее сестра, только двоюродная. И, несмотря на жизненные трудности, не было у Али ни отчаяния, ни злобы — дети выросли здоровыми и умными, любимый муж почти вылечился, на работе к ней относились хорошо. И вдруг — как обухом по голове! Все, что имели, родители завещали Лине! И отец, с которым она встречалась время от времени, когда уже работала в Москве, приходил к ней в поликлинику, но ни разу об этом не обмолвился!

На похоронах отца она не была — сильно болел сын, и они с мужем дежурили у него в больнице. А потом, когда вышла на работу, пришло это известие о завещании. Раньше Аля никогда не думала о наследстве. О том, что родители не вечны, и у их квартиры, дачи и прочего имущества появится новый владелец. Это известие дошло до нее совершенно случайно, от одного из больных, лежащих в ее палате. Она была обескуражена. Ей казалось, что можно утонуть в этом обмане, лжи, несправедливости, и уже никогда не быть самой собой. Но она выплыла. Посмотрела на свое положение по-другому и решила действовать. Существует ведь суд! Обыкновенный городской или там районный суд, куда следует подать иск. Она должна получить свою долю наследства! И чтобы ей не было стыдно, она решила для себя, что какую-то часть денег отдаст, скажем, детдому, где полно обездоленных малышей. Чтобы начать решительные действия, она твердила это себе много-много раз. Убеждала себя, что так и

поступит. Но справедливость должна победить. Почему, скажем, квартира, в которой она выросла и столько перетерпела, должна достаться другому человеку? У нее не сохранилось ни одной игрушки, ни одной вещи — все осталось там… Коллеги, знавшие об ее проблеме, утверждали — такую несправедливость нельзя терпеть!

Однако вначале Аля решила поговорить с матерью. Но та не сказала ей ничего вразумительного, все делала вид, что не знает и не понимает, о чем идет речь. Мать была уже беспомощна, но когда сердобольная Аля хотела забрать ее к себе, ухаживать за ней, лечить и так далее, та категорически отказалась, объявив, что у нее есть сиделка, и что пенсия позволяет ей хорошо платить этой женщине. Словом, Алю отфутболили. В очередной раз.

Но не только суд пришел Але в голову. В ней росло непонятное пока чувство — скажем так, гнева. Захотелось увидеть обидчицу, которая, видимо, так вцепилась в ее семью, что стала дороже родной дочери. Интересно, чем она взяла? Вниманием к родителям? Но до Али порой доходили слухи, что Лина тоже предпочла жить отдельно, хотя своей семьи у нее и не было. Вероятно, часто посещала родителей. А что же ей делать — ни мужа, ни детей. Втиралась в доверие. Гнев тихо переходил в ненависть. Хотя сама Аля считала себя неспособной на это подлое чувство. И в один прекрасный день она решила разыскать Лину и понаблюдать за ней. Хотя бы издалека, на расстоянии. Узнать, что она за человек. И стоит ли ей… мстить, например. Ни к чему не обязывающие расспросы быстро привели Алю к цели — она узнала, где работает Лина Георгиевна Селина, взявшая ее, Алино, родное отчество и фамилию. Однако посещения этой клиники под видом родственницы одного из пациентов к успеху не привели — Лина уже, так сказать, слиняла в одну из подмосковных больниц. Аля ринулась туда, где неожиданно и встретилась с той самой тетей Нюрой, которая проявляла участие к своей маленькой соседке. Она призналась ей в одном — хочет найти работу именно в этом городке. И старенькая тетя Нюра вновь ей помогла — устроила в больницу через свою знакомую.

Интересен был момент, когда в отделе кадров больницы Аля попросила не афишировать свою фамилию — Обижаева. Дескать, сразу все начинают думать, что она обидчивый человек, и прочее. Там поверили и представили новенькую по имени-отчеству — Альбина Георгиевна. Так Аля избежала неприятного момента — ведь Лина скорее всего знала ее фамилию по мужу. Хотя… Сестры были до того равнодушны друг к другу, что в своей взрослой жизни ни разу не захотели встретиться. Аля была уверена, что Лина ее не узнает, и спокойно пришла в хирургическое отделение — как она выражалась, вошла на вражескую территорию.

Поначалу и она не узнала Лину. Собственно, она не узнала бы ее никогда, если бы их не представили друг другу. Это произошло во время очередного чаепития. Але показалось, будто что-то дрогнуло в глазах Лины. Во взгляде. И чересчур плотно сжались ее губы. Узнала? Поняла, что перед ней — сестра?..

День за днем, занимаясь своими делами, Аля довольно спокойно наблюдала за Линой. Честно говоря, докторша ей нравилась — строгая, нацеленная на работу, очень немногословная — никаких лишних ла-ла-ла, дело свое хорошо знает. Больные ей доверяли, коллеги уважали. Любить ее, скорее всего, никто не любил — она была необщительна и походила на неприступную крепость. Суровая женщина! Лишь однажды Аля чуть не вышла из себя. В их палату попала многодетная мать. Каждый день ее навещали дети — неухоженные, плохо одетые. Аля даже пыталась подобрать им одежду из специального шкафа, где хранились вещи для бомжей, которые время от времени попадали в их отделение. Лина Георгиевна как-то при всех возмутилась:

— Подумали бы сначала, на что детей будут растить, а потом уж и рожали! Если за спиной нет прочной финансовой опоры…

Договорить ей не дали — возражали докторше громко и, как говорится, невзирая на лица. Упрекали в эгоизме. А кто-то даже требовательно спросил:

— А у вас есть эта самая финансовая опора?

— Есть. Мои родители об этом позаботились.

— А деточек-то Бог не дал, — протянула тогдашняя уборщица, невольно слышавшая весь разговор.

— А вот это уж не ваше дело! — отрезала Лина.

Все замолчали. А потом кто-то робко спросил, не отдает ли она часть своей финансовой опоры, скажем, неимущим? Разве вам, мол, много надо?

Лина спокойно ответила — да, мол, ей действительно много надо, она не была в кругосветных путешествиях, она мечтает пожить в Италии, Португалии, в Хорватии. И как только выйдет на пенсию…

Обида ножом прошлась по Алиному сердцу. Очевидно, сестре ни на один миг даже в голову не пришло поинтересоваться, а была ли она, Аля, в таких путешествиях? А, может, эта забытая всеми Аля больна и нуждается в дорогой операции? И что там вообще, в семье этой так и не ставшей врачом медсестры, которая давно исчезла с семейного горизонта, а там сочли, что и хорошо, и славно…

Обида стала расти с каждым днем — вернее, при каждом общении с Линой. Уже не просто со строгой — с высокомерной Линой. И не просто спокойной — равнодушной докторшей. Может быть, в глубине души у Али и рождалась мысль — чтоб ты сгинула, проклятая! Но никогда, ни на один миг она не замышляла ее убить. Наоборот, стала теряться в ее присутствии, особенно когда они оставались одни.

Аля призналась, что несколько раз заглядывала в сумку Лины, потому что увидела, что та накануне получила какое-то письмо. Захотелось прочесть или хотя бы посмотреть обратный адрес.

— Но изъять письмо у меня так и не получилось…

— Изъять? Это называется — украсть, — поправила я.

— Нет, не украсть. Я ведь обратно бы все положила. Вот блокнотик ее посмотрела, и — на место его.

Жизнь Али превратилась в сплошные черно-белые полосы. Злость к сестре кидала ее в темноту и пустоту. Стремление понять, простить — возвращало к нормальной жизни и ожиданию ответного чувства. А его не было.

— Знаете, дошло до того, что при появлении Лины у меня начинала болеть голова… И тогда я уходила на лестничную площадку. У меня был ключ, — призналась Аля.

И, не дожидаясь, пока мы спросим, зачем на площадку, продолжила:

— Там есть стена с очень интересным рисунком, можете сами посмотреть. Сделал кто-то из больных. Граффити. Очень успокаивает.

— Это — остров в океане? — спросила я.

— Да. Ты видела, Наташа. Ведь правда, здорово?

Странно, я тоже долго не могла оторваться от этого рисунка. Какие-то ледяные глыбы в океане, и — остров с деревом, возле которого — трещина… А дерево не дает острову расколоться. Оно держит его своими корнями. И ледяные глыбы как бы отступают. И волны успокаиваются.

Аля возле этого рисунка. Вот чьи возгласы с лестницы были тогда слышны…

— А в тот страшный день… В тот день у меня с утра болела голова, не надо было мне на работу выходить. Но я пришла. И, клянусь вам всем, я ее не убивала! Но чтобы вы это поняли, чтобы поверили, нам нужно пойти туда! Кажется, я поняла, что произошло… Уверяю вас — я покажу, как все случилось. То есть, что я обо всем этом думаю…

— Не зря я вас уверяла, что место встречи нам придется изменить, — заметила Зоя Алексеевна. — И плавно перейти в больницу, в комнату медсестер. Ведь так, Алечка?

— Именно так!

Несмотря на то, что рабочий день у большинства медиков уже кончился, мы получили разрешение больничного начальства и в том же составе оказались в комнате медсестер, которая была пуста — на этаже присутствовали лишь постовые сестры. А они, естественно, находились в коридоре на своих постах.

Глава 21

Как это было

Оттого ли, что начинался вечер, либо по той причине, что именно здесь произошло преступление, но в комнате было зябко и неуютно.

— Каждый раз, как только я об этом подумаю, у меня все вокруг начинает кружиться… кажется, я ничего не понимаю, и никогда ничего не пойму. И вдруг картина становится ясной, четкой, как будто я вижу все собственными глазами…

Аля вытащила из сумки маленькую полупрозрачную коробочку, в которой лежала одна-единственная таблетка.

— Вот так было и в тот день. Такая же коробочка с таблеткой. Это новый препарат от просту-

ды. Его нужно растворять в воде и пить. Девчонки в терапии дали. Эпидемия гриппа идет, а прививки я не делаю. Боюсь. Одна таблетка у меня тогда осталась. Одна, понимаете? И я эту коробочку с таблеткой положила вот сюда. Вот как сейчас кладу. На эту полочку. С этого края. Я всегда так делала. Можете у Киры спросить, она знает. У вас, наверное, вопрос — почему не в сумочке хранила? Да потому, что, если таблетка не будет у меня на глазах, то я забуду ее принять. Забуду! А потом, потом…

А потом был поток слез, который мы еле-еле остановили. И внимательно слушали дальше Алин рассказ, прерываемый рыданиями. Прежде всего мы чуть ли не хором поинтересовались, что еще стояло на этой полочке. Оказалось, много всего. Была и похожая коробочка, но она стояла в некотором отдалении. Внимательности Али нельзя было позавидовать — она не могла сказать, что, например, на их полочке появилось нового — по сравнению, скажем, с предыдущим днем.

Итак, Аля поставила себе стакан, открыла бутылку с минеральной водой — ею она всегда запивала лекарства, но именно тогда в открытую дверь увидела, как прошла к себе старшая медсестра, и отправилась за ней, чтобы попросить себе таких же таблеток, а также и успокоительного. Проще говоря, чтобы не тратиться на лекарства в аптеке. А когда вернулась, то увидела, что стакан и часть минералки исчезли, а ее коробочка с таблеткой стоит довольно косо и дальше от края… И что-то при виде этой коробочки ее смутило, только она никак не могла понять, что именно.

А далее события развивались таким образом. Аля взяла другой стакан, налила в него минеральной воды, открыла коробочку, бросила в воду таблетку и удивилась — вода не запузырилась, как обычно. Но осмыслить это времени не было — в сестринскую комнату вошла Кира, а потом вбежала Лина Георгиевна с перекошенным ртом, бормоча что-то про обморок с Аллюр. Она схватила стакан с водой, спросила: «Можно?» и, не дождавшись ответа, залпом опрокинула его в себя. И мгновенно упала, уже бездыханная. И у нее из кармана вылетели ключи от двери, ведущей на лестницу…

А дальше в отделении все загрохотало, затопало, захлопало, появилось много людей. Аля стояла как вкопанная и не могла сообразить, что же случилось… Ведь она приготовила это питье для себя! От простуды! Почему же лекарство так подействовало на Лину? Аля тупо смотрела на уже пустую коробочку, продолжавшую стоять на полке, и вдруг заметила, что она не такая уж и прозрачная, стенки у нее — как запотевшее стекло… К тому же ее коробочка была квадратной, а эта — прямоугольная. В которой было невесть что, отправившее Лину на тот свет… И на которой, кстати, остались ее, Алины отпечатки пальцев… Срочно взять коробочку и стереть их? Но тогда следует надеть перчатки. Резиновых перчаток у них было хоть

отбавляй, но Аля не решилась к ним прикоснуться — это сразу бросится всем в глаза. Вот если бы она готовилась к какой-то процедуре… Попался обыкновенный бинт. Стерильный. Пока все бегали туда-сюда, уносили Лину, она, прижав к себе бинтом коробочку, вытерла ее с четырех сторон, затем перевернула, прошлась бинтом по дну и по той стороне, которая касалась стены. И успокоилась. А потом стала говорить и следователям, и во время вроде бы неофициальных бесед то, что мы уже знаем.

— А уж как я свою-то коробочку искала, вы не представляете! Она как сквозь землю провалилась!

— Да нет. Думаю, ее просто спрятали, — предположила Зоя Алексеевна.

— Как раз в это время Нина пришла со своим цементом. Меня так и подмывало спросить, не видела ли она моей коробочки…

— А что Нина делала с этим самым цементом?

— Да она его принесла из магазина, а потом, уже на следующий день, и в палате, и в туалете щели заделывала, чтобы Альберту Валентиновичу не дуло. И в коридоре щели замазала. Видно, больных пожалела — там же курят некоторые, кому удается проникнуть на лестницу. Ну, дверь-то туда обычно заперта. Была. Сейчас, правда, ее не запирают, но и курить теперь нельзя — штрафы большие учредили.

Зоя Алексеевна села за стол, положила перед собой листы бумаги, ручку — все это она захватила из дома, идя сюда, и стала рисовать очередную схему, уже во многом осмысленную нами.

— Вот здесь — две коробочки. В каждой — по одной таблетке. В этой, Алиной, — лекарство от простуды, для профилактики гриппа. Я, кстати, знаю это лекарство, очень действенное. С виду — обычная белая таблетка. Так ведь, Аля?

— Да. Обычная.

— И на этой же полке — другая коробочка, и тоже с одной таблеткой. Предположительно, такой же, белой, мало отличающейся от Алиной. И эти две коробочки стоят почти рядом…

— А вот не стояли они рядом! Не стояли, — запротестовала вдруг Аля. — Я бы удивилась. А меня тогда на полке ничего не удивило. Единственное, что можно предположить, в какие-то роковые перед смертью Лины минуты, а, может, секунды что-то на этой полке искали и могли эти коробочки переставить.

— Аля, а вы долго были у старшей медсестры?

— Да уж не помню. Во всяком случае, не минуту и не две. И мне кажется, когда я шла обратно, то видела нашу сестру из перевязочной. Надо у нее спросить, не заходила ли она к нам в тот день. А сейчас спросить можно?

— Можно, если осторожно, — почти хором сыронизировали мы.

Зоя Алексеевна, узнав координаты сестры из перевязочной, которые были обозначены тут же, на столе, под стеклом, позвонила этой женщине, рассказала ей о цели разговора и задала вопрос, на который мы все с нетерпением ждали ответа. Он тут же и последовал, а наша главная детективщица с удовольствием объявила, что эта медсестра тогда чуть ли не все на полке перевернула, отыскивая свой пластырь, который давала кому-то из медичек на время. Вот поди ж ты, угадай, что именно пластыри были тогда здесь в большом дефиците! И больных, приходящих на перевязки, просили приносить свои. А кто-то не принес, и перевязочная сестра кинулась в комнату своих коллег… Так коробочки — Алина и чья-то еще — оказались переставленными. Вернувшаяся Аля не увидела стакана со своей минеральной водой. Очевидно, его унесли. А поскольку Алла Юрьевна перед смертью пила именно минералку, то логично предположить, что это и был пропавший Алин стакан с минеральной водой. И… Взглядом, наверное, убить все-таки можно. Тем более, если предполагаемый убийца уверен, что в стакане — таблетка с ядом… Лина явно волновалась — не каждый день убиваешь человека, и руки, скорее всего, тряслись, и глаз был не таким острым, а эти коробочки так похожи друг на друга… И Алина безвредная таблетка полетела в стакан с водой, предназначенной для провинившейся в молодости Аллюр… Уверенная, что таблетка ядовита, Лина решила избавиться и от коробочки, на которой остались ее отпечатки пальцев. То есть сначала, скорее всего, она побежала в палату к Альберту Валентиновичу — приводить в исполнение свой смертный приговор, а потом быстро избавилась от коробочки, и, судя по выпавшим из кармана ключам, сделала это где-нибудь на боковой лестнице. Либо сначала было второе действие, затем первое.

И после, зайдя в сестринскую, выпила стакан минеральной воды с чувством исполненного долга, не подозревая, что в стакане растворена ее собственная таблетка с ядом… Вот уж поистине — не рой яму другому, сам в нее попадешь…

— Могла бы просто стереть с коробки свои пальчики, — заметила я. — Незачем было ее прятать, тратить время. Все ведь решали мгновения…

— Тут важен психологический момент, — начала Настя. — Лина издергана, измучена, она решилась на крайний шаг. А когда шаг — крайний, запомни это, писательница ты наша, то и поступки совершаются экстремальные, не всегда поддающиеся логике. Человек балансирует на краю обрыва. Он знает, что может сорваться и оказаться в пропасти. Она его незримо уже затягивает… Там и коробочку-то вытереть было невозможно — руки, уверена, ходуном ходили…

— Интересно, она спрятала коробочку до того, как отнесла Аллюр минералку, или после? — спросил только что подошедший на наше совещание Серженко.

— Думаю, после, — уверенно ответила Зоя Алексеевна. — То есть коробочку она сразу забрала с собой, в карман положила, скорее всего, а на обратном пути спрятала. Аля, а ведь у вас дверь была открыта — не помните, откуда она вбежала в сестринскую? Если из палаты, вошла бы с правой стороны, а если с лестницы, так это почти напротив вас…

— О, господи! Да из коридора же, с той лестницы! Я вспомнила, что это меня еще тогда удивило. Подумала — а что она там делала-то? Ну, первая мысль — курила, хотя там курить было не в ее привычке. А уж дергалась-то как, смотреть было страшно!

— А пока она дергалась, Алечка приготовила ей прощальный напиток, — сыронизировала Настя.

Мы все на нее обрушились, а Аля снова заплакала.

— Ну откуда, откуда же мне было знать, что это яд? Я ведь для себя все приготовила, сто раз вам говорила. И если бы она не вбежала, не выпила — я бы это сделала через минуту. Даже через секунду. И сейчас меня не было бы среди вас. Это Бог меня спас за все страдания.

Мы молчали, мысленно соглашаясь с ней. Рисунок Зои Алексеевны на столе, который она для наглядности расцветила фломастером, пестрел извилистыми линиями и был все еще во многом загадочен. Вопросы оставались. А так ли все было? И не покончила ли уважаемая Лина Георгиевна с собой, устав от бессмысленности существования? Факты говорили одно — Лина бросила в стакан с водой, предназначенной для Аллюр, Алину таблетку и потом спрятала Алину коробочку из-под лекарств. Наверное, она не часто в жизни ошибалась и не привыкла сомневаться в своих действиях. А так ли уж одинаковы были те две таблетки — невинная, от простуды, и с ядом? И я, всегда ругая себя за подозрительность, все-таки волочу за собой тяжкую ношу-вопрос: кому была выгодна смерть Лины Георгиевны, и кто теперь окажется владельцем прекрасной московской квартиры и прочего имущества, завещанного погибшей родителями Али? Ей и выгодна. Но, глядя на нее, измученную, явно постаревшую за эти дни, не могла я задать этого вопроса! Однако чувствовала, что он прямо витает в воздухе. И она, Аля, это тоже чувствовала. И потому лихорадочно искала зацепки, чтобы мы ей поверили. Взяла со стола схему, нарисованную Зоей Алексеевной, внимательно ее разглядела и вдруг сказала, что надо найти свидетеля. Какого? Оказывается, того, кто мог видеть, как Лина прятала коробочку.

— Хм… Если она ее действительно прятала, — не выдержав, все-таки заметила я.

— Конечно, прятала! Иначе бы моя коробка не исчезла!

— Да у вас в сумочке — такая же. Может, это она и есть?

Аля подошла ко мне близко-близко и тихо проговорила:

— Я ту коробочку выбросить хотела. По одной причине. У нее края — порезаться можно! Как об нож. А у этой моей — смотрите, все нормально.

Да. Нормально. Так за чем же дело стало? И оно, это дело, не только в свидетеле, который мог видеть, как прятали коробочку. И кто прятал. Никакого свидетеля может и не быть. Надо найти саму коробочку. В коридоре так в коридоре! В день убийства обыскали все отделение — никаких коробочек! Значит, и правда что-то может скрывать лестница. Но там никуда ничего не спрячешь. Хотя… Там работала Нина. Довольно наблюдательная Нина. И она заделывала щели в стене. Замазывала их цементом. Может, она что-то заметила? Хотя, если бы заметила, то давно

бы сказала об этом. Но это же все просто. Стоит только позвонить Нине, и, возможно, все встанет на свои места.

Оказывается, такая мысль посетила не одну меня. Щели и цемент… Большие щели.

— Аля, а там могла поместиться коробочка? — спросила Зоя Алексеевна.

— Конечно, могла. Это я уже потом сообразила, когда Нина самые большие щели заделала.

Так — расколотить весь цемент в этом загадочном боковом коридоре, и все дела! Сразу увидим, что он там скрывает, какие коробочки. И я огласила вслух свое предложение.

— Ага! Нина-то тогда только основные щели замазала, две-три. А потом, после нее, все остальные уже рабочие заделывали. Там этих дыр было — не счесть!

— Так ведь Нина может нам показать, над чем она тогда трудилась.

— Ты права, Наташа. И сейчас мы потревожим нашу молодоженку. Пусть летит к нам из своего гнездышка, — усмехнулась Зоя Алексеевна.

У нее было очень довольное лицо, и я сделала вывод, что наша предводительница считает это сложное дело практически уже законченным.

Леонид Гаврилович Серженко попросил не гнать лошадей. Он доложил своему начальству, хоть и временному, ибо находился здесь в командировке, что удалось достичь частному детективному агентству в раскрытии запутанного дела. Там очень обрадовались — наверняка думали, что будет «висяк». Серж попросил коллег прибыть на место, а именно в хирургическое отделение, и документально оформить изъятие коробочки, если таковая действительно найдется.

Зоя Алексеевна начала переговоры с Ниной, однако потом переключилась на ее сыночка. Разговор с ребенком нас всех заинтересовал. Особенно встрепенулась Аля.

— Когда Нина с цементом возилась, он тут крутился, ее Васенька! И он мог видеть…

Мог, конечно. Но мог и не видеть. Что ж, поживем — увидим!

Глава 22

Когда наступает рассвет

— Папа!

Волна нежности и безграничного доверия коснулась Альберта Валентиновича. Он замер.

— Папа! Почему ты молчишь?

— Я слушаю. Ты ведь первый раз назвал меня папой…

— Ну да. А тебе это понравилось?

— Меня никто и никогда еще так не называл…

— Понятно. Ну так ведь клево, верно?

— Конечно же, клево…

— Я шахматы расставил. Будешь?

— Непременно!

Сегодня выходной. Редко он отдыхал в такие дни — за неделю накапливалось много всего, что требовало неспешного осмысления. И все это с единственной целью — сделать еще один шаг вверх, к большей значимости, чтобы попасть в круг тех, кто управляет миром. Другое поле, другая жизнь. И как же он стал далек от этого в последние дни! И все потому, что у него появилась семья. Нина и Васенька. Сын и жена. Удивительным все же было то танго в купе! Он ведь его помнит. Именно во время танго ему показалось, что никогда он не расстанется с этой женщиной. Но на перроне ее встретил муж. Он и мужа хорошо помнит. Небольшого роста, крепкий — этакий пенечек. Пусть земля ему будет пухом, хорошему человеку. Растил же его сына, не попрекал жену…

Запах рыбного пирога побежал по всем комнатам.

— Готов! Ваш любимый — с семгой, — оповестила своих мужчин Нина. — Только подождите минут десять — пирог должен остынуть.

Семейную идиллию прервал телефонный звонок. Это была Зоя Алексеевна, звонившая из больницы.

— Ниночка, мы перенесли сюда штаб нашего детективного агентства. Все еще разгадываем тайны известных вам погибших женщин.

— Да, да, я поняла.

— Прошу вас, вспомните тот день, когда вы замазывали цементом щели в больнице.

— Что именно надо вспомнить?

— Тут вот какая история… Пропала коробочка из сестринской комнаты. Она небольшая — ну, вы же видели, вторая-то коробочка осталась.

— Да, помню. Видела.

— Так вот. Мы предположили, что пропавшая коробочка могла быть где-то спрятана. Причем заранее никто никакого тайника не готовил. Все получилось спонтанно. Возможно, была щель, в которую эта коробочка могла поместиться. А? Вы же там все обследовали, чтобы Альберт Валентинович не простудился…

— Да, конечно. Обследовала. Но… И в палате его, и в туалете щели были узкие. В них дуло, это были плохие щели, но коробочке там уж никак не поместиться… Я их тогда быстро заделала. Работы не очень много оказалось. У меня еще и цемент остался.

— Мам, да ты ведь и в коридоре еще стены заделывала. На лестнице, помнишь?

— Нина, там сынок ваш что-то подсказывает про коридор…

— Ну да. Цемент-то, говорю, остался, так я про коридор и вспомнила. Дырки там видела. Моему Альберту Валентиновичу они, правда, не мешали, но я решила — раз уж есть возможность, почему бы не сделать доброе дело…

— Мам, а зачем они тебя про это спрашивают?

— Ниночка, а дайте-ка вы трубку своему Василию…

— Зачем, Зоя Алексеевна?

— Да вы не беспокойтесь. Просто мне хочется поговорить с Василием Альбертовичем…

— Да… пожалуйста. Вася, это Зоя Алексеевна, она частный детектив. Хочет с тобой поговорить.

— Классно!

— Вася, а ты ведь знаешь, где твоя мама в коридоре на лестнице щели цементировала?

— Ну да. Я же тогда у нее на работе был.

— Я услышала, как ты поинтересовался, что мы ищем. Коробочку. Прозрачная такая коробочка, небольшая.

— Да знаю я. Видел.

— Где?

— Зоя Алексеевна! Вы только не подумайте, что я плохо себя вел. Просто мама сказала, что пойдет на лестницу, и я отправился за ней. Не сразу, правда. Пришел, но мамы там не было. Я стал рисунки на стене рассматривать. Там дерево интересное было нарисовано, у него ствол уходил в самый пол, прямо в щель. Получалось, как будто там дупло. И я присел на корточки, чтобы посмотреть, что же там на самом деле. А там и была коробочка. Тут тетеньки какие-то пришли покурить, в халатах больничных, вот я и не стал коробочку трогать. Не хотел, чтобы видели, как я беру чужое. И вообще они на меня так смотрели… Хотели, чтобы я поскорее ушел.

— А потом ты туда вернулся вместе с мамой, да?

— Ну да. Там уже никого не было.

— И ты эту коробочку, конечно, вытащил?

— Конечно, нет! Не успел. Мама подошла с цементом, тяп, ляп — и нету дырки!

— А коробочка?

— Так она там осталась!

— В стене?

— Получается, что в стене…

— И ты можешь показать это место?

— Ну, конечно!

— Дай маме трубку! Или папе!

О пироге пришлось на время забыть. Семья Альберта Валентиновича в полном составе прибыла в больницу. Главный свидетель Васенька сиял от своей значимости — ему уже сказали о важности этой коробочки для раскрытия запутанного дела. Мы все прошли в коридор, на лестницу. Вася спустился на один пролет, уверенно подошел к стене, где красовалось несколько цементных пятен, и указал на самое большое, расположенное ниже всех, почти у пола.

— Вот здесь. Расколачивайте. Она точно там. И еще я забыл вам сказать… Когда эти больные курили, они говорили, только почему-то шепотом, об этой вашей Лине Георгиевне, которую убили…

— И что именно они про нее говорили?

— Да что она их сюда покурить не пустила. Видела, что они на лестницу идут, сигареты прячут, и прямо перед ними заперла дверь. А через несколько минут ее уже убили…

Значит, Лина спрятала коробочку на обратном пути, когда вышла из палаты, дав выпить нашей милой Аллюр отраву. Она считала, что отраву. Ну да, на обратном пути спешить ей уже было некуда, свое черное дело она сделала, оставалось спрятать эту несчастную коробочку. А можно было, как мы уже говорили, и не прятать, а стереть отпечатки, да и выбросить. Но она решила спрятать. Сочла, что так будет вернее. Нам уже никогда не узнать, почему она именно так сделала.

Кстати, коробочка действительно оказалась с очень острыми краями, о которые запросто можно было порезаться…

Коллеги Серженко, прибывшие в отделение, попросили Алю изложить все происшедшее в тот роковой день. Но прежде всего ее спросили, почему она не рассказала об этой коробочке и ее содержимом ранее, в тот роковой день.

— Господи, да мне и в голову не пришло, что я растворила в воде не свою невинную таблетку, а яд! О второй-то коробочке с таблеткой я ничего не знала…

Меня лично занимал еще один вопрос — почему Лина держала яд в коробочке, на виду у всех? Таблетка вполне могла уместиться в кармане ее халата. Без коробочки, конечно. Почему? Боялась держать отраву близко к телу? Или опасалась разоблачения — мало ли как могло повернуться дело?.. А, может, ее все-таки терзали сомнения, и она верила, что, если отрава будет подальше от нее, то, возможно, она пощадит Аллу Юрьевну?..

Еще один вопрос оставался без ответа — как могла умная, опытная, как и любой врач, Лина Георгиевна не узнать Алю? Даже если предположить, что они не виделись почти с детства, наверняка разглядывала ее фотографии… Могла,

но не узнала… А, может, просто не захотела узнавать? Так было спокойнее.

— Аля, а вы познакомитесь с Жулианой? Все-таки сестра, хоть и двоюродная…

На лице Али явно читалось — а на фига она, мол, мне сдалась! Но вслух она ничего не сказала, лишь неопределенно кивнула головой.

Ах, как нам не хотелось, чтобы день, открывший последние тайны смерти двух женщин в хирургическом отделении, заканчивался. Мы завезли Алю домой и снова поехали к Зое Алексеевне, где скромно, но со вкусом отметили итоги своих поисков, превознося до небес собственную сообразительность, умение добывать и анализировать факты и многое другое. Мы шумно восторгались друг другом и даже хотели выйти во двор, чтобы запустить по этому случаю фейерверк, но всех остановила Настя:

— Не надо фейерверка. И вообще шума не надо. Я в последнее время привыкла жить тихо, не высовываться. Альберт Валентинович… Заметили, как он переменился? Но ведь все равно будет баллотироваться в губернаторы, а, значит, строитель не оставит меня в покое!

— Проблемы надо решать по мере их поступления, — заметила Зоя Алексеевна. — Альберт стал другим, мы все это видим. Но это увидит и его противник. Бороться двоим, про которых можно сказать — одного поля ягода, и бороться людям из абсолютно разных сфер… морали — это день и ночь. Черное и белое. И если он на черном поле, строитель этот, то по белым клеткам ему не ходить…

Она права. Есть понятие гармонии мира. К сожалению, для многих оно недосягаемо. Думаю, Альберт Валентинович не откажется от борьбы. Так же, как и мы не откажемся от своего дела, которое называется — расследование. И надо идти по этому пути, каким бы трудным и запутанным он ни был…

Ах, как рыдает женщина за стеной моей квартиры — у нее ограбили и убили мужа… Одинок и печален старик в деревне моих предков — ночью воры увели у него всех овец… А в родном моем городе похитили ребенка, и пока шли переговоры о выкупе, он… Словом, не хватит слез, чтобы оплакать все преступления, совершенные людьми. Но разве возможно истребить зло? Наверное, несмотря ни на что, следует жить с верой в то, что это все-таки возможно.

Мы расходились от Зои Алексеевны с чувством своей особой значимости в этом мире. На сей раз не стали раскладывать по полочкам все наше расследование, уточнять, кто, когда, о чем и по каким признакам догадался. Пришли к верному итогу, и слава богу! Получили еще один опыт. Сделали

еще одно доброе дело. А у меня, как вы понимаете, появился еще один сюжет. Так что — до новых сюжетов!

Думаю, читателям интересно, что стало с героями этого повествования. Главный, из-за кого и началась вся эта драма — Альберт Валентинович, — не отказался от борьбы за пост… Впрочем, зачем уточнять, за какой именно. Он вовсе не хочет быть здесь узнанным. Сейчас Альберт Валентинович решает глобальные проблемы огромного региона и поддерживает движение, связанное с единым правлением Земли. Можно, конечно, поправить — Землей, но это как-то более буднично. Всегда рядом — его верная Нина и… Васенька, думаете? Конечно, но уже не один, а со своим маленьким братишкой, которого назвали Валентином. Нина пока не работает, занимается детьми, но мечтает организовать собственное дело. Какое — не говорит, нельзя, мол, плохая примета. Правда, она как-то обмолвилась, что умеет хорошо шить…

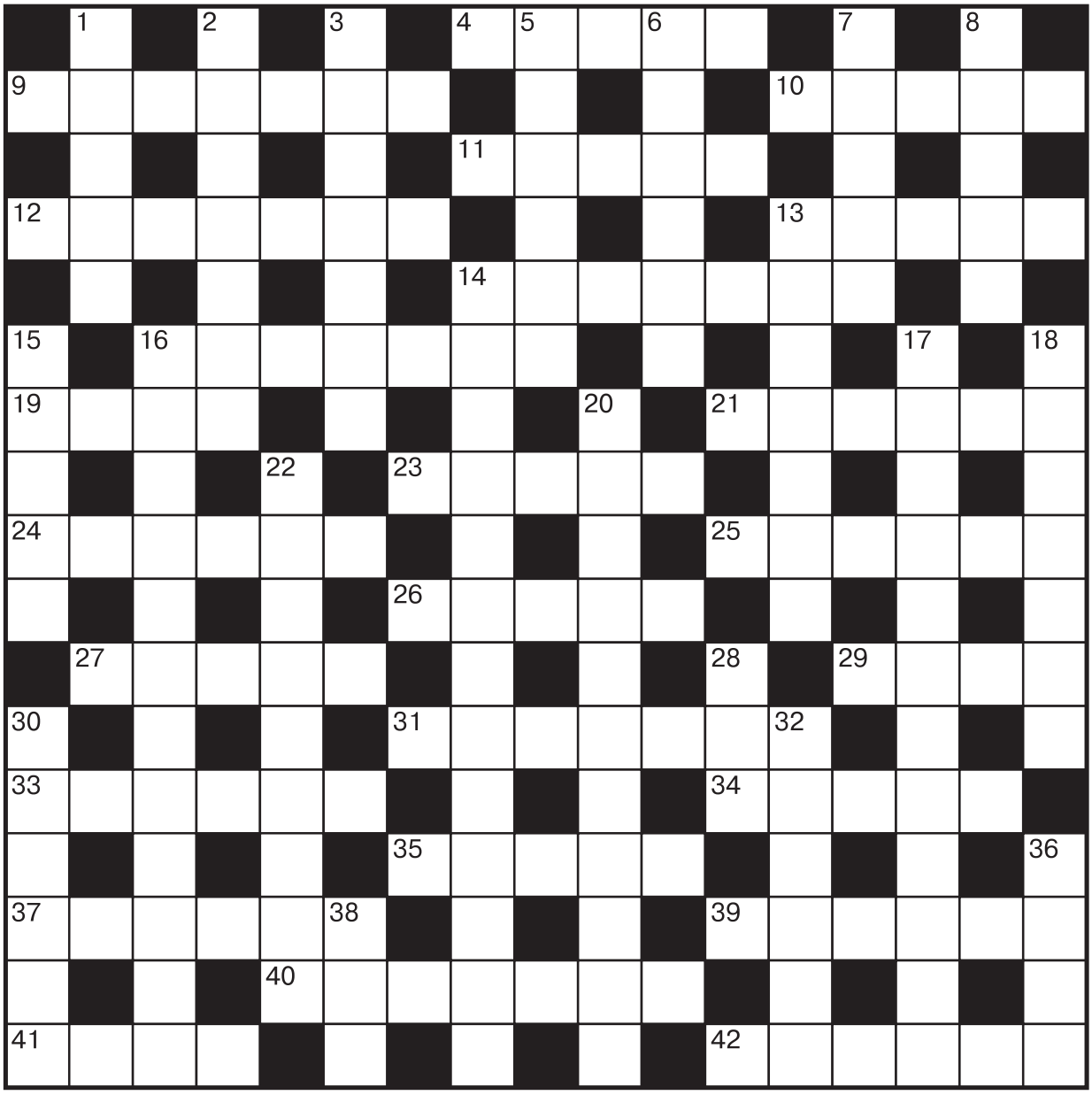
Аля с мужем живут в новой квартире, которую купили без всяких ипотек. Дело в том, что она разыскала Жулиану, которая оказалась не такой уж безбашенной женщиной, и они мирно поделили наследство, доставшееся в свое время Лине Георгиевне. Правда, знакомство с Жулианой и ограничилось этими деловыми контактами, а потом она совсем исчезла с Алиного горизонта. Однажды Аля услышала по радио необычные стихи, и диктор назвал имя поэтессы. Это была Жулиана. Естественно, она тут же связалась с этой радиостанцией и попросила ее телефон. Телефон ей не дали, зато после настойчивых просьб назвали электронный адрес Жулианы. Аля стала ей писать. Сначала не получала ответов, но потом ее упорство было вознаграждено, и они вновь встретились. Поняв, что Жулиана страшно одинока, Аля предложила ей пожить у них. За несколько недель та буквально преобразилась на гла-

зах, ей стало интересно общаться с людьми. Она призналась, что давно хотела открыть салон, где смогла бы помогать людям своими экстрасенсорными способностями. Аля поддержала ее в этом порыве, более того, стала даже помогать. Сейчас их салон пользуется большой популярностью. Алины дети, привыкшие жить более чем скромно, наконец-то вздохнули свободно и стали строить свои планы на будущее.

Ну а мы все — на своих местах. Хотя мудрецы говорят, что, если можешь изменить свою жизнь — меняй! Всякая перемена раскрывает новые способности и возможности. Так сделала Зоя Алексеевна, уставшая быть одна. Леонид Гаврилович, наш Серж, случайно обмолвился, что предлагают ему хорошую должность в столице, а вот с жильем пока туго. А он ведь не один, с женой. И Зоя Алексеевна, поближе познакомившись с этой парой, предложила им пожить у нее. Все вышло замечательно. Хотя Серж откровенно скучает по своей работе в провинции и совсем не уверен, что долго выдержит столичную суету, другой стиль рабочих отношений и ритм жизни. Но — время покажет!

Мы же с Настей изо всех сил бережем свои семьи, которые откровенно бросали во время расследования, холим и лелеем наших мужей и детей и продолжаем писать. Я — свои книги, Настя — статьи. Я твержу ей, что пора садиться за большую прозу — тем более что опыт у нее уже есть. Я даже придумала название для ее книги — «Я падаю и умираю», потому что все действительно так и было. Но… Наверное, ей не понравилось название. Оно трагично. А трагедии никому не нужны, правда же? Мне могут возразить — что, всем натягивать на лицо улыбку? Но когда от собственных либо чужих дел и поступков в душе наступает рассвет, улыбка появляется сама… ❑

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Какая птица может быть не только золотой, но и алмазной? **9.** Упражнения для развития гибкости тела. **10.** «Пчелиный кузен». **11.** Заведение с партами. **12.** Галстук маэстро. **13.** «Передний край» борьбы с врагом. **14.** Город Всемирного времени. **16.** Старинное оборонительное сооружение, со временем выродившееся в скромный цветник. **19.** Зверь с лежбища. **21.** Какое вино французы начинают пробовать с третьего четверга ноября? **23.** Кто из атаманов воевал с ханом Кучумом? **24.** Четвертованный месяц. **25.** «Статуя до небес».

26. «... живет и в невестах, и в женах, но не в каждой из них он постоянно прописан». **27.** Одежда троглодита. **29.** Накопитель младенцев. **31.** В какой командной игре пенальти пробивают с семи метров? **33.** Выгодная сделка. **34.** Какая восточная сладость особенно богата фосфором и цинком? **35.** Что Джон Траволта сплясал с Умой Турман у Квентина Тарантино? **37.** Где ездят на оленьих упряжках? **39.** Материал, «обычно имитирующий» собственное отсутствие. **40.** Тысяча, к которой три ноля добавили. **41.** Какой предмет рыцарского снаряжения послужил к зарождению геральдики? **42.** Энциклопедист из Цветочного города..

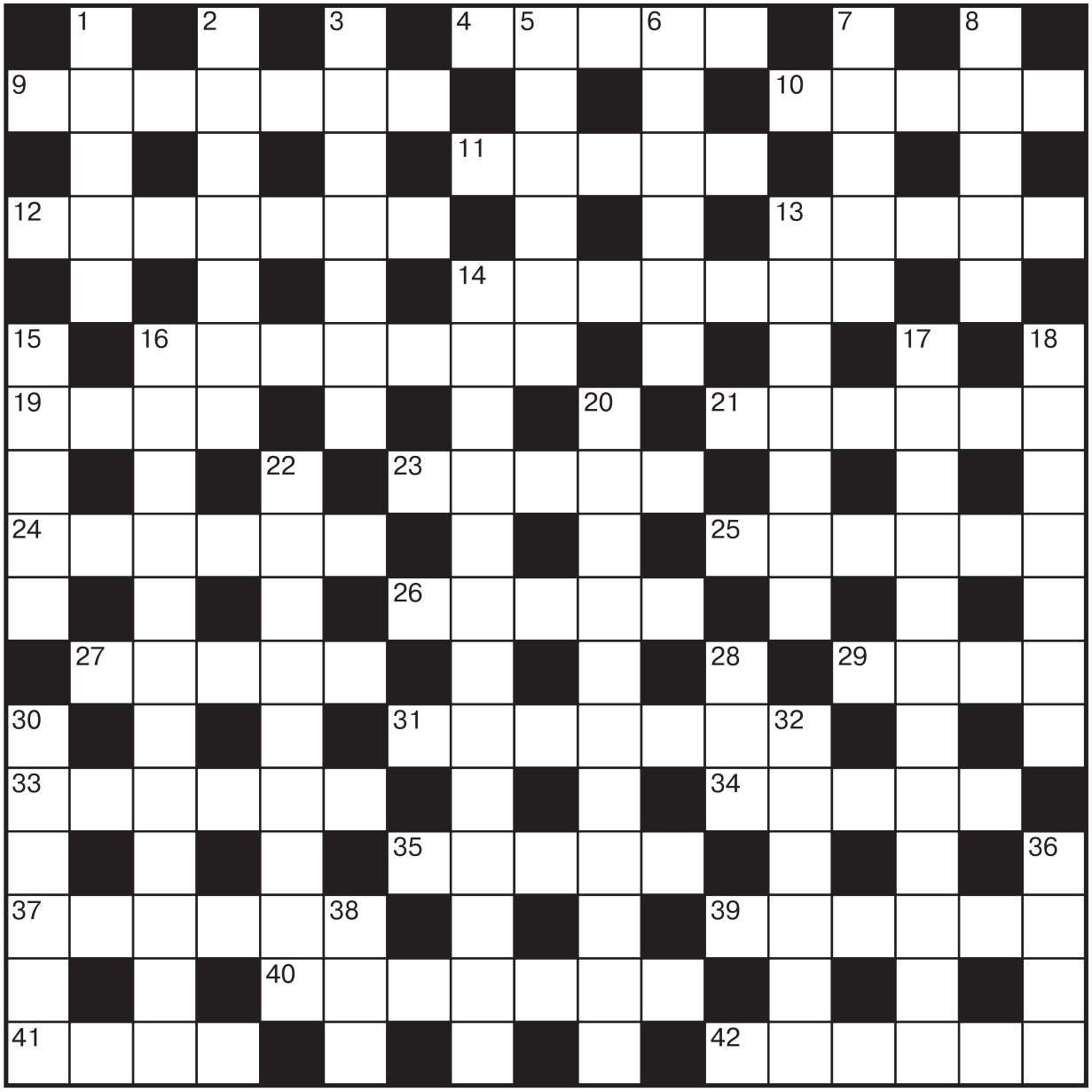
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Заключительная сцена. **2.** «Тайное противодействие». **3.** С чем химичат? **5.** Нотный букет. **6.** Мужская колонна. **7.** «Ветер перемен» для пейзажа. **8.** Самая распространенная на Земле осадочная горная порода. **13.** Кем был по профессии фантаст Аркадий Стругацкий? **14.** Кто стал первым международным гроссмейстером среди женщин? **15.** Подрастающее поколение по отношению к старшим. **16.** Смак от ожиданий. **17.** Кто командовал Парадом Победы 24 июня 1945 года? **18.** Любимый англичанин Карла Маркса. **20.** Какая игрушка в свое время пригодилась архитекторам и ювелирам, декораторам и художникам промышленной графики? **22.** Средство для наркоза из рассказа «Крещение поворотом» булгаковского цикла «Записки юного врача». **28.** «Болотный ковер». **30.** Охотничья сумка. **32.** Какой металл возглавляет шеренгу из четырнадцати химических элементов? **36.** Умный ее обойдет. **38.** Болотное растение, поставляющее аппетитную горечь.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Эликсир. **7.** Обои. **10.** Пыжик. **12.** Аплодисменты. **13.** Навоз. **15.** Тапочки. **16.** Отроек. **19.** Хна. **20.** Вопрос. **24.** Баюн. **25.** Земляника. **27.** День. **28.** Сверло. **29.** Вотруба. **30.** Безмен. **31.** Привет. **33.** Азу. **36.** Федот. **37.** Малахит. **40.** Загар. **42.** Хакер. **43.** Монголы. **44.** Сосед. **45.** Пчела. **46.** Баллада.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рыбак. **2.** Живот. **4.** Лэптоп. **5.** Кнопка. **6.** Ирис. **8.** Бензозаправщик. **9.** Изысканность. **11.** Смута. **14.** Завоз. **16.** Оникс. **17.** Свадьба. **18.** Спиноза. **21.** Сезон. **22.** Флирт. **23.** Снобизм. **26.** Авербах. **29.** Вечер. **32.** «Тойота». **34.** Уайльд. **35.** Фагот. **36.** Факел. **38.** Харчо. **39.** Тесла. **41.** Угол.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Из чьих молок получили первый антибиотик животного происхождения? **9.** Валет, дама и король одной масти в преферансе. **10.** Главный элемент в «азбуке Брайля» для слепых. **11.** Какую французскую пещеру за глаза окрестили «Сикстинской капеллой первобытной живописи»? **12.** Желудочный недуг, при котором рекомендуют пюре из фасоли. **13.** Какую фамилию взяла себе после замужества Беатриче Портинари — муза великого Данте? **14.** Аминокислота, чтобы подавлять аппетит. **16.** Камчатский карп. **19.** «Те, кому нанесли ..., могут получить настоящее удовлетворение только от двух вещей — безогово-

рочного прощения или беспощадного возмездия». **21.** Работа над ошибками в бухгалтерском деле. **23.** Баранья колбаса у узбеков. **24.** Зона контакта нервных клеток. **25.** Раб в роли массажиста у древних греков. **26.** «Ножные когти» ниндзя. **27.** Древняя боевая палица. **29.** Где Веспасиана провозгласили императором? **31.** Мордовская волынка. **33.** Один из главных врагов капустной тли. **34.** Платок на голове египетских фараонов. **35.** Передний парус на яхте. **37.** Единственный смертный, кто смог ранить Ареса, но не без помощи Афины. **39.** Шаг, сделанный в неверную сторону или несделанный в верную. **40.** «Певчая гортань» у птиц. **41.** Месяц еврейского календаря. **42.** Рай китайских буддистов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французская овчарка. **2.** Какой розовый «кадиллак» Элвис Пресли подарил своей матери? **3.** Жутко непостоянный человек из словаря Макса Фасмера. **5.** Партийный псевдоним Льва Троцкого. **6.** Гитарист для исполнения фламенко. **7.** Какой кардинал замешан в похищении «Ожерелья королевы»? **8.** Библейская история о жертвоприношении Исаака. **13.** Камера с искусственным климатом. **14.** «Морское владычество». **15.** Средневековые монахи считали бобра рыбой только на том основании, что у него чешуйчатый ... **16.** Последний секретарь великого поэта Райнера Марии Рильке. **17.** Боязнь прикосновений к деньгам. **18.** Гавайский кальмар с прожектором. **20.** Какой мистический знак нарисовал у себя на темени Малах из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? **22.** «Танец амазонок». **28.** Существо с Дренора из вселенной Warcraft. **30.** Венгерский трактир. **32.** Среди полотен русского художника Ивана Айвазовского, хранимых в Феодосийской картинной галерее, есть и «Камыши на Днепре близ местечка ...» **36.** Китайский парламент во времена Чан Кайши. **38.** Религиозные обязанности мусульманина.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Рупрехт. **7.** Шпор. **10.** Совня. **12.** Глаббдобдриб. **13.** Убрус. **15.** Суворов. **16.** Теэтет. **19.** Тан. **20.** Климат. **24.** Крор. **25.** Хвостокол. **27.** Лупа. **28.** Сангео. **29.** Кшиштоф. **30.** Лочира. **31.** Суцелл. **33.** Мод. **36.** Эстер. **37.** Пешеход. **40.** Дуайт. **42.** Наджо. **43.** Баррида. **44.** Тяною. **45.** Драга. **46.** Форстер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Нобби. **2.** Ангус. **4.** Уолтон. **5.** Роброн. **6.** Хедж. **8.** Перфторуглерод. **9.** Работорговля. **11.** Ибсен. **14.** Сумах. **16.** Тачос. **17.** Укулеле. **18.** Ринпоче. **21.** Тваша. **22.** Псише. **23.** Конотоп. **26.** Лагузен. **29.** Крест. **32.** Легато. **34.** Дейдре. **35.** Фуляр. **36.** Эйвон. **38.** Хаори. **39.** Джегу. **41.** Ярус.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2014 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс Ю9406** — только для подписчиков Республики Крым и г. Севастополя. Оформление подписки в том числе и через Специальный выпуск подписного каталога. Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Московский Дом Книги

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

смена №8, 2014

9 770131 665607 14007

«История рода знаменитых уральских заводчиков Демидовых началась триста лет назад, из которых 215 лет они владели уральскими заводами, не говоря уже о прочих выдающихся деяниях этой династии. Начертанный на гербе Демидовых девиз: «Дела — не слова» как бы определил основной приоритет в деятельности этой замечательной семьи на благо России.

Светлана **Бестужева-Лада** «Демидовы»

«Один из самых значительных русских поэтов XIX века Евгений Баратынский оказался, по непонятным причинам, отодвинут на задний план. Его своеобразная поэзия была забыта в течение целого столетия, и только в самом конце его символисты возобновили интерес к творчеству Баратынского, провозгласив его одним из трех величайших поэтов наряду с Пушкиным и Тютчевым. Как говорил Осип Мандельштам: «Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью…»

Денис **Логинов** «Первостепенный талант»

«Бриджит Бардо — это имя вызывает в памяти образ роскошной блондинки с огромными глазами, осиной талией и поистине завораживающей пластикой и грацией. «Европейская Мэрилин Монро», икона стиля 50-х прошлого столетия, она сводила с ума миллионы мужчин и вызывала зависть у миллионов женщин, являясь в то же время объектом для подражания. В чем же секрет ее невероятной привлекательности и успеха?

Майя **Орлова** «Мятежный секс-символ Европы»

«Детектив Александра **Аннина** «Клуб “Монреаль”»

«Окончание триллера Дарьи **Булатниковой** «Капля огня»

смена №7 июль 2014